64

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

Р. Б. СУЛЕЙМЕНОВ,
В. А. МОИСЕЕВ

ИЗ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА XVIII ВЕКА

(О ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ АБЛАЯ)

Издательство «НАУКА» Казахской ССР
АЛМА-АТА · 1988

Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А. Из истории Казахстана XVIII века (о внешней и внутренней политике Аблая). — Алма-Ата: Наука. 1988. — 144 с.

На основе широкого круга русских архивных документов, китайских трудов, казахских народных преданий освещается деятельность Аблая в один из важных, переломных периодов в истории казахского народа — 30—70-е годы XVIII в.

Для научных работников, преподавателей вузов, всех интересующихся историей казахского народа.

Ответственный редактор

доктор исторических наук
Х. А. АРГЫНБАЕВ

423997

БИБЛИОТЕКА
Карагандинского
государственного университета

С 0505040000—099 / 407(05)—88 11.88

ISBN 5—628—00010—8

©Издательство «Наука» Казахской ССР, 1988 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приступая к написанию этой книги, мы руководствовались высказанным К. Марксом и Ф. Энгельсом положением, что «не «история», а именно человек, действительный живой человек — вот кто делает все..., всем обладает и за все борется»[1]. К сожалению, в казахстанской советской историографии пока еще очень немногочисленны работы, посвященные казахским историческим деятелям, особенно эпохи средневековья и нового времени. Между тем нельзя глубоко и всесторонне изучить ход исторических событий, понять и раскрыть их смысл, не подвергнув тщательному анализу жизнь и деятельность личностей, сыгравших в них важнейшую роль. Как писал академик Н. М. Дружинин, «нельзя устранить из исторического процесса живые индивидуальности. История совершается живыми людьми, мыслящими и чувствующими в соответствии с задачами своего времени»[2].

В жизни казахского народа в переломный период его истории — XVIII столетие — Аблай сыграл большую роль. Он возглавлял освободительную борьбу казахского народа против джунгарских, а затем и цинских завоевателей, одним из первых сделал исторический выбор, добровольно признав подданство России, пытался объединить раздробленные казахские владения в единое государственное образование, заставил считаться с собой правителей соседних центральноазиатских держав. «Самым могущественным из ханов XVIII в.,— указывал

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С. 102.

[2] *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л., 1946. Т. 1. С. 6.

академик В. В. Бартольд,— был хан Средней орды Аблай...»[3]. Тем не менее, за исключением одной небольшой заметки Ч. Валиханова «Аблай», опубликованной еще в начале 60-х гг. прошлого столетия[4], и нескольких популярных брошюр, до сих пор нет ни одной научной работы, посвященной этому государственному деятелю, анализу его внутренней и внешней политики.

Это привело к тому, что в ряде научно-популярных работ дается превратная оценка деятельности, принижается его роль в национально-освободительной борьбе народов Центральной Азии против цинских завоевателей. Так, в монографии В. С. Кузнецова «Амурсана» Аблай предстает перед читателем не дальновидным государственным деятелем, а коварным варваром, которому «по хитрости и изворотливости» не было равных среди других владельцев Среднего жуза: «И в походах удача нередко сопутствовала ему. Нюх особый имел, знал, когда и на кого напасть»[5].

С другой стороны, в казахстанской исторической беллетристике в последние годы наблюдается противоположное явление — идеализация образа Аблая, любование и безоглядное восхищение его деятельностью. Это нашло отражение в трилогии известного казахстанского писателя И. Есенберлина «Кочевники». Требования к исторической прозе, достоверности описываемых фактов и событий должны быть высокими. «Миллионы и миллионы наших соотечественников,— подчеркивал в одном из своих выступлений на страницах газеты «Правда» известный советский историк С. С. Хромов,— удовлетворяют свой интерес к минувшему, обращаясь к художественным произведениям на исторические темы. Однако порой на полки библиотек, на кино- и телеэкраны попадают произведения, авторы которых весьма вольно обращаются с историческими фактами, допускают отход от принципов классовости, партийности в анализе явлений прошлого, игнорируют достижения современной марк-

[3] *Бартольд В. В.* История турецко-монгольских народов // Соч. М., 1968. Т. 5. С. 224.

[4] *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. В 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. IV.

[5] *Кузнецов В. С.* Амурсана. Новосибирск, 1981. Эта работа подверглась в свое время в казахстанской научной печати справедливой критике. См.: *Сулейменов Р. Б.* Внешнеполитические связи Казахстана XVI—XVIII вв. в советской историографии // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1983. С. 8—34.

Рис. 1. Хан Младшего жуза Абулхаир

систской историографии и как следствие — искажают подлинную картину событий. Во многом эти просчеты объясняются недостаточным историческим кругозором, а также слабыми творческими связями деятелей литературы и искусства с историками-профессионалами»[6]. Конечно, художник имеет право на вымысел, на свое толкование и понимание «белых пятен» истории, однако, он не имеет права отрываться от почвы реальных объектив-

[6] *Хромов С. С.* Школа гражданственности: Об идейно-воспитательной роли исторических знаний // Правда. 1981. 4 сентября.

Рис. 2. Перекочевка

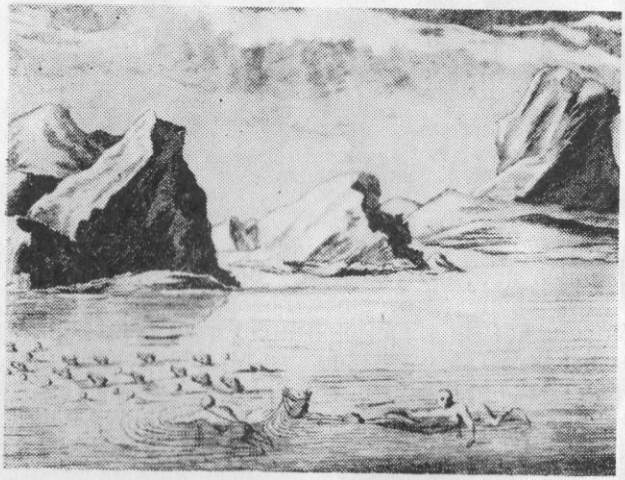

Рис. 3. Переправа через реку

Рис. 4. Одежда казахов

ных фактов и творить произвол в давно уже решенных историками проблемах[7].

Историческая трилогия И. Есенберлина изобилует неточностями, грубыми и неоправданными домыслами, искажающими историческую правду. Мы не считаем себя вправе давать оценку этому художественному произведению, это дело литературных критиков, но как историки считаем своим долгом отметить, что созданная автором картина событий, а именно взаимоотношений казахских ханств с Джунгарией и цинским Китаем, далека от действительности. Никаких контактов между Казахстаном и Китаем вплоть до середины 50-х гг. XVIII в. не было, и Джунгарское ханство никак не являлось «авангардом» Цинской империи в Центральной Азии. В течение почти ста лет оно сдерживало натиск маньчжур, проводя захватническую политику в Казахстане и Средней Азии[8]. В книге много небрежностей, искажений, домыслов. Приведем в качестве иллюстрации лишь один абзац из второй части трилогии «Отчаяние».

---

[7] *Афанасьев Ю.* Прошлое и мы // Коммунист. 1985. № 14. С. 110—111.

[8] *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. М., 1964; *Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX вв. М., 1979.

«В 1745 году умер контайчи Галдан-Церен. Но еще за два года до его смерти правителем Джунгарии стал его средний сын Церен-Доржи. При нем усилилась та кровавая борьба за власть, которая всегда была свойственна этой стране. В конце 1753 года, убив своего брата Церен-Доржи, великим контайчи стал Лама-Доржи, которого тут же ухватил за горло его племянник Амурсана. Аблай быстро использовал ситуацию в своих интересах. То он помогал родившемуся от казашки Амурсане, то принимал сторону Лама-Доржи. В результате этих междоусобиц и казахских походов Джунгария истекала кровью. В конце концов, пользуясь поддержкой чиновников нового малолетнего маньчжурско-китайского императора, великим контайчи стал Амурсана»[9].

Действительно, хунтайджи Галдан-Церен умер в середине сентября 1745 г., назначив своим преемником за несколько дней до кончины среднего сына Цэван-Доржи, которому в год смерти отца исполнилось 13 лет, но ханом Джунгарии последний был избран лишь в 1746 г. Государственный переворот, в результате которого к власти в стране пришел Лама-Доржи, был совершен ойратскими феодалами не в 1753 г., а в начале 1750 г. Что же касается Амурсаны, то он был по происхождению хойт и никак не мог быть племянником Ламы-Доржи, принадлежавшего к аристократическому роду чорос. Он на этом этапе лишь поддержал одного из претендентов на трон — князя Даваци. Хорошо известно также, что мать Амурсаны была ойраткой — дочерью джунгарского хана Цэван-Рабдана. «Малолетнему» цинскому императору в 1745 г. исполнилось 34 года. Аблай никогда не принимал сторону Ламы-Доржи. Амурсана, хотя и был осенью 1755 г. провозглашен группой феодалов ханом Джунгарии, но не имел титула хунтайджи. Увы, процитированный абзац не является исключением.

Нельзя также согласиться с мнением ряда историков (В. Я. Басина, Б. П. Гуревича, Н. Г. Аполловой и др.), считающих, что Аблай в своих отношениях с Цинской империей и Россией «вел двойную игру», «лавировал» между ними. Например, В. Я. Басин писал: «Прекрасно понимая, что не только Средний жуз, но и весь Казахстан в условиях феодальной раздробленности и постоянных усобиц не в состоянии противостоять внешней опасности,

[9] *Есенберлин И.* Кочевники. Алма-Ата, 1986. Кн. 2. С. 176.

Аблай лавировал между Россией и Цинской империей, систематически направлял в Петербург и Пекин посольства для выяснения их военно-экономического потенциала, чтобы потом решить вопрос о линии поведения»[10]. Документы свидетельствуют, что политика, которую проводил Аблай, была единственно правильной в тех исторических условиях. Аблай не использовал во вред интересам Российской империи осложнение ее отношений с цинским двором, в случае конфликта готов был выступить на стороне России.

Если подобные, необъективные, на наш взгляд, оценки деятельности Аблая советскими историками обусловлены недостаточной разработанностью этого вопроса, то в зарубежной историографии, политика Аблая извращается с определенными политическими целями. Так, на страницах Вестника Синьцзянского университета утверждается, что после того, как Джунгария была разгромлена цинскими войсками, «Аблай отправился навстречу и добровольно стал подданным богдыхана. Китайский народ присоединил кочевья Аблая к китайской территории»[11]. Якуб Мирзахан, автор статьи «Герой казахского народа Кабанбай», пишет: «В 1757 году правитель Цинской династии района Джунгарии вожак Амурсана поднял восстание в Кульдже. Аблай-хан не принял беженцев Амурсаны, выдал этих мятежников цинскому правительству... Аблай-хан при встрече с цинскими военачальниками сказал: «Мои прадеды ждали, но не получили милости от императора. Сегодня возглавляемые мной казахские воины готовы подчиниться императору, быть ему верными и вечными слугами... Аблай-хан в тесном контакте с цинским правительством подавил мятеж Амурсаны, ускорив тем самым объединение западных границ»[12].

Конечно, Аблай фигура сложная и противоречивая, трудно дать однозначную оценку его деятельности, до конца раскрыть причинно-следственные мотивы его политики. Тем не менее, опираясь на факты, заимствованные из архивных документов Архива внешней политики Рос-

[10] *Басин В. Я.* Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1971. С. 240; *Гуревич Б. П.* Указ. соч. М., 1983. С. 200.

[11] *Су Бэйхай.* Агрессия царской России против Среднего жуза казахов Китая // Синьцзян дасюе сюебао. 1983. № 2.

[12] Синьцзян лиши жэньу («Исторические деятели Синьцзяна»). Урумчи, 1984. С. 22.

сии при МИД СССР, Центрального государственного архива древних актов, Государственного архива Омской области, казахские предания и легенды, опубликованные источники, мы предприняли попытку показать основные аспекты внешней и отчасти внутриполитической деятельности Аблая, раскрыть их классовую сущность, проследить основные этапы его политической биографии, не претендуя, естественно, на исчерпывающее освещение затронутых вопросов и на окончательность выводов.

Предисловие, § 2, 12, 13 написаны Сулейменовым Р. Б.; § 1, 3, 8 и заключение подготовлены авторами совместно, остальные разделы — Моисеевым В. А. В переводе основной части материалов на казахском языке принимала участие Кармышева Дж. Х. Иллюстрации подготовлены Власовым К. А.

Казахстан на рубеже XVIII века

Начало XVIII в.— переломный период в жизни казахского народа. Несмотря на то, что казахские кочевья в начале XVIII столетия раскинулись на огромном пространстве от Иртыша до Урала, на севере доходили до Тобола и на юге — до Сырдарьи и Таласа[1], Казахстан не представлял собой единого государства, распадаясь на три этнополитических объединения, получивших в исторической литературе название жузов[2]. «Весь народ,— указывал П. П. Румянцев,— делился на три орды: Старшую, Среднюю и Младшую (или Большую, Среднюю и Малую), каждая орда делилась на поколения: Старшая — на 4, Средняя — на 4 и Младшая — на 3. Каждое поколение делилось на роды: в Старшей орде было 18 родов, в Средней — 37, в Младшей — 35. Роды в свою очередь делились на отделения и подотделения»[3].

Кочевья Старшего жуза располагались в Семиречье и Южном Казахстане, Средний — кочевал на обширной территории от Иртыша до Тургая и Ишима, население Младшего занимало районы Западного Казахстана, бассейна Сырдарьи, Иргиза, Эмбы и Яика. Многие роды и отделения тех или иных жузов кочевали смешанно. Жузы представляли собой государственные образования

[1] Подробно см.: *Сабырханов А.* Некоторые вопросы формирования этнической территории казахского народа (XVIII в.) // Вестник АН КазССР. 1977. № 3.

[2] Механизм, условия и время образования казахских жузов — одна из дискуссионных проблем в казахстанской историографии. См.: История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1979. Т. 2. С. 248—251.

[3] *Румянцев П. П.* Киргизский народ в прошлом и настоящем. Спб., 1910. С. 15—16.

с непрочной центральной (ханской) властью, не располагавшей сильным аппаратом принуждения. Во главе каждого жуза стоял избираемый собраниями знати из прослойки султанов-чингизидов хан, а иногда сразу несколько ханов, порой всецело зависевших от правителей родов. «В тех ордах (жузах.— *Авт.*),— писал известный дипломат и большой знаток казахских степей А. И. Тевкелев,— не столько ханы власть имеют, сколько их старшина, и для того они ни людьми, ни богатством своих ханов усиливатца не допускают...»[4].

Основной ячейкой социально-экономической и политической структуры казахского общества оставался род. «Вся экономическая и социальная жизнь сосредоточилась в роде,— указывал П. П. Румянцев,— сородичи вместе кочевали и пасли свой скот, вместе устраивали баранты, вместе отбивали нападения врагов, вместе отправляли празднества и обряды, связанные с кругом жизни человека. Вне рода киргиз был беспомощен, он терял свою независимость и в лучшем случае делался слугой хана — теленгутом»[5].

Экономической основой казахского общества по-прежнему являлось кочевое скотоводство, дополняемое земледелием и ремеслом, игравшими вспомогательную роль в хозяйстве кочевников и не получившими достаточно высокого развития. Не спаянное экономически в единый взаимосвязанный хозяйственный организм казахское общество раздиралось феодальными усобицами, с большим напряжением сил и значительными потерями отстаивало независимость страны от посягательств извне.

Попытки хана Тауке (1680—1718 гг.) преодолеть сепаратизм султанов и влиятельных родоправителей, создать крепкое централизованное государство в конечном счете потерпели неудачу. Его нерешительный и безвольный сын Болат, избранный ханом (1718—1730 гг.), не смог предотвратить усиление центробежных тенденций, что привело к обострению межфеодальной борьбы в стране. Так вспыхнула борьба за господство в Младшем жузе между султанами Каипом, Абулхаиром, Батыром. В итоге победа осталась за Абулхаиром, выдвинувшимся в годы освободительной борьбы против джунгар и

[4] Цит. по: Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. (Сб. документов и материалов). Алма-Ата, 1961. С. 107.

[5] *Румянцев П. П.* Киргизский народ... С. 16.

Рис. 5. Прием русских послов в ставке хана Младшего жуза Абулхаира

опиравшимся тогда на поддержку старшин влиятельного и многочисленного рода Шекты[6].

Однако избрание узким кругом сторонников Абулхаира ханом не привело к прекращению борьбы между ним и группировкой султана Батыра. Батыр как потомок основателя старшей султанской линии Жадига полагал, что он имеет более прав быть ханом, нежели менее знатный Абулхаир. В конце концов его попытки увенчались некоторым успехом. Ряд родов Младшего жуза в начале 30-х гг. признал его своим ханом.

Не менее сложными были взаимоотношения хана Абулхаира с влиятельным султаном Среднего жуза Бараком, сыном хана Среднего жуза Турсуна, владевшего некогда оазисами по р. Сырдарье. Он снискал себе

[6] *Аполлова Н. Г.* Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата, 1948. С. 130.

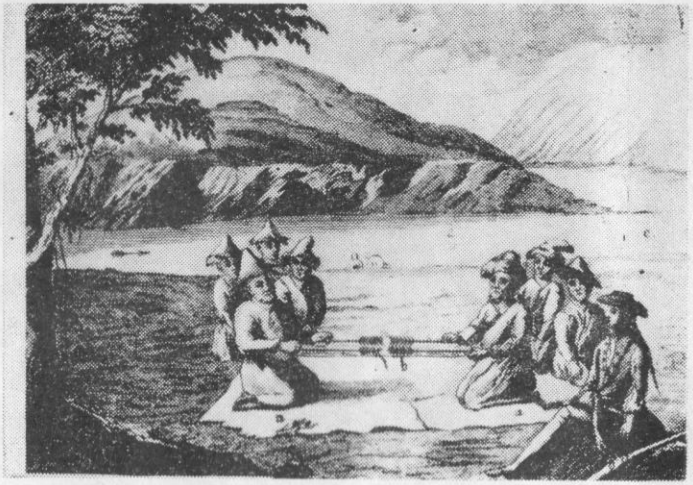

Рис. 6. Принесение клятвы

Рис. 7. Русские послы и казахская знать в ставке хана Абулхаира

Рис. 8. Орская крепость

широкую популярность и авторитет в войне с джунгарами в 20-е гг. XVIII в. Соперничество и борьба между ними завершились убийством хана Младшего жуза Абулхаира в 1748 г. Однако это убийство не только не привело , претендента, Барака на ханский трон, но имело следствием уход от него многих поддерживавших его ранее родов и бегство к границам Джунгарии. На стороне Барака был султан, а с 1737 г. хан Среднего жуза Абулмамбет. Аблай и Абулхаир относились друг к другу неприязненно, хотя враждебных столкновений между ними, как нам известно, не было. Вследствие неприязненных отношений, постоянной борьбы за власть Абулхаиру не удалось добиться даже первоначальной консолидации казахских ханств, в частности Младшего жуза.

«Владельцы Средней орды в рассуждении своей породы,— подчеркивал в этой связи П. И. Рычков,— как Абулхаир-хану самому, так и всей его фамилии, при разных случаях вид некоторого уничтожения делывали и при свиданиях обще с ним никогда быть не хотели, напротив того, Абулхаир-хан... всячески тщился оных Средней орды владельцев обесславить и через интриги свои то то, то другое об них разглашал»[7].

[7] *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 109.

В конце 20-х гг. XVIII в. в Среднем жузе помимо Болата было еще два хана: Самеке и Кучук. По существу, также обстояло дело и в Старшем жузе. Ханом этого владения считался Жолбарс, его фактическим соправителем являлся знатный бий, один из составителей Жеты-Жаргы, Толе Алибеков, который, как свидетельствуют источники, в Ташкенте «больше хана почитался».

Таким образом, ко времени выхода Аблая на политическую сцену Казахстан раздирался феодальными усобицами, представляя собой конгломерат отдельных владений. Не менее сложным было и внешнеполитическое положение страны.

Главная угроза казахским ханствам исходила со стороны сильного кочевого государства западных монголов-ойратов — Джунгарского ханства. Оно сформировалось в северо-западной части Центральной Азии из монгольских племен: хойтов, дэрбэтов, чоросов, отчасти хошоутов и торгоутов. Возникновение его источники относят к 30-м гг. XVII столетия. «В сих летах,— говорится, например, в Черепановской летописи,— начало свое возымело в калмыцких тайшах Зенгорское владение»[8].

Основу экономики Джунгарского ханства составляло экстенсивное кочевое скотоводство, как и у соседних халхасов, казахов, алтайцев. Однако территориальная отдаленность ойратов от оседлых земледельческих и ремесленных центров и внешнеполитические затруднения в сношениях с ними, как отмечал советский историк В. С. Батраков, «стимулировали развитие у джунгар собственного земледелия, домашней промышленности и ремесел, что придавало их хозяйству более разносторонний характер и в экономическом отношении делало их более независимыми»[9].

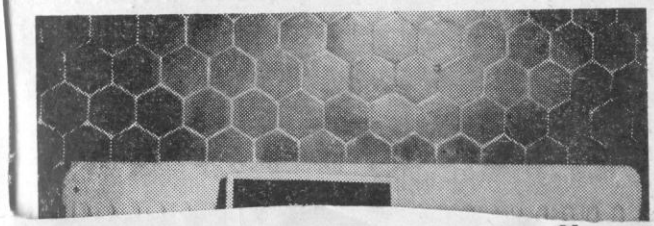
Активная внешняя политика джунгарских ханов Батура (1635—1654), Галдана (1671—1697), Цэван-Рабдана (1697—1727), а именно, завоевание ими Восточного Туркестана, насильственное обложение ясаком ряда племен Южной Сибири способствовали экономическому усилению орайтского государства. В то же время почти непрерывная экспансия и постоянное военное давление

[8] Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА) Ф. 196. Д. 1542. Л. 184.

[9] *Батраков В. С.* Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем. Ташкент, 1950. С. 7.

Рис. 11. Типы казахов

со стороны маньчжурско-китайской империи Цин привели к усилению центральной ханской власти. Правители Джунгарии имели право почти неограниченного распоряжения людскими ресурсами и материальными средствами государства[10]. Побывавшие в Джунгарии единодушно отмечали, что ойратские ханы «власть имели подобно самодержавной».

Эпизодические вторжения джунгар на территорию Казахстана в конце XVII в. стали повторяться почти

[10] *Голстунский К. Ф.* Монголо-ойратские законы 1640 г. Спб., 1880; *Чернышев А. И.* К характеристике административного управления в Джунгарском ханстве // XIV науч... ство и государство в Китае»: Тезисы и ... С. 86—96.

2—80

БИБЛИО... К... ... университет...

В конце 20-х гг. XVIII в. в Среднем жузе помимо Болата было еще два хана: Самеке и Кучук. По существу, также обстояло дело и в Старшем жузе. Ханом этого владения считался Жолбарс, его фактическим соправителем являлся знатный бий, один из составителей Жеты-Жаргы, Толе Алибеков, который, как свидетельствуют источники, в Ташкенте «больше хана почитался».

Таким образом, ко времени выхода Аблая на политическую сцену Казахстан раздирался феодальными усобицами, представляя собой конгломерат отдельных владений. Не менее сложным было и внешнеполитическое положение страны.

Главная угроза казахским ханствам исходила со стороны сильного кочевого государства западных монголов-ойратов — Джунгарского ханства. Оно сформировалось в северо-западной части Центральной Азии из монгольских племен: хойтов, дэрбэтов, чоросов, отчасти хошоутов и торгоутов. Возникновение его источники относят к 30-м гг. XVII столетия. «В сих летах,— говорится, например, в Черепановской летописи,— начало свое возымело в калмыцких тайшах Зенгорское владение»[8].

Основу экономики Джунгарского ханства составлял экстенсивное кочевое скотоводство, как и у соседних халхасов, казахов, алтайцев. Однако территориальная отдаленность ойратов от оседлых земледельческих и ремесленных центров и внешнеполитические затруднения в сношениях с ними, как отмечал советский историк В. С. Батраков, «стимулировали развитие у джунгар собственного земледелия, домашней промышленности ежегодно. Потерпев тяжелое поражение в войне с Цинской империей (1690—1697 гг.), джунгарские феодалы пытались возместить утраченное за счет завоевания Казахстана и Средней Азии. В 1698 г. тумены ойратского хунтайджи Цэван-Рабдана вторглись в кочевья Старшего жуза, что положило начало новой полосе вооруженных столкновений между ойратскими и казахскими феодалами. Именно с этого времени джунгарская опасность начала превращаться в главную опасность, угрожающую самостоятельному существованию феодального Казахстана[11]. Откочевка в Джунгарию в 1701 г. значи-

[11] *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. 1635—1758. М., 1983. С. 215.

Рис. 11. Типы казахов

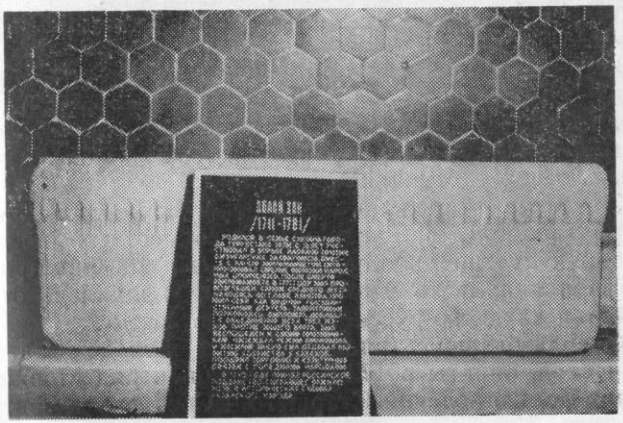

Рис. 12. Усыпальница Аблая в мечети Ходжа Ахмеда Ясави в Туркестане

тельных масс волжских калмыков — около 15 тыс. семей под главенством нойона (владетельного князя) Санжипа, поссорившегося с ханом Аюкой, значительно усилила Джунгарию, позволила ее правителю развернуть военные действия одновременно в Казахстане, Средней Азии и Восточном Туркестане.

В 1709—1711 гг. джунгары совершили новое крупное вторжение в Казахстан. Во время наступления ойратских феодалов в 1710 г. в Каракумах состоялся съезд представителей знати всех трех казахских жузов, на котором предводителем всеказахского ополчения был избран батыр Среднего жуза Богембай, разработан в общих чертах план отпора неприятелю[12]. В последующий период казахи нанесли ойратам ряд сильных ударов[13]. Крупные поражения ойраты потерпели в 1713—1714 гг. Цинский дипломат Бао Чжу, находившийся в 1716 г. в Джунгарии, писал в своем путевом журнале: «...третьяго года хасаки, делая набеги, многия пограничные кочевья совершенно раззорили, множество народа побили, а жен, детей побрали в плен... прошлого года дзайсан (князь — *Авт.*). Дулэр, находившийся против их в трех тысячах, претерпев поражение, возвратился с великим уроном»[14].

В 1716 г. был предпринят новый поход казахского ополчения против джунгар. На этот раз он не увенчался успехом. Из-за утраты элемента неожиданности, разногласий военачальников Каипа и Абулхаира, казахи, понеся потери, отступили[15].

Казахские феодалы начали переговоры с сибирским губернатором М. П. Гагариным о совместных военных действиях против джунгар. Сибирская администрация, призывая оказывать отпор ойратам, уклонялась от заключения казахско-русского военного союза[16].

Воспользовавшись разногласиями в среде казахских правителей, ойраты в 1717 г. совершили ряд вторжений на территорию кочевий Старшего и Среднего жузов. Хан

[12] *Аполлова Н. Г.* Указ. соч. С. 169.
[13] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1731. Д. 2. Л. 113. об.—114.
[14] АВПР. Ф. Библиотека Азиатского департамента. Оп. 5. Д. 39. Л. 151.
[15] Памятники сибирской истории XVIII века. 1713—1724. Спб., 1885. Кн. 2. С. 158—159.
[16] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 16—20.

Каип через своих послов Байбека и Тулебая батыров, присланных осенью 1718 г. в Тобольск, сообщал, что джунгары «в два пойма нашу землю воевали»[17]. «Контайша вам и нам недруг,— заявляли казахские послы в Тобольске. На него итти мы вздумали, великому государю будем писать, чтобы силы прислать и буде силы пришлют, мы готовы и воеватца или миритца...»[18].

После начала второй ойрато-цинской войны 1717—1722 гг. натиск джунгар на Казахстан ослабевает. Воспользовавшись этим, казахи вновь нанесли по ним удар. Русский посол в Джунгарии И. Д. Чередов отмечал, что в 1720 г. «подбегала Казачья орда и взяла тысячи с три людей ево же контайшиных»[19].

Таким образом, на протяжении двух с лишним десятилетий между казахскими ханствами и Джунгарией периодически вспыхивали вооруженные конфликты, не приносившие решающего успеха ни одной из сторон. Наконец, заключив мир с Цинской империей, ранней весной 1723 г. ойратские феодалы всей своей мощью обрушились на Казахстан и Среднюю Азию. Население кочевых районов Казахстана, занятое подготовкой к переходу с зимних стоянок на летние пастбища, было застигнуто врасплох. Сметая на своем пути заслоны из разрозненных и немногочисленных казахских отрядов, войска джунгарских феодалов быстро продвигались в глубь Казахстана, оставляя после себя груды мертвых тел, пепел пожарищ, угоняя в Джунгарию десятки тысяч пленных, караваны награбленных богатств.

Один за другим после ожесточенных схваток в руки ойратов переходили казахские и среднеазиатские города — Ташкент, Сайрам, Туркестан и другие. Русскому посланнику в Джунгарии капитану И. Унковскому, находившемуся в ставке Цэван-Рабдана, стало известно, что «3 городка Казачьей орды сыну ево контайшину имянем Шуно-Дабы[20], который против тех казаков с войсками послан, поддались, а именование тем городкам Ташкент, Сайрам, Хара Мурут и бутто 5000 семей каза-

[17] Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2. С. 166—167.
[18] Там же. С. 167.
[19] АВПР Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1731. Д. 2. Л. 135 об.
[20] О нем см.: *Моисеев В. А.* Дело Шоно-Лоузана: XVI научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады. М., 1983. Ч. 2. С. 96—103.

ков ему, Шуно-Дабе, поддались, ис которых 1000 семей привезли в контайшин улус»[21].

Бросая скот и имущество, казахи уходили в Среднюю Азию: Средний и Старший жузы — к Ходженту и Самарканду, Младший — в Хиву и Бухару. «Переходы сии,— писал А. И. Левшин,— влекли за собою неминуемое разорение и гибель. Стада и табуны ежедневно уменьшались, меновая торговля прекратилась, нищета и страдания сделались всеобщими, иные умирали от голода, другие бросали жен и детей своих. Наконец, бегущие остановились, ... где же?— в местах бесплодных и не представляющих никаких удобств для кочевого народа»[22]. По казахским преданиям, в ауле садыров из всех жителей в живых после джунгарского нашествия остались только одна женщина и ее дочь.

Наплыв значительных масс кочевников и беженцев из земледельческих и ремесленных центров в города и области Средней Азии привел к обострению межнациональных противоречий, голоду, разрухе, вытеснению жителей этих оазисов в глухие, безводные районы. Узбекский историк Мухаммад Якуб Бухари в своем сочинении «Убайдалла-намэ» писал, что в «Бухаре наступил такой голод, что даже человеческое мясо пошло в пищу людям, мертвых не хоронили, а съедали. Наступило полное смятение. Повсюду люди, покинув родные места, разбрелись в разные стороны. В Бухаре осталось два гузара (квартала) жителей, в Самарканде ни одной живой души не осталось»[23]. Это страшное время для народов Казахстана и Средней Азии осталось в памяти их как Годы Великого бедствия (Актабан шубурунды). Говоря о положении, в котором оказались казахи после джунгарского нашествия 1723—1725 гг., А. И. Тевкелев подчеркивал, что они тогда «разбилися и рассеялися и разорилися»[24].

Оправившись от первых тяжких поражений, казахи начинают собирать силы. Сначала отряды отдельных батыров — Богембая, Тайлака, Джаныбека, Малай-Сары, Утегена и многих других — действуют разрозненно. Предположительно в 1726 г. было создано всеказахское ополчение[25], возглавить которое доверили Абулхаиру[26]. В 1727 г. на берегу р. Буланты орайтским армиям было нанесено первое за эту войну крупное поражение. Местность, где произошло это сражение, получила в народе название «Калмак крылган» («Место гибели калмыков»)[27].

Битва эта была решающей. Она заставила казахский народ и его воинов поверить в свои силы, помогла перехватить инициативу ведения войны и изгнать неприятеля с большей части казахских земель. В 1729 г. в 120 км к югу от оз. Балхаш в местности Ангракай произошло крупное сражение, закончившееся поражением джунгар. Нападение на Джунгарию войск Цинской империи в 1729 г. и вспыхнувшие вновь конфликты среди казахских правителей положили конец войне. Такова была историческая обстановка ко времени появления на политической арене Аблая, также принявшего активное участие в отражении наступлений ойратских завоевателей.

В начале пути

Аблай (Абилмансур) провел детские и юношеские годы в изгнании, познав голод и унижения. Отец его, султан Вали, был сыном известного воителя султана Аблая, происходившего от потомков Жадига[1]. Это нашло отражение в многочисленных преданиях об Аблае, где говорится, что он происходит от Чингисхана, предки которого были рождены от солнечного луча.

Прадед его «прославился... воинскими доблестями... Сын его, Вали, не мог поддержать славы отца...»[2]. По мнению Ч. Валиханова, дед и отец Аблая владели Туркестаном[3]. По другим, и на наш взгляд, более достовер-

---

[21] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1733—1734. Д. 3. Л. 2—2 об.

[22] *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Спб., 1832. Ч. II. С. 70.

[23] Цит. по: *Чехович О. Д.* О некоторых вопросах истории Средней Азии XVIII—XIX вв. // Вопросы истории. 1956. № 3. С. 88.

[24] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1748. Д. 4. Л. 100 об.

[25] *Аполлова Н. Г.* Присоединение Казахстана к России... С. 182.

[26] *Левшин А. И.* Указ. соч. С. 76.

[27] О названиях, связанных с местами сражений казахов с джунгарскими завоевателями см.: Ак-Табан шубрынды // В. В. Бартольду — туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927.

[1] *Валиханов Ч. Ч.* Генеалогические таблицы казахских ханов и султанов // Собр. соч. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 174.

[2] *Валиханов Ч. Ч.* Аблай // Собр. соч. Т. 4. С. 111.

[3] *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Т. 4. С. 111.

ным данным, они владели не Туркестаном, а Ташкентом. «Аблай-султана дед и отец,— рассказывал в 1768 г. царским властям хорошо знавший родословную Аблая его писарь М. Мамедов,— были города Ташкента ханами, но, напав зенгорские калмыки, тот город завоевали, причем Аблай-султан, будучи десяти лет, ушел в город Туркестан под владение Абулмамбет-хана...»[4]. Эти сведения подтверждаются и казахскими преданиями. Так, в одном из обращений Бухар-жырау Калкаманова к Аблаю говорится:

Когда было «Великое бедствие»,
Когда ты с отцом и матерью (расстался)
Когда ты, торе[5], был с кобчика,
Ушел ты в Туркестан,
Стал рабом, ездившим на серой кобыле,
Абулмамбету ... , Самеку
Стал ты слугой...[6]

Как известно, Ташкент был захвачен ойратами в 1725 г. Абилмансуру, родившемуся в 1711 г., исполнилось в это время четырнадцать лет. По некоторым сведениям он вместе со своими уцелевшими соплеменниками прежде, чем попасть в Туркестан, побывал вначале в Средней Азии. В одном из казахских преданий говорится, что он прибыл туда из Ургенча.

Лишившись отца и потеряв мать, он под именем Сабалака несколько лет скитался по степи. Так, по сведениям, собранным Ч. Ч. Валихановым, Аблай одно время пас лошадей у бая Даулетбая. Жена Даулетбая не без удивления заметила, что молодой человек никогда не просит пищи, пока не дадут, но и тогда берет неохотно и никогда не ест из немытой посуды. «Это совершенно не киргизское поведение, эксцентричность,— замечает Ч. Ч. Валиханов,— обратили внимание хозяина, который через расспросы у Ураза (спутника Аблая.— *Авт.*) узнав о его происхождении, тотчас увез его к хану Абулмамбету[7], одарив его лучшею лошадью из табуна. Этот-то выбранный конь был тот знаменитый Чалкуйрук (пламя-хвост), первый сподвижник похода молодого султана, Чалкуйрук, на котором Аблай составил себе имя батыра и уважение киргиз»[8].

Пятнадцатилетним юношей Аблай принимает участие в сражениях казахских ополчений с джунгарскими завоевателями. Ойратское нашествие в 1723 г. и последующая борьба казахов с джунгарами, вплоть до 1729 г., были, вероятно, самым страшным временем в истории Казахстана. Не случайно многие историки и писатели сравнивают это нашествие с вторжением монголо-татарских завоевателей. «В это-то ужасное и кровавое время,— указывает Ч. Валиханов,— обращает на себя всеобщее внимание султан Аблай. Участвуя во всех набегах сначала как рядовой воин, он показывает подвиги необыкновенной храбрости и хитрости. Полезные его советы и стратегические соображения упрочивают за ним имя мудрого»[9].

Отдельные сведения о его юношеских годах содержатся в жыре Умбетея на смерть батыра Богембая, в котором, как уже отмечали казахские литературоведы, больше говорится об Аблае, чем о Богембае. Сообщая хану о смерти одного из самых прославленных батыров, Умбетей начинает свое повествование издалека, с детских и юношеских лет самого Аблая:

Когда исполнилось тебе двадцать лет,
Из казахской степи бежал калмык.
В той войне ты узнал радость первых побед,
И узнали враги твой воинственный крик[10].

Бухар-жырау не раз впоследствии упоминал о том, что своим возвышением Аблай обязан народу, точнее, воинам:

Когда добрый народ за тебя встал,
бывший раб, что отца не знал,
неожиданно беком стал[11].

В годы освободительной борьбы против джунгарских завоевателей не только такие родовитые, как Аблай,

[4] Цит. по: История казахской литературы. Алма-Ата, 1979. Т. 2. С. 41.

[5] Торе — господин, повелитель — обращение, принятое в казахских владениях к султанам и ханам, считавшимся потомками Чингисхана.

[6] История казахской литературы. Алма-Ата, 1979. Т. 2. С. 41.

[7] Абулмамбет, приходившийся Аблаю дядей, был тогда еще султаном.

[8] *Валиханов Ч. Ч.* Исторические предания о батырах XVIII в. // Собр. соч. Т. 1. С. 217.

[9] *Валиханов Ч. Ч.* Аблай // Собр. соч. Т. 4. С. 112.

[10] *Магауин М.* Кобыз и копье: Повествование о казахских акынах и жырау XV—XVIII веков. Алма-Ата, 1970. С. 82 (Боевым кличем-ураном молодого султана было имя его грозного деда Аблая). Под этим именем вошел в историю и Абилмансур.

[11] Там же. С. 92.

Барак, Абулхаир, но многие рядовые кочевники храбростью и удальством снискали себе почетные звания батыров.

Звание батыра, покровительство хана Абулмамбета, знатное происхождение позволили Аблаю вскоре добиться избрания владельцем в наиболее многочисленном и сильном атагайском роде племени аргын. Однако имеющиеся в нашем распоряжении документы умалчивают, как, при каких обстоятельствах и когда Аблай добился поддержки старшин этого рода. Произошло это, видимо, в конце 20-х — начале 30-х гг. Во всяком случае в период принятия в российское подданство Младшего жуза он уже являлся владельцем нескольких тысяч семей.

Под сюзеренитет России

Война с Джунгарией, хотя и закончилась рядом побед казахских ополчений, вскрыла политическую и военную слабость казахских ханств, принесла неисчислимые бедствия народу. Предвидя неминуемое столкновение с ойратскими феодалами в недалеком будущем, понимая, что у истерзанной страны не хватит сил отразить новое джунгарское нашествие, часть наиболее дальновидных представителей господствующего класса казахского общества (прежде всего активные участники освободительной борьбы Абулхаир, Богембай, Джаныбек и др.) все острее осознавали необходимость союза с Россией. Не только потому, что Россия к тому времени представляла собой могущественную феодальную империю, но и потому, что между казахскими ханствами и Русским государством давно уже существовали и крепли год от года экономические и политические связи.

Нашествие джунгарских феодалов и последовавший за этим разрыв экономических связей с государствами Средней Азии ускорили процесс экономического и политического сближения Казахстана и России. Разумеется, были и другие, не менее важные причины, в том числе и социальные, побуждавшие многих представителей верхушки казахского феодального общества искать опору в помощи царизма.

Особенность политического строя, социально-классовой структуры казахского общества, сильнейшие родовые и патриархальные пережитки, отсутствие сильной централизованной машины угнетения (отсюда и слабость верховной ханской власти)[1] — все эти и другие факторы обусловили стремление определенных групп феодалов искать поддержку у царского правительства. Подчеркивая этот момент в политике Абулхаира и его окружения, переводчик Коллегии иностранных дел А. И. Тевкелев говорил об Абулхаире, что он «хотя оную орду (Младший жуз.— *Авт.*) в наибольшую власть свою взять не так, как предки его владели, почитая их непослушание себе в озлобление, просил и протекции е. и. в., через которую намерен был в той Киргиз-кайсацкой орде себя одного ханом учинить и по себе наследников роду своего на оном ханстве утвердить»[2].

Сразу же после войны с Джунгарией Абулхаир и его сторонники, так называемая «ханская партия», возобновили дипломатические переговоры с правительством Анны Иоанновны о принятии Младшего жуза в российское подданство. В сентябре 1730 г. в Уфу прибыло очередное посольство от Абулхаир-хана во главе с Кутлумбетом Коштаевым и Сейткулом Койдагуловым с письмом к императрице. В своем послании хан Младшего жуза писал: «Мы, Абулхаир-хан, с подвластным мне многочисленным казахским народом... желаем вашего покровительства и ожидаем вашей помощи»[3]. Русское правительство решило вопрос положительно. 19 февраля 1731 г. последовал императорский указ о принятии в подданство российской короны Младшего казахского жуза. Стремление обезопасить границы Российской империи в Сибири, добиться выхода на рынки Средней Азии и, наконец, заручиться поддержкой казахских ханств в случае столкновения с Джунгарским ханством — все это заставило правящие круги России идти на сближение с казахскими феодалами. «Сия Киргиз-кайсацкая орда,— писал в Коллегию иностранных дел А. И. Тевкелев,— е. и. в. в подданстве потребна быть имеет особливо для хантайши», так как в случае войны

---

[1] *Зиманов С. З.* Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958; *Его же.* Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата, 1960.

[2] *Добромыслов А. И.* Материалы по истории России. Оренбург, 1900. Т. 1. С. 97—98.

[3] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. Алма-Ата, 1961. С. 35.

России с Джунгарским ханством «немногие кайсаки в домах своих за оною посылкою останутся, понеже они, кайсаки, с ним, хонтайшею, великую жалузию между собой имеют»[4].

Для вручения царской грамоты и приведения к присяге населения Младшего жуза в ставку хана Абулхаира было направлено специальное посольство во главе с опытным дипломатом А. И. Тевкелевым. Несмотря на противодействие группы феодалов, противников Абулхаира во главе с Кучек-ханом, посланец Петербурга успешно справился с возложенной на него миссией. Большую помощь и поддержку А. И. Тевкелеву оказал батыр Среднего жуза Богембай, также присягнувший на подданство России. 10 октября 1731 г. султаны и старшины Младшего жуза принесли присягу о подданстве российской императрице. Началось постепенное присоединение Казахстана к России, закончившееся к середине XIX столетия[5].

Несмотря на тяжелый колониальный гнет царского самодержавия, опиравшегося в своей политике на господствующие слои казахского общества, присоединение Казахстана к России явилось переломным историческим событием в жизни казахского народа и объективно имело положительные последствия, ускорив темпы социально-экономического развития страны, сдерживая агрессивные устремления джунгарских и маньчжуро-китайских феодалов в Казахстане[6].

Вслед за Абулхаиром с просьбой принять их в подданство России обратились некоторые феодалы Старшего жуза и среди них влиятельный Толе-бий, Кодар-бий, Кангильды-батыр и др. 10 июня 1734 г. императрица Анна Иоанновна подписала указ об удовлетворении их просьбы[7]. Однако отдаленность кочевий Старшего жуза от пределов владений Российской империи, осложнение внешнеполитической обстановки на юге Казахстана при-

[4] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. Алма-Ата, 1961. С. 100.

[5] Проблема присоединения Казахстана к России основательно разработана в советской историографии. См.: *Аполлова Н. Г.* Присоединение Казахстана к России в 30-х гг. XVIII в. Алма-Ата, 1948; *Бекмаханов Е. Б.* Присоединение Казахстана к России. М., 1957; *Басин В. Я.* Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1971.

[6] Навеки вместе: К 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1982.

[7] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 101, 128.

остановили дальнейшее развитие взаимоотношений России со Старшим жузом, и царская грамота так и не была доставлена по назначению.

В 1734 г. после возвращения А. И. Тевкелева в Петербург обер-секретарь Сената И. К. Кирилов (1689—1734 гг.) обратился в Сенат с предложением осуществления ряда мер для укрепления позиций и влияния России в Казахстане и Средней Азии, в частности строительства городов и укрепленных линий, развития торговли с владениями Средней Азии и Казахстана и т. д. Тщательно изучив проект, Сенат и Коллегия иностранных дел одобрили его и указом от 1 мая 1734 г. была создана Оренбургская экспедиция, главой которой назначен автор проекта И. К. Кирилов, наделенный широкими полномочиями: «В задачи экспедиции входило хозяйственное освоение восточных районов страны — Казахстана, Башкирии и Каракалпакии, подготовка к использованию их богатых природных ресурсов»[8]. По рекам Ори, Яику началось строительство укрепленных линий. Орск, а затем Оренбург стали центрами контактов России не только с народами Казахстана, но и Средней и даже отчасти Центральной Азии[9]. В 1744 г. Оренбургская комиссия (как она стала называться с 1738 г.) была преобразована в Оренбургскую губернию, первым ее губернатором стал известный государственный деятель И. И. Неплюев[10].

28 августа 1740 г. хан Среднего жуза Абулмамбет и султан Аблай в Орске принесли присягу на верность российской короне: «Я, Аблай, султан киргис-кайсацкой Средней орды, пришел и предстоя пред позлаченною е. и. в. персоною, и видя сень богом освещенного е. и. в. лица умом моим к высокомонаршеским е. и. в. стопам припадаю и всенижайше прошу: да прият буду с подвластными своими людьми в непобедимое засчищение высочайшей е. и. в. милости и в число совершенных и истинных е. и. в. подданных, за которую высочайшую милость долженствую не точию я один, но и со всеми

[8] История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1979. Т. 3. С. 45—46.

[9] *Аполлова Н. Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX вв. М., 1960.

[10] *Рычков П. И.* История Оренбургской губернии: Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. Спб., 1759; *Витевский В. Н.* И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1889—1896. С. 89.

моими, верным и истинным е. и. в. рабом вечно пребывать»[11].

Имеющиеся в нашем распоряжении источники прямо не отвечают на вопрос о причинах, побудивших Аблая и Абулмамбета признать себя подданными российской короны. Анализируя внутри- и внешнеполитическую обстановку, сложившуюся в это время в Казахстане, можно указать на следующие важнейшие, на наш взгляд, факторы, заставившие Аблая и Абулмамбета обратиться к начальнику Оренбургской комиссии князю В. Урусову с прошением о принятии в подданство Российской империи.

Прежде всего, оба они были заинтересованы в том, чтобы укрепить и распространить свою власть не только на все роды и отделения Младшего, но и Среднего жуза, пресечь интриги хана Младшего жуза Абулхаира, пытавшегося очернить их перед царской администрацией. Необходимо было добиться выхода на рынки сибирских и уральских городов, обезопасить свои владения от нападений волжских калмыков, башкир, яицких и сибирских казаков. Наконец, все явственнее обозначавшаяся на востоке угроза нового вторжения ойратских феодалов диктовала суровую необходимость принять меры предосторожности: не допустить борьбы на два фронта, найти в лице Российской империи могущественного союзника. Нельзя не сказать и о том, что принятие российского подданства Абулхаиром практически не повлияло на его суверенные ханские права, он в своей внутренней и внешней политике мало считался с мнением не только оренбургской администрации, но и царского правительства.

Как справедливо подчеркивал исследователь русско-казахских отношений В. Я. Басин, «широко употребляемый термин о подданстве казахов... правомерен лишь на завершающем этапе присоединения Казахстана к России»[12]. В рассматриваемый период речь могла идти только о поиске сюзерена, покровителя и союзника, что вполне устраивало честолюбивого, стремившегося к неограниченной власти Аблая, вынужденного, однако, считаться с обстановкой.

[11] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 152.
[12] *Басин В. Я.* Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. С. 250.

Кстати сказать, это была первая и, как оказалось, последняя встреча Аблая с оренбургской администрацией. После этого ни разу ни в Оренбург, ни в другие крепости он не приезжал. Поэтому представляет определенный интерес поведение Аблая во время этой встречи и мнение, которое сложилось о нем у оренбургских властей. Абулмамбет и Аблай приехали в Орск позже представителей Младшего жуза — сыновей Абулхаира Нуралы и Ералы — 24 августа. Немедленно им была послана одна большая палатка. Толмач Максютов, доставивший ее, после возвращения доложил, что «хан за оную благодарил, а Аблай-де султан со своими людьми переговаривал, для чего-де мне особливой палатки не прислано, ибо-де я вместе с ханом не стою»[13].

После организованной царскими властями торжественной встречи и принесения присяги на верность российской императрице состоялась беседа. Князь В. Урусов сразу же обратил внимание на то, что Аблай «во всем словеснее и к ответам скорее, нежели хан»[14]. Как во время этой встречи, так и впоследствии Аблай добивался равных с Абулмамбетом знаков внимания и почестей от царских властей. Так, после первого свидания с князем В. А. Урусовым, возвращаясь в свой стан, Абулмамбет сел на свою верховую лошадь, а Аблай, «который во всех своих поступках,— заметил начальник Оренбургской комисси,— казался честолюбивее хана, пожелал, чтоб ему позволено было в коляске сидеть»[15].

Во время переговоров обсуждались вопросы об открытии новых торговых пунктов для казахов Среднего жуза, об охране среднеазиатских караванов, приходящих в Россию, о поимке и выдаче царским властям организатора восстания в Башкирии в 1740 г. Карасакала, бежавшего в Казахстан, о выдаче находящихся в Среднем жузе российских пленных в Россию, а из России в Казахстан — казахов и т. п.

Встреча феодальной знати Младшего и Среднего жузов с царскими властями была омрачена неожиданным отъездом сыновей Абулхаира. Причиной этого явилась ссора их с Абулмамбетом и Аблаем и полученные от отца известия о вторжении в казахские кочевья

[13] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 146.
[14] Там же. С. 153.
[15] Там же. С. 156.

волжских калмыков. Впоследствии оказалось, что они были также обижены предпочтением, которое, по их мнению, было оказано царскими властями Абулмамбету и Аблаю. Спустя два года в апреле 1742 г. хан Абулхаир жаловался генерал-лейтенанту Л. Я. Соймонову, исполнявшему обязанности начальника Оренбургской комиссии, что его дети сообщили ему, будто Абулмамбет и Аблай «возымели честь лутчее и более детей моих»[16].

Таким образом, Аблай в числе первых казахских правителей сделал исторический выбор, связав свою судьбу с Россией. Время покажет, сколь дальновидным и оправданным оказался этот шаг.

В течение двух последующих лет, вследствие войны с джунгарами, Аблай не имел никаких контактов с царской администрацией. Первые его представители Юлбарыс-салтан Ишимганов с тремя рядовыми казахами в середине октября 1743 г. прибыли в Коркину слободу и подали местным российским командирам письма от Аблая на имя Сибирского губернатора. Султан сообщал, что он «со всею ордою в свою землю ис Калмыцкой земли ис походу прибыли сентября 5 дня благополучно... и желает-де он, Аблай, со своими людьми е. и. в. способствовать и никакого к российскому народу обид и изъяну не чинить, а быть приятелем». Просил разрешить его подвластным ездить для торговли в Оренбург[17].

Посланцы Аблая срочно были препровождены в Тобольск. В сибирской губернской канцелярии они рассказали о внутреннем положении Среднего и Младшего жузов, об условиях, на которых Аблай был отпущен из джунгарского плена и т. д. Поскольку ведение дел с казахами не входило в компетенцию сибирского губернатора, послы Аблая были переправлены в Оренбург[18].

Казахско-ойратские отношения в 30-е—40-е гг.

В конце 30-х гг., заключив перемирие с цинским двором, правящий класс Джунгарского ханства начинает активные военно-политические приготовления к вторжению в Казахстан и Среднюю Азию, стремясь к захвату новой добычи, расширению пастбищ, к господству над ремесленными центрами и торговыми путями. Весной 1735 г. батыр Богембай сообщал царским властям, что выбежавшие из ойратского плена казахи рассказывают, «будто китайский богдыхан умер[1], а зенгорские калмыки с китайцами помирились и хочет-де владелец зенгорский Галдан-Чирин на кайсаков Средней орды послать войска двадцать тысяч человек»[2]. Подготовка к новому военному вторжению в Казахстан и Среднюю Азию заняла у джунгарских феодалов несколько лет. Между тем ханы и султаны Среднего жуза лишь в самый последний момент, когда вторжение ойратов уже началось, начали собирать войска и готовиться к отражению неприятеля.

Вторжения ойратских войск в Казахстан начались осенью 1739 г. Сконцентрированные вдоль восточных границ Среднего жуза многочисленные ойратские отряды под общим командованием нойона Септеня начали совершать набеги на казахские кочевья. Общая численность войск составляла около 30 тыс. чел.[3]. Внутриполитическое положение Среднего ханства и всего Казахстана оставалось сложным. Продолжались усобицы в Младшем жузе, часть феодалов которого во главе с султаном Батыром враждовала с ханом Абулхаиром. В 1739 г. убит в Ташкенте хан Старшего жуза Жолбарс. В 1737 г. умер хан Среднего жуза Самеке, и на его место был избран нерешительный и не пользующийся еще авторитетом в Степи Абулмамбет. Занятые внутренними распрями казахские феодалы не приняли мер предосторожности и не организовали должной защиты своих кочевий. Зимой 1739—1740 гг. ойратские армии под командованием Септеня и Сары-Манджи нанесли сходящийся удар с юга — с верховьев р. Сырдарьи и с севера — с Иртыша, причинив значительный урон кочевьям Среднего жуза по Тоболу и Ишиму. Казанская губернская канцелярия сообщала в Сенатскую контору в Москве «о приезде в киргиз-кайсацкие орды контайшинских калмыков в пятнадцати тысячах и о нападении на кайсацкие кочевья, владения Увак-Гирея, Абулмамбет и Барак-салта-

[16] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 190.
[17] Там же. С. 307—308.
[18] Там же. С. 311—312.

[1] Император Юнчжен скончался в 1734 г.
[2] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1735. Д. 4. Л. 22.
[3] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела Оп. 122/1. 1740. Д. 3. Л. 15; 1741. Д. 4. Л. 73 об.

нов и которые кочевали около Иртышу и Ишиму рек»[4]. Лишь глубокий снег, отсутствие достаточного количества лошадей и неизвестность намерений русского правительства заставили ойратское командование вывести войска из Казахстана.

Осенью 1740 г. началось новое вторжение ойратских войск на территорию Среднего жуза. На этот раз джунгарским феодалам пришлось столкнуться с более организованным сопротивлением. Казахские ополчения нанесли ойратам ряд упреждающих ударов. Қазах Абыз Байбулатов, бежавший в ноябре того же года из ойратского плена, сообщил в Ямышевской крепости, что «на калмык Галдан-Чиринских пошло казаков две тысячи человек под башлыком Абулмаметем», т. е. ханом Среднего жуза Абулмамбетом[5]. Начались ожесточенные сражения. Только что вернувшийся вместе с Абулмамбетом из Орска, где он принял российское подданство, Аблай принял в них активное участие.

В конце февраля 1741 г. 30-тысячная ойратская армия под командованием Септеня и старшего сына Галдан-Церена Ламы-Доржи вторглась в Казахстан и вновь дошла с боями до Тобола и Ишима. Военные действия продолжались до лета 1741 г. Первого июня в Ямышевскую крепость прибыл ойратский воин Ургудзжун Галзат и передал коменданту подполковнику Зарину заявление ойратского главнокомандующего Септеня. Джунгарский военачальник сообщал, что он «со всем войском возвратился благополучно в свою Зенгорскую землицу..., а с собой-де он, Септень, привел полону Казачьей орды и торгоутов (волжских калмыков, живших в плену у казахов.— *Авт.*) мужеска и женска пола три тысячи человек, токмо мужск пол все маловозрастные, а больших всех кололи. А был-де он, Септень, с войском нынешней зимы и весны на Обото и Тоболе реках...»[6].

В ходе этих сражений с джунгарами Аблай и ряд его сподвижников были захвачены в плен. Произошло это при следующих обстоятельствах. Командуя разведывательным отрядом из двухсот воинов, Аблай ворвался прямо в расположение основных сил неприятеля. Окруженные со всех сторон многотысячной армией ойратов казахи были захвачены в плен. Это подтверждается в сообщении Септеня подполковнику Зарину: «Когда он, Септень, с войском были на Ишиме в урочищах Шилигу и Чюдурту и тут выбежал было на них калмык с войском Казачьей орды Аблай-султан в двух стах человеках, коих они, калмыки, разбили и взяли в полон оного султана»[7].

Вскоре после непродолжительных схваток потерпел поражение отряд султана Барака. Султан Дургун, батыры Атыкмыш, Қобутуган захвачены в плен и угнаны в Джунгарию.

Несмотря на эти успехи, джунгары не смогли достичь главной цели — разгромить основные силы Среднего жуза и разграбить его население. Основная масса казахских улусов откочевала за Тобол. Один из казахских воинов, имя которого, к сожалению, неизвестно, ценой собственной жизни спас своих соплеменников от гибели. Когда ойратам стало известно об уходе казахского населения со своих традиционных зимних стоянок, за ними была послана погоня. «И для указывания протчих таких Казачьей орды,— говорится в одном из документов,— вел их калмыков пленный их Казачьей орды человек и то все обманом водил нарочно и напускал снег и мороз великой, потому, что он был еретик и от того едва они, калмыки, спаслись, а несколько было урону — от холоду померли и так они, калмыки, онаго вора еретика сожгли и пошед паки напали на казачьи жилища, коих весма многолюдно было по-видимому и за вышепоказанным уроном своих людей от морозов наступать на них не смели и так возвратились...»[8].

Попытки джунгарского командования нанести удар по кочевьям Среднего жуза с юга на этот раз также потерпели неудачу. Бежавший из джунгарского плена енисейский кыргыз Кычик Чюганов десятого июня 1741 г. сообщил в Кузнеце местным властям, что «с тою калмыцкою силою Казачья орда дралась в ... месяце Чеган Цара (Цаган Сар —февраль.— *Авт.*) и Казачья орда калмыцкую силу одолила и с правого крыла калмыков много побила»[9]. Казахские дружины совершили несколь-

[4] ЦГАДА. Ф. 1-й департамент Сената. Оп. 113. 1740—1746. Д. 12/143. Л. 1006.
[5] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1741. Д. 1. Л. 6 об.
[6] Там же. Л. 41.
[7] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1741. Д. 1. Л. 41—41 об.
[8] Там же. Л. 41 об.
[9] Там же. Л. 48 об.—49.

ко вторжений в Джунгарию. Во время одного из них ими был разгромлен улус ойратского главнокомандующего Септеня[10].

Летом 1741 г. в ставке хана Среднего жуза происходил совет о том, продолжать ли войну с джунгарскими феодалами или начать мирные переговоры. Большинство высказалось за мир. В Джунгарию было отправлено казахское посольство. 11 ноября ойратские купцы привезли с собой в Ямышевскую крепость захваченного ими по дороге казаха Уразая, который заявил в канцелярии, что «послы-де их Казачьей орды ушли... к Галдан-Чирину, чтоб с ними, казаками, Галдан-Чирин примирился, тому три месяца назад»[11].

В начавшихся посольских переговорах Галдан-Цэрен, стремясь заставить владельцев Среднего и даже Младшего жузов признать его подданство, использовал различные средства, в том числе и вопрос о пленных. Надо отметить, что между казахами и джунгарами издавна сложилась традиция после военных столкновений размениваться пленными. Прибывшему от хана Абулмамбета казахскому послу Акчуре хунтайджи заявил, что все казахские пленники будут отпущены лишь при условии присылки аманатов, уплаты соответствующей дани и выдачи Карасакала[12].

Султан Аблай и его родственники и приближенные содержались в плену первоначально в ставке Галдан-Цэрена, а позже отправлены под присмотр к нойону Даваци, где Аблай познакомился с хойтским нойоном Амурсаной. За годы, проведенные в джунгарском плену, Аблай выучил ойратский язык и ойратскую письменность, хорошо узнал внутреннее положение Джунгарского ханства и окончательно пришел к мысли, что сила Джунгарии в ее единстве, в сильной центральной власти.

Когда казахское посольство прибыло в Ургу, ойратский хан «Аблаю-салтану приказал руки и ноги сковать и во всю ево у Акчуры бытность был скован»[13]. Думается, что это было сделано нарочно, для того чтобы побудить казахских владельцев быть более уступчивыми и выручить Аблая из тягостной неволи, так как после отъезда казахских послов Аблаю вновь была предоставлена

[10] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1741. Д. 1. Л. 78.
[11] Там же. Л. 75 об.
[12] ЦГАДА. Ф. Сенат. Оп. 113. 1742. Д. 14/1145. Л. 3.
[13] Там же. Л. 110 об.

отдельная кибитка, свобода передвижения, конечно, под неусыпной охраной стражи[14].

Согласно казахским народным преданиям, Аблай в одном из сражений с ойратами убил любимого сына Галдан-Цэрена Чарчу. На самом деле такого сына у хунтайджи не было. Но Аблай действительно победил в единоборстве одного из знатных джунгарских князей. Так, ойратские послы Кашка и Баранг, приехавшие вместе с Абулхаиром к начальнику Оренбургской комиссии И. И. Неплюеву, заявили в ответ на требование освободить султана Аблая, «что-де он убил у них знатного и свойственного Галдан-Чирина и за то-де он более удержан, однако-де со всякою честию содержится. К тому же-де попались к киргис-кайсакам знатных зюнгорцев дочери, и ежели оные выданы будут, то чаятельно-де, что и он отпустится»[15].

Аблай находился в плену до весны 1743 г. Лишь после приезда заложников от хана Абулмамбета — им был султан Абулфеис—он был отпущен на родину. Докладывая об этом в Коллегию иностранных дел, начальник Оренбургской комиссии И. И. Неплюев писал, что «кайсацкие пленники Аблай-салтан с бывшим при нем освобождены... и мнит он, тайный советник, что он Галдан-Чирин тот отпуск в такой образ учинил, чтоб показать с какою умеренностью и лготою хочет касаков в своей протекции содержать, которою своею политикою, нежель посылкою войск оной лехкомысленной народ поколебать и привлечь к себе возможет»[16]. И. И. Неплюев был близок к истине. Стремясь затормозить процесс присоединения Казахстана к России, Галдан-Цэрен изображал из себя этакого «гуманного» правителя, который-де не будет, в отличие от российских императоров, ограничивать их вольность.

Аблай произвел на Галдан-Цэрена сильное впечатление не только своей личной храбростью, но и государственным умом, проницательностью, непомерным честолюбием. Не случайно именно с ним он заключил договор о мире между Джунгарией и казахскими ханствами перед возвращением Аблая в свои кочевья.

Возвратившись домой, Аблай был вынужден отправить к Галдан-Цэрену в заложники одного из своих

[14] ЦГАДА. Ф. Сенат. Оп. 113. 1742. Д. 14/1145. Л. 111 об.
[15] Казахско-русские отношения... в XVI—XVIII веках. С. 243.
[16] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1742—1744. Д. 3. Л. 14.

сыновей. Подпрапорщик Савва Соболев, ездивший в 1745 г. в Джунгарию, сообщил, что «дети Аблай-солтана и Барак-солтана в орду ко владельцу их Галдан-Чирину с лехкими юртами (приезжают) и живут по месяцу и по два и гуляют с галданскими детьми и находятся-де у Галдан-Чирина в милости»[17].

Башкир Тюкан Балтасев, побывавший в Среднем жузе, 22 сентября 1743 г. сообщал царским властям об условиях освобождения Аблая из джунгарского плена. «Оной Аблай-салтану отпуск Галдан-Чирин в такой силе учинил, что ...он чрез отдачу к нему Абулмаметева сына засвидетельствование уже имеет, что кайсаки ему учинились уже подданными, а когда-де Барак-салтан своего сына отдаст, то о их подданстве и паки будет засвидетельствован. В чем Аблай-салтан и приехавший с Абулмаметевым сыном киргизец Малайсары утверждали, что когда они приедут, то Бараков сын, конечно, отдан будет. Сверх того он, Галдан-Чирин, им всячески заказывал, дабы обретающегося в орде Карасакала, называющегося Шуною-батыром... поймав, к нему прислать. В чем они такожде обещались и тако отпущены»[18]. Галдан-Цэрен отдал в жены Аблаю дочь одного «знатного ташкентского сарта», обещал дать во владение «в Ташкенте несколько вотчин», Малай-Сары пожаловал звание тархана, послал богатые дары Абулмамбету и Бараку[19].

Через полтора месяца в Тобольск прибыл находившийся в джунгарском плену вместе с Аблаем его брат султан Юлбарыс, сообщивший, что Аблай «был у Галдан-Чирина в полону года з два и с ним-де был... Юлбарс-салтан, и со оным-де Галдан-Чирином ныне они смирились, и сей-де осени, он, Галдан-Чирин, их и отпустил в свои улусы, а всех-де их было в полону тритцать пять человек и все отпущены и прибыли в свои улусы благополучно... и ныне-де он, Галдан-Чирин с ними, кайсаками, в мире»[20].

[17] ЦГАДА. Ф. 1-й департамент Сената. Оп. 113. Д. 1607. 1745. Л. 41.

[18] О руководителе восстания в Башкирии в 1740 г. Карасакале, бежавшем в Казахстан и объявившем себя братом джунгарского хана Галдан-Цэрена Шоно-Лоузаном и претендовавшим на всеойратский престол см.: *Моисеев В. А.* Степной самозванец // Простор. 1984, № 6. С. 200—204.

[19] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 297.

[20] Там же. С. 309.

Определенную роль в вызволении Аблая из джунгарского плена сыграло правительство России. Крайне обеспокоенное военным наступлением ойратских феодалов против Казахстана, а затем сильнейшим дипломатическим нажимом Галдан-Цэрена на казахских владельцев, правительство и оренбургская администрация предприняли ряд мер по пресечению домогательств Джунгарии, в частности направили в ургу в качестве посла К. Миллера. Одной из задач посольства было добиться возвращения из плена султана Аблая[21].

Несмотря на то, что русское посольство не было пропущено в ставку джунгарского хана, протест России оказал воздействие на «казахскую» политику Галдан-Цэрена. Спустя некоторое время после освобождения Аблай заявил приехавшим к нему представителям оренбургской администрации, что «я же должен за всемилостивейшую государыню вечно бога молить... что-де меня соизволила высочайшею милостию ис полону от калмык владения Галдан-Чирина освободить»[22].

Находясь на пути в свои кочевья, Аблай отправил к Абулмамбету людей с извещением о своем освобождении и просил передать как хану, так и другим свое неудовольствие тем, что казахи ничего не сделали для этого. Находившиеся тогда в ставке Абулмамбета казаки И. Лапин и Мансур Аксаков показали, что Аблай «как в том письме писал, так и тем посланным приказывал к нему, Абулмамбет-хану, и всему своему народу с великою бранью и неудовольствием, что они ево в том полону без всякого старания и попечения оставили так, что хотя б он и день свой тамо окончал, то б помощи себе от них никакой видеть не чаял, объявляя, что та свобода ему ни от чего инаго последовала, как токмо по высочайшему е. и. в. призрению и милосердию, ибо-де о том е. и. в. два указа были присланы...»[23].

После возвращения из плена между Галдан-Цэреном и Аблаем внешне установились дружеские отношения. Подвластные Аблая, приехав в первых числах марта 1745 г. для торговли в Семипалатинскую крепость, сооб-

[21] *Моисеев В. А.* К вопросу об ойрато-казахских отношениях в 30—40-х гг. XVIII в. // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1983. С. 185.

[22] *Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А.* Против извращений истории Казахстана // Вестник Академии наук Казахской ССР. 1984. № 4. С. 64.

[23] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 289.

щили, что «главные-де их киргис-кайсацкие владельцы стоят близ Бухареи, а калмыки-де зенгорские, которые блиско к ним стоят, с ними видаютца, а которые ж калмыки стоят от них вдали и те-де видаютца с их главными владельцы. А прежде сего бывало у них с оными зенгорскими калмыки кто кого мог, тот войною и берет в полон». После возвращения из Джунгарии Аблая и заключения им мира с ойратским ханом «...у них спокойно с калмыками Галдан-Чирина... и друг другу ездят»[24]. Более того, Аблай перебрался со своими улусами кочевать на принадлежавшие Джунгарскому ханству земли. Ездивший в начале 1745 г. в Джунгарию поручик Ф. Аблязов сообщил, что казахи кочуют по реке Цар-Гурбану, являющейся границей джунгарских владений[25]. Урянхайцы сообщали русским властям, что «Аблай-де салтану владелец их Галдан-Чирин от себя пшено и муку посылает...»[26]. Эти отношения между Аблаем и ойратским двором сохранялись и после смерти Галдан-Цэрена, вплоть до начала 50-х гг., когда в Джунгарии начались ожесточенные войны и казахи стали активными участниками этих событий.

Феодальные усобицы в Джунгарии. 1745—1754 гг.

Конец 40-х — начало 50-х гг. XVIII столетия—период прогрессирующего ослабления и упадка некогда могущественного кочевого государства Центральной Азии — Джунгарского ханства. Вызвано это было непрекращавшейся борьбой различных феодальных группировок за трон всеойратского хана. После смерти джунгарского хана Галдан-Цэрена на престол вступил его средний сын Цэван-Доржи, которому в 1745 г. исполнилось только 13 лет. Кратковременный период его правления характеризовался жестокими казнями и преследованиями, экономическим упадком, политической децентрализацией[1]. В мае 1750 г. в результате очередного заговора Цэван-Доржи, правивший под именем Аджа-хана, был свергнут джунгарскими феодалами, ослеплен и сослан в ссылку в г. Аксу, где и был впоследствии умерщвлен[2]. Новым правителем стал незаконный старший сын Галдан-Цэрена Лама-Доржи, торжественно коронованный 12 октября 1750 г.[3]

С первых же дней своего правления он встретил скрытое сопротивление, а затем и прямую враждебность со стороны многих знатных феодалов, потомков джунгарских ханов, также претендовавших на престол. Одним из наиболее опасных и активных противников нового хана был прямой потомок основателя Джунгарского ханства Батура-хунтайджи (1635—1654 гг.) нойон Даваци, кочевавший со своими улусами в Тарбагатае и на Монгольском Алтае. Число его подвластных составляло свыше 30 тыс. чел.[4] Вскоре между Даваци и поддержавшими его нойонами Амурсаной, Банчжуром и Ламой-Доржи началась борьба. Осенью 1751 г. Даваци и его союзники были разгромлены и бежали в Казахстан.

Казахские владельцы внимательно следили за перипетиями межфеодальной борьбы в Джунгарии, длительное время сохраняя полный нейтралитет и не вмешиваясь в происходившие там события. Однако бегство в пределы Среднего жуза сразу троих ойратских князей меняло обстановку. Необходимо было обсудить создавшееся положение, выработать общую линию поведения, наметить конкретные шаги по ее осуществлению.

Надо отметить, что беглецы нашли в казахских кочевьях довольно радушный прием. Приехавшие в февра-

---

[24] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1745. Д. 1. Л. 51 об.—52.

[25] ГАОО. Ф. Военно-походная канцелярия... Оп. 1. Д. 8. Св. 4. Л. 8.

[26] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1745. Д. 2. Л. 4 об.

[1] *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. М., 1983. С. 281; *Кузнецов В. С.* Джунгарское ханство в 1745—1755 гг. // Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение: К 200-летию со дня рождения: Материалы конференции. М., 1977. Ч. II; *Моисеев В. А.* Русские архивные материалы о положении Джунгарского ханства в 1745—1749 гг. // Пятнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы докладов. М., 1984. Ч. 2. С. 145—152.

[2] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1752. Д. 3. Л. 53.

[3] *Алдабекова Н. А., Моисеев В. А.* Джунгарское ханство в период правления Ламы-Доржи (1750—1752 гг.) // Семнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы докладов. М., 1986. Ч. II. С. 100.

[4] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1752—1753. Д. 5. Л. 93—94. В русских и китайских источниках Даваци фигурирует под разными именами: Дебача, Лобача и т. д. В советской историографии принято писать «Даваци».

ле 1752 г. в Ямышевскую крепость по торговым делам казахи сообщили местному начальству, что Даваци и Амурсана со своим братом Банчжуром «находятца у помянутого Хаип-батыря только в двадцати человеках, не под караулом, но стоят своими кибитками, не по далности»[5]. Местное население «ево Лобачу и других двух владелцов весма почитают и дарят»[6].

Раскрывая причины этого гостеприимства, эмиссар оренбургской администрации в Среднем жузе М. Арапов отмечал, что казахи, «почитая то их ноенов к ним прибежище за авантаж, прочат их со всеми обретающимися при них и впредь могущими быть в прибытки к ним калмыкам на всегдашнее пребывание у себя к размножению и усилству своего народа. Вследствие чего и почтение и любление показуют к ним доволное и как лошадми, так и скотом их снабдевают»[7].

Узнав о том, что Даваци и Амурсана нашли убежище во владениях Среднего жуза, Лама-Доржи направляет к наиболее влиятельному султану Среднего жуза Аблаю посольство во главе с Бекей-беком с требованием немедленно возвратить беглецов. «Послан был от зенгорского владелца Бекей-бек во сте человеках калмык для разведывания о ноенах Дебачи и Амурсаны,— говорится в источнике,— где и у кого они находятца по надежде х киргиского старшине Мала-Сары-батырю, которой-де и люди ево частые приезды в Зенгорское владение употребляют и приказал им быть у него с месяц и заподлинно о них разведать и как возможно привесть в ургу»[8].

Лама-Доржи пытался воздействовать на феодалов Среднего жуза через доброжелательно настроенных по отношению к нему старшин Малай-Сары и Япяка. Так, по просьбе джунгарского хана Малай-Сары отправил к старшине Каипу своего сына и сына Япяка, сопровождавшего джунгарское посольство Бекей-бека, с просьбой отпустить джунгарских князей к Ламе-Доржи, чтобы не произошло «ссоры и напрасного кровопролития». По приказу Каипа-батыра посланцы Малай-Сары были избиты плетьми и отправлены обратно «с тем ответом, чтоб он, Малай-Сары, с зенгорской стороны не вспомогал и живущего у него Бикей-бека во сте человеках отпустил обратно...»[9].

Таким образом, вопрос о выдаче в Джунгарию ойратских князей Даваци, Амурсаны и Банчжура в это время стал главным в казахско-джунгарских отношениях. Важную роль в его решении сыграл султан Аблай. Стремясь предотвратить нападение ойратских войск на казахские кочевья, Аблай, до того времени пока съезд владельцев Среднего жуза не вынесет определенного решения, от своего имени направил к Ламе-Доржи посольство с объявлением, что Даваци с его спутниками в Средний жуз «прибежал не по их приказу, но сам собою и в том бы они, зенгорцы, на него Аблая и протчих киргисцов сумнения не имели, ибо-де они им противности зделать и с ними за него Лобачу несогласия иметь не желают»[10]. Тем не менее было решено улусы от джунгарских границ отвести на север, к российским крепостям. Уже в конце марта казахи ряда родов Среднего жуза приблизились к Верхиртышским крепостям — Железенской, Чернорецкому и Осморыжскому форпостам[11].

Между тем из Джунгарии к Даваци начали стекаться его подданные, сообщавшие, что в стране зреет недовольство новым правителем и многие подвластные Даваци ждут его прихода в Джунгарию с казахскими войсками. Так, ездившие по приказанию помощника оренбургского губернатора генерал-майора А. И. Тевкелева в Средний жуз башкирский старшина И. Тайтагулов и его спутники Ю. Юнаев и Москвитин, возвратившись 18 июня 1752 г., сообщили, что бегущие к Даваци из Джунгарии его подвластные передавали ему просьбу тридцати джунгарских старшин, что они «под владением нынешняго зенгорского владелца быть не желают, понеже-де он не настоящий, а желают-де быть у него Лобачи и ежели-де он, Лобачи, в киргиз-кайсаках владелцом будет, то б прислал к ним для выручки их от зенгорцов до тысячи человек киргисцов, чего-де они чрез три месяца и ожидать будут»[12]. К лету 1752 г. к Даваци

[5] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1752—1753. Д. 5. Л. 2 об.
[6] Там же. Л. 13 об.
[7] Там же. Л. 42 об.
[8] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1752—1753. Д. 5. Л. 9 об.—10.
[9] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1752—1753. Д. 5. Л. 9 об. — 10.
[10] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1752—1753. Д. 5. Л. 13.
[11] Там же. Л. 4.
[12] Там же. 12 об.—13.

и Амурсане собралось уже около 150 чел.[13] Это обстоятельство создало некоторые трудности. Казахское население стало просить своих старшин и султана Аблая распределить ойратов по отдельным родам, однако Даваци «Аблай-салтана и других лучших людей привел в жалость тем, что как они и так в немалом бедственном состоянии себя признавают, то ежели их между собою разлучать будут... их в совершенное уже отчаяние привесть могут» и просил оставить их кочевать совместно в увак-керейском роде. Просьба их была уважена, и они «оставлены на таком основании, чтоб их тем родом кормили, а протчия бы тамошния роды лошадми и в протчих нуждах им вспомогали»[14].

Первоначально план Даваци и его сторонников заключался в том, чтобы через казахские кочевья уйти к волжским калмыкам[15]. Однако покровительственная политика владельцев Среднего жуза, продолжающиеся смуты в Джунгарии, желание его бывших подвластных воссоединиться с ним изменили его планы. Он начинает все настойчивее убеждать казахских феодалов дать ему отряд воинов для вторжения в Джунгарию. Посланный оренбургской администрацией к султану Аблаю толмач М. Арапов сообщал, что Даваци «для того, чтоб себя спасти и свои надобности чрез них исправить... у них Аблай-салтана и у протчих... домогается того, чтоб они в выручке тех оставших в Зенгорском владении ево калмык учинили ему помощь своим войском, уговаривая дабы со оными он хотя не для драки с зенгорским народом, но только для безопасности им, калмыкам, и для приему и вызову их оттоль к Зенгорскому владению приближится мог»[16].

Узнав о том, что все его оставшиеся в живых люди отданы Ламой-Доржи в ведение его родного брата и что сделано это «во удержание ево от сообщения с ним Лобачею и во отмщение ему Лобаче», Даваци стал еще более настойчив в своем стремлении во что бы то ни стало выручить своих подвластных.

Между тем в ставку султана Аблая прибыло второе посольство от джунгарского хана с настоятельным требованием выдать беглецов. Посольство было задержано до окончания заседания собрания Среднего жуза. На этом собрании присутствовали практически все представители родов и племен Среднего жуза и ряд посланцев от Младшего и Старшего ханств[17].

Съезд, вспоминал впоследствии султан Аблай, был созван «по притчине... бывших у них от нынешняго зенгорского владелца для взятья тех бежавших от владения ево ноенов посланцов ево, на котором-де как он султан, так и протчих найманских, увак-керейских и башантинских родов старшины, всего до семидесят были, да и Абулмамбет-де хан на оный ис Туркестанта приезжал, причем-де он, хан, ко отдаче их нойонов и приговаривал». Абулмамбет ссылался на опасность нового военного вторжения ойратских феодалов в Казахстан. Вскрывая подлинные мотивы его поведения, Аблай подчеркивал, что Абулмамбет делал это для того, «чтоб чрез то зенгорскому владелцу собственно от себя для своей выгоды услугу оказать»[18].

Позиция султана Аблая, которую поддерживали такие влиятельные родоправители и батыры, как Богембай, Даут-тархан (сын Джаныбека-тархана), Япяк, султан Младшего жуза Ералы и другие, сводилась к тому, чтобы ни в коем случае Даваци, Амурсану и Банчжура не выдавать джунгарскому хану. Определенную роль при этом, конечно, сыграли дружеские чувства, которые питали друг к другу Аблай и Даваци. Батыр Япяк, сообщая капитану А. Яковлеву о решении собрания, указывал, что во время плена в Джунгарии в 1741—1743 гг. «Аблай с Лобачею обязался дружбою»[19].

Однако главным побудительным мотивом было стремление части казахских владетелей возвести на ойратский трон своего ставленника. Выступая на собрании, Аблай указывал, что поскольку Даваци «знатнейший нойон, то со времянем болше, нежели нынешней владелец в ползу их кайсак быть может, а ежели-де их отдать, а тамо оной Лобача жив останется и по наследству своему со времянем по прежднему усилится или над всем народом владелцом зделается, тогда за сие и наи-

[13] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1752—1753. Д. 5. Л. 42 об.
[14] Там же. Л. 42 об.
[15] Там же. Л. 37 об.
[16] Там же. Л. 43.
[17] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1752—1753. Д. 5. Л. 13 об.—14.
[18] Там же. Л. 41 об.
[19] Там же. Л. 71 об.

паче... отмщения опасно от него, нежели ныне за неотдачу ево от зенгорцов»[20].

Характеризуя позицию Аблая в джунгарском вопросе, А. И. Левшин подчеркивал: «Умный и предприимчивый султан Аблай не упустил воспользоваться ссорами владельцев зюнгарских и всячески содействовал продолжению их междоусобий, понимая совершенно, сколь необходимо для его собственного спокойствия и для внешней безопасности всех орд казачьих, раздробление и обессиление древних врагов их»[21].

Аблая поддерживали ряд влиятельных феодалов Старшего жуза, и прежде всего Толе-бий. Летом 1752 г. он прислал к Аблаю письмо, в котором просил его и других владельцев Среднего жуза не отдавать в Джунгарию Даваци, так как «помянутый Лобача знатной и ко всему зенгорскому владению ближайший нойн, то-де из (за) него в том владении между самими ими немалое смятение и междоусобие происходит..., из неотдачи их им, киргис-кайсакам, опасности нет»[22]. Столь авторитетная поддержка, а также готовность многих родоправителей оказать Аблаю всевозможную помощь придали ему уверенности в своих силах. Поэтому ойратские послы, угрожавшие казахам войной, вновь вернулись в Джунгарию с пустыми руками.

Сразу же после завершения собрания Аблай направил в ставку Ламы-Доржи посольство с объявлением, «что они, ноины, прибежали к ним сами, зачем-де по обычаю их киргис-кайсак, хотя б между ими из всего и несогласие какое произошло, зенгорцам выдать не в состоянии»[23].

Уже в сентябре 20-тысячная ойратская армия под командованием нойонов Саин-Белека, Шахдура-Даши, Батура-Убаши и др. вторглась на территорию пограничных казахских кочевий[24]. «Нападении-де от калмык на киргисцов два раза были,— сообщал в октябре месяце батыр Япяк капитану А. Яковлеву,— первое при урочище Улутау и Кчитау, второе при урочище Чилянты, причемде найманских, керейских и других разных родов многое число раззорили и в полон взяли, также и скота отогнали». Захватив ряд влиятельных родоправителей, ойраты потребовали взамен их выдать им Даваци и Амурсану с братом[25].

Получив первые сведения о нападении джунгарских войск, Аблай немедленно разослал гонцов с указанием собраться в урочище Баян-Аул. Сам со своей дружиной выступил к месту сбора 17 октября. Даже после вторжения ойратских феодалов в приграничные с Джунгарией казахские кочевья Аблай и его сторонники не теряли надежды урегулировать конфликт мирным путем. Тот же батыр Япяк, один из активных сторонников Аблая, сообщал прибывшему к нему представителю Оренбурга капитану А. Яковлеву, что «мы-де едем с калмыком не воеватца, но переговорить по прежде учиненному с Галдан-Чирином мирному постановлению — чего ради они нарушили тот договор и будем-де требовать взятых в плен людей и отобранный скот»[26].

К этому времени отношение знати и простого народа к Даваци изменилось. Вторжение и грабежи ойратских войск в Казахстане, а также неудавшаяся попытка Даваци перевести свой улус в кочевья Среднего жуза подорвали доверие к нему Аблая и других казахских владельцев. Ныне Даваци, говорил в одной из бесед с капитаном А. Яковлевым Аблай, «от народу нашего имеет опасение в том, что многая явилась его ложь и что-де он сказывал немалое число войска, то-де ныне слышно, что как ево, Лобачи, так и племянников ево Амурсаны и Баинджура улусы владелцом Ломой-Доржею все в корень раззорены по другим владельческим улусам разделены»[27]. Руководители казахского ополчения склонялись даже к мысли выдать Даваци джунгарскому хану, потребовав от него предоставления определенных гарантий, что спасавшиеся у них ойратские князья «з добрым намерением приняты и ево (Даваци) улусы по-прежнему ему отдать и ево так как владелца содержать, а не убить...»[28].

---

[20] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1752—1753. Д. 5. Л. 71 об.

[21] *Левшин А. И.* Описание... Спб., 1832. Ч. 2. С. 210.

[22] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1752—1753. Д. 5. Л. 42 об.

[23] Там же. Л. 41 об.

[24] ЦГАДА. Ф. Сенат. Оп. 113. Д. 1607. Л. 580; Государственный архив Омской области. Ф. Военно-походная канцелярия. Оп. 1. Д. 29. Св. 16. Л. 644—644 об.

[25] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1752—1753. Д. 5. Л. 72 об.—73.

[26] Там же. Л. 72.

[27] Там же. Л. 69.

[28] Там же. Л. 72.

Сражения, развернувшиеся осенью и зимой 1752 г. между ойратской армией и казахским ополчением, происходили с переменным успехом, однако перевес все более склонялся на сторону казахов. Тобольский дворянин А. Плотников, изучавший в Джунгарии ойратский язык, сообщал бригадиру И. И. Крофту, что 29 октября прибыл из ойратской армии гонец зайсан Цебек, и в урге стало известно о поражении джунгарской армии[29].

Несмотря на военные неудачи, ойратский правитель отклонял все предложения Аблая о мирных переговорах и прекращении военных действий. Капитан А. Яковлев сообщал, что Аблай отправил в Джунгарию посольство во главе со знатным батыром из найманов Маджитом, а также известных батыров из других родов Среднего жуза, с тем «чтоб-де калмыцкое войско отступило и на киргисцов нападения не чинило, ибо-де от киргисцов задачи к войне не было, кроме что владелцов приняли». Однако казахское посольство было захвачено в плен, «из них один убит, а двое в руках для показания киргисских кочевых мест содержатся»[30].

Бросив основные силы своих войск в Казахстан, Лама-Доржи оставил без надежного прикрытия ставку, чем и воспользовались его противники. Вступив в соглашение с рядом джунгарских князей и представителями ламаистского духовенства[31], Даваци и Амурсана с отрядом из 600 воинов совершили скрытый рейд и, неожиданно ворвавшись в ургу 12 января 1753 г., расправились с Ламой-Доржи. Находившийся в это время в Джунгарии казак Ф. Бурков позже рассказывал, что «ноены Дабачи и Амурсанай, вышед оттуда (из казахских кочевьев.— *Авт.*), воровским потаенным образом в большой урге человеках сот в шести и нечаянно напав на расположенное по реке Или зенгорского владельца Ламы-Доржи кочевья и поймав ево Ламу-Доржу живого и... самого его... и одного с ним согласия четырех зайсангов же: Ашира, Боголдая, Алжигорашка, а четвертому имя не знает, побили до смерти»[32]. Ханом Джунгарии был провозглашен Даваци.

Захватив власть, Даваци отозвал войска из Казахстана и направил Абулмамбету и Аблаю послания с предложением жить в мире и дружбе. В одном из писем к батырам Куляке и Салтанмамету Аблай писал, что «как законной наследник он, Лабачи, и владение принял и к нему, Аблай-салтану, прислал посланцов, дабы они ничего не опасались, жалает он, Лабачи, с ними, киргисцами, жить как и прежде спокойно»[33].

Свержение Ламы-Доржи не избавило Джунгарию от губительных межфеодальных усобиц. Одним из первых против Даваци выступил сын известного владетельного нойона Сары-Манджи Немеху-Жиргал. Собрав довольно значительное войско (по некоторым данным до 9 тыс.)[34], восставшие осадили ставку хана и вынудили Даваци искать спасения в кочевьях его союзника Амурсаны. К этому времени отношения между ними заметно осложнились. Амурсана, не довольствуясь назначением его правителем ойратов, кочующих на Алтае и Тарбагатае, начал требовать предоставления ему половины ханства. Русский казак Ф. Бурков, находившийся в это смутное время в Джунгарии, сообщал, что после того как Даваци и Амурсана в течение трех месяцев собрали своих бывших подвластных и имущество, последний «от владельца Дебачи стал требовать в свой повыток половину зенгорского народа и земли со всем иждивением, что он, Дебача, зделался владельцом по общему с ним, Амурсанаем, старанию»[35]. Даваци ответил категорическим отказом, заявив в ответ на эти притязания, что «нигде того, дабы в одной землице были два владелца, не водитца»[36]. Несмотря на это, Амурсана вновь поддержал Даваци, и совместными усилиями они нанесли поражение Немеху-Жиргалу, Тогуз-Кашке и другим князьям.

В этой борьбе Аблай и подчинявшиеся ему старшины поддерживали Даваци и Амурсану. Старшина одной из найманских волостей Бердей 23 декабря 1753 г. сообщал прапорщику Веревкину, что «у них з зенгорцами имеетца война, у ноена Дебачи (с) Шираманжиным сыном Умеком, чтоб Дебаче не быть владелцом. И оные киргисцы споможение чинят вышереченному Дебачи и ходило их,

[29] АВПР. Ф. Сибирские дела. Оп. 130/2. 1746. Д. 1. Л. 80 об.
[30] ГАОО. Ф. Военно-походная канцелярия... Оп. 1. Д. 29. Св. 16. Л. 715 об.
[31] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1753. Д. 1. Л. 11.
[32] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1757. Д. 2. Л. 7 об.
[33] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1753. Д. 2. Л. 10—10 об.
[34] Там же. 1757. Д. 2. Л. 8 об.
[35] Там же. Л. 8.
[36] Там же.

киргисцов, на ту помощь и многия калмыцкия улусы разбили... и Аблай-салтан на ту помощь пошел»[37].

Осенью 1753 г. в Джунгарии действовали казахские отряды численностью до 5 тыс. чел. Основной удар в это время казахские дружины нанесли племени дэрбэтов «ибо-де дербеты не хотят быть под владением Дебачи, а желают иметь владелцом Унемкея Жиргала»[38]. Был разгромлен оток Баргат, принадлежавший активному сподвижнику Ламы-Доржи Саин-Белеку. Судя по имеющимся в нашем распоряжении документам, между Аблаем и Даваци был заключен договор о порядке раздела добычи, разработан план совместных военных действий. Указание на это мы находим, например, в показаниях взятых казахами в плен ойратов. Они сообщали находившемуся в казахских кочевьях прапорщику Веревкину, что все мужское население разоренных казахскими дружинами дэрбэтских отоков было отправлено к Даваци, а женщины и дети отданы казахским предводителям. Эти сведения подтвердил старшина Керейской волости Балчук, принимавший участие в походе. Он показал, что «две волости калмыцкие повелением Дебачи раззорили и показанной-де Дебача жен и детей, мужеск малых и женск пол отдал киргисцам... и от разоренных волостей скота киргисцам дана самая малая часть, толко для пропитания, а протчий скот весь взял Дебача к себе»[39]. Зимой 1753—1754 гг. новое казахское ополчение двинулось в Джунгарию»[40].

Между тем политическая ситуация в Джунгарском ханстве изменилась. Амурсана в ходе борьбы с Немеху-Жиргалом и другими князьями значительно увеличил численность своих подвластных (по некоторым известиям до 7 тыс. семей) и решил бросить открытый вызов Даваци. С этой целью он отправил к султану Аблаю своего родного брата Банчжура и зайсана Барчуйха. Послы Амурсаны обратились с просьбой дать тысячу лошадей, 20 тыс. баранов и сколько возможно верблюдов, обещая взамен «учинить плату чем бы (Аблай.— *Авт.*) не потребовал»[41]. Аблай с помощью старшин пре-

[37] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1754. Д. 2. Л. 2.

[38] Там же. Л. 4. См. также: *Златкин И. Я.* Русские архивные материалы об Амурсане // Филология и история монгольских народов. М., 1958. С. 289—313.

[39] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1754. Д. 2. Л. 4 об.

[40] Там же. Л. 4 об.—5.

[41] Там же. 1757. Д. 2. Л. 10.

доставил Амурсане лошадей, 700 верблюдов, баранов и овец. Амурсана рассчитался с ним бухарскими коврами, оружием, людьми. После этого хойтский нойон раскрыл Аблаю свои планы и пригласил его в союзники.

Источники не сообщают причин, побудивших Аблая и других казахских феодалов разорвать союзнические отношения с Даваци и поддержать Амурсану, тем самым поставив Средний жуз на грань войны с Джунгарией. Анализируя последующие события, можно утверждать, что между Амурсаной и Аблаем было заключено соответствующее соглашение, выгодное обеим договаривающимся сторонам, об основах будущих взаимоотношений Джунгарского ханства и казахских жузов.

Сущность тактики Аблая заключалась в том, чтобы поддерживать в Джунгарии постоянные распри, не давать усиливаться ни одному из ойратских ханов или нойонов и обеспечивать безопасность казахских кочевий, добиваться от ойратских владельцев все новых и новых уступок.

Первая попытка совместного выступления казахского ополчения и отрядов Аблая окончилась поражением. Несогласованность в действиях и превосходство Даваци в силах привели к отступлению войск Аблая. Ойрат Лазун Санчиков сообщил ездившему в Джунгарию вахмистру С. Мякинину, что в апреле месяце 1754 г. казахское войско, численность которого составляла 1700 чел., неожиданно появилось в районе реки Каратал. «И в то время нашего войска в собрании было тысяч до десяти и между тем было сражение и с их стороны киргисцов многое число и в полон брано..., а киргиского войска убежало пять сот, а протчие все побиты»[42]. На наш взгляд, это поражение войск Аблая сыграло весьма важную роль в дальнейшем развитии событий.

Поддержка Аблаем выступления Амурсаны побудила Даваци отправить в Средний жуз многочисленное посольство с требованием возвратить все захваченное в Джунгарии и прекратить вооруженные вторжения. «Отчего-де, ты, Аблай,— заявил от имени Даваци посол,— Зенгорской землицы владения моего людям учинил крайнее разорение, понеже я с тобою напред всегда жил в братцкой дружбе и не надеялся я таких от тебя наглых обит и разбоев, что-де совокупясь ты команды моей с

[42] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1754. Д. 5. Л. 35.

Амурсанаем и коликое число людей мужеска и женска полу, також лошадей и рогатую скотину и кибитки с пожитком завоевано, прошу без всяких ссор паки мне возвратить, а ежели-де не отдашь, то я имею несколько своего войска к вам послать войною»[43]. Аблай отправил джунгарских послов без какого-либо ответа.

В июле—августе 1754 г., во время преследования войсками Даваци Амурсаны, Аблай совершил новый поход в Джунгарию. 29 сентября сибирский губернатор В. Мятлев сообщал в Коллегию иностранных дел, что, по сообщениям казахов, Аблай «с войским своим тысячах в четырех не в давном времяни ходил для войны з зенгорцами и их-де зенгорцов тем державцом побито и в полон взято тысяч до трех»[44]. Попытки Даваци дипломатическими средствами восстановить отношения с Аблаем успеха не имели[45]. Одержанная Аблаем победа не могла уже спасти от разгрома Амурсану. Под ударами ойратских и урянхайских отрядов он с небольшим числом своих подвластных бежал в пределы Цинской империи[46].

Расправившись с Амурсаной, Даваци решил нанести удар по кочевьям Аблая. Там нашел убежище один из выступавших против него нойонов Эринчин[47]. Одновременно, по известиям, поступившим в Тобольск, резиденцию сибирских губернаторов, Даваци намеревался просить русское правительство о военной помощи в борьбе с казахами[48]. Приближение зимы и новое обострение межфеодальных усобиц в Джунгарии заставили джунгарского хана возвратить войска. Характеризуя внутриполитическую обстановку в ханстве, вахмистр С. Мякинин писал в своем путевом журнале, что «зенгорский народ между собою крепко несогласно и в великом беспокойстве находитца, сверх же того днем и ночью между собою имеют великие воровства и друг друга ножами режут»[49].

На зиму многие джунгарские нойоны и зайсаны ушли кочевать в верховья Или, опасаясь казахских вторжений. Но новый грозный враг, устоять перед которым ойратская держава, подорванная феодальными войнами, не смогла, надвигался на Джунгарию с востока.

[43] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1754. Д. 5. Л. 35.
[44] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1754. Д. 1. Л. 46 об.—47.
[45] Там же. Л. 47.
[46] *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. С. 289.
[47] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1754. Д. 5. Л. 39 об.
[48] Там же. Л. 39 об.—40.
[49] Там же. Л. 39.

Разгром Цинской империей Джунгарии и вторжение в Казахстан

Правящая в Китае маньчжурская династия Цин, внимательно следившая за развитием событий в Джунгарии, сочла наступивший момент наиболее подходящим для нанесения решительного удара по своему обессилевшему противнику. «Наша династия,— говорилось в императорском указе, — в течение нескольких десятков лет выжидала, сооружала посты и изучала границу, готовила войска для истребления джунгар, но не смогла этого сделать. Ныне складывается благоприятная (для нас) обстановка, которой нельзя не воспользоваться для решения вопроса (о Джунгарском ханстве) силою оружия»[1].

Формальным предлогом для развязывания новой войны послужило обращение Амурсаны к богдыхану Цяньлуну с просьбой помочь ему завладеть троном джунгарского хана. Решив использовать Амурсану и других джунгарских князей, бежавших в пределы империи Цин, в качестве орудия для осуществления своих агрессивных планов, маньчжурский император отнюдь не собирался сохранять Джунгарское ханство. «Повелитель Китая,— указывал известный русский синолог Н. Я. Бичурин,— еще до открытия войны предложил по покорении сей страны, хотя по прежнему поставить в оной четырех ханов, но друг от друга независимых, дабы сим образом, с одной стороны, разделить силы их, а с другой — уничтожить повод к возмущениям и чрез то водворить спокойствие в Северной Монголии»[2]. Таким образом, каждая из сторон преследовала свои цели, и союз их носил временный, компромиссный характер.

Ранней весной 1755 г. огромная разноплеменная

[1] *Хэ Цютао.* Шофан бэйчен (Полное описание северных областей). Пекин, 1881. Цз. 4. Л. 13 а.
[2] *Бичурин Н. Я.* (О. Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Спб., 1834. С. 113—114.

цинская армия вторглась на территорию Джунгарского ханства[3]. Авангардом северной колонны, двигавшейся из Улясутая через проходы Монгольского Алтая, командовал Амурсана, южной колонной, шедшей из Баркуля, ойратский зайсан Салар (в мусульманских источниках — Сарал). Некогда могущественное государство ойратов, обескровленное многолетними феодальными усобицами, не оказало завоевателям серьезного сопротивления. Население ханства жаждало прекращения губительных распрей и видело в появлении ойратских и цинских отрядов Амурсаны, Салара, дербетских князей Цэрена, Цэрена Убаши, Цэрена Муекэ и других надежду на их прекращение. Этому способствовало и подчеркнуто независимое поведение некоторых военачальников, в особенности Амурсаны, по отношению к цинским главнокомандующим Банди и Юн Чану. Как отмечает Б. П. Гуревич, Амурсана «не употреблял официальной маньчжурской печати, символизировавшей его «вассалитет» по отношению к маньчжурскому императору (а пользовался лишь старой ханской печатью), пренебрегал цинским сановным костюмом и другими почетными регалиями, дарованными ему Цяньлуном»[4].

Повлияли на реакцию населения также распространяемые маньчжурами разного рода воззвания и манифесты, адресованные ойратскому народу, в которых маньчжурское командование уверяло его, что цинские войска пришли в Джунгарию, чтобы наказать «злодея» Даваци и восстановить в ханстве «мир и спокойствие»[5].

К лету 1755 г. завоевание Джунгарии было завершено, Даваци схвачен и доставлен в Пекин. Амурсану, стремившегося стать всеойратским ханом, было велено казнить на месте, если нельзя будет доставить его в Пекин. «Полководец по усмирению Севера» Банди побоялся привести приговор в исполнение в Джунгарии и в сопровождении халхаского князя Эринчина, родственника халхаского первосвященника хутухты, отправил хойтского нойона в Пекин. Предупрежденный хотогойтским князем Чингунджавом (Цэньгунчжабом) о неминуемой казни в столице, Амурсана, под предлогом необходимости заехать в свои кочевья, бежал и поднял знамя антицинского освободительного восстания.

[3] По сведениям русских источников, численность цинской армии составляла 200 тыс. чел. См.: *Златкин И. Я.* История... С. 290.
[4] *Гуревич Б. П.* Международные отношения... С. 107—108.
[5] *Моисеев В. А.* Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М., 1983. С. 65.

Уничтожив оставшийся в Или гарнизон цинских войск во главе с генералом Банди и разгромив выставленные маньчжурским командованием станции и пикеты, Амурсана осенью того же года обосновался в верховьях р. Боротал в заброшенном «каменном городке и жил во оном весь ноябрь месяц. И оттуда к контайшинским нойонам посылал от себя письма, чтоб с ним согласились и совокупясь охранить Контайшинскую землицу»[6].

Вскоре Амурсана был провозглашен ханом Джунгарии и приступил к организации отпора новому наступлению Цинской империи. Однако многие влиятельные феодалы, особенно потомки и родственники бывших джунгарских ханов, отказались признавать верховную власть Амурсаны, что привело в январе 1756 г. к очередной вспышке межфеодальной борьбы.

Между тем цинское правительство, собрав еще более значительные силы, бросило их на подавление восстания в Джунгарии. Разрозненные отряды ойратских повстанцев не смогли задержать противника. Амурсана, оставленный большинством своих единомышленников, в сопровождении 200 воинов в апреле скрылся в кочевьях султана Аблая[7].

Перед цинским двором встал вопрос о политике в отношении казахских ханств — каким образом заставить казахских владельцев отказаться от поддержки освободительного движения тюркских и монгольских народов Центральной Азии. К этому времени между цинским двором и владельцами Среднего жуза были установлены политические контакты. Произошло это при следующих обстоятельствах.

Осуществляя грандиозную подготовку к войне с Джунгарским ханством, правительство императорского Китая тщательно следило за всеми перипетиями борьбы различных претендентов на ханский трон между собой. От агентов и ойратских перебежчиков в Пекине были хорошо осведомлены о той роли, которую играли в этих событиях казахские владельцы и прежде всего султан Среднего жуза Аблай, дружины которого вторгались в Джунгарию в течение всей зимы и весны 1755 г.[8]

[6] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1756. Д. 1. Л. 57 об.—58.
[7] Там же. Л. 58.
[8] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1755. Д. 2. Л. 15.

Активизация деятельности казахских феодалов в Джунгарии заставляла цинское правительство спешить с наступлением[9].

После поражения и бегства Даваци в Восточный Туркестан, ликвидации Джунгарского ханства как государственного образования император предписал командованию армии два возможных варианта решения «казахского вопроса». Во-первых, попытаться дипломатическими средствами заставить казахских феодалов вывести свои отряды из Джунгарии и, во-вторых, принудить признать сюзеренитет богдыхана. В случае же неприязненных действий предписывалось использовать против казахских дружин войска[10].

Летом 1755 г. в ставку Аблая было направлено первое цинское посольство во главе с Шуньдэной и Даюна. Посланцы объявили казахам императорский манифест, в котором было сказано: «Прежде (вы) с джунгарами взаимно враждовали. Когда Небесная династия двинула войска, как раз Дабачи с вами воевал. Так как великая армия наступала, Дабачи только тогда остановился, захватив ваших воинов. Ныне местность джунгар уже умиротворена. Все (они) являются нашими слугами. Все прежние инциденты, когда (джунгары) убивали ваших людей, навечно запрещаются. Если вы желаете перейти на нашу сторону, то повсеместно пожалуем благодеяния. Если хотите быть самостоятельным племенем, то разрешается спокойно держаться (своих) границ. Нельзя вторгаться (в джунгарские пределы), если, как прежде, (станете нападать) пошлем великую армию (вас) покарать»[11].

В ответ на это заявление Аблай с целью установления дипломатических контактов направил в ставку цинского командования посольство, что было расценено в Пекине как желание казахов признать зависимость от цинской династии.

Восстание в Джунгарии и активная помощь Амурсане

[9] *Кузнецов В. С.* Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.). Новосибирск, 1983. С. 19.

[10] *Хафизова К. Ш.* О некоторых методах цинской дипломатии в XVIII в. (на примере политики Китая в Центральной Азии) // Шестая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады. М., 1975. Ч. 1. С. 180; *Гуревич Б. П.* Указ. соч. С. 127.

[11] *Кузнецов В. С.* Указ. соч. С. 20.

со стороны Аблая и некоторых других казахских владельцев развеяли иллюзии цинского императора. Однако маньчжурский двор все же направил к Аблаю новое посольство. Трудность заключалась в том, что цинское командование утратило контроль над населением и территорией Джунгарии. Было решено отправить посольство через Горный Алтай.

В феврале 1756 г. в кочевьях главного алтайского зайсана Омбы появилось цинское посольство из 30 чел. во главе с офицером Дашанем. Послы заявили алтайскому князю, что «мы идем с посольством в Казачью орду к казачьему державцу Аблаю-салтану просить от него согласия, чтоб-де между нами с ним, Аблай-салтаном, как ныне, так и впредь никакого б междоусобия и ссор не было... да к тому ж попросить его, Аблай-салтана как возможно б Аблай-салтан приказал войскам своим поймать зенгорского владельца Амурсаная и отдать его живого к ним в мунгальское войско для искоренения его за многие непорядочные поступки»[12]. Послы везли Аблаю и его старшинам большое количество подарков[13]. По настоятельной рекомендации царских властей Омбо категорически отказался пропустить цинских послов через свои кочевья и вынудил их возвратиться восвояси, так и не выполнив задания.

Вскоре после бегства Амурсаны под защиту Аблая в ставке казахского султана появилось цинское посольство, отправленное цинским главнокомандующим халхасским князем Цэрэном, потребовавшее поимки и выдачи «мятежного» нойона, угрожая в случае отказа военным вторжением в пределы кочевий Среднего жуза. Видимо, непросто было Аблаю принять определенное решение и убедить других султанов, старшин, ханов Абулмамбета и Нуралы поддержать его. Тем не менее стремление возвести на джунгарский престол своего ставленника или же, если этого сделать не удастся, использовать Амурсану в борьбе за возвращение исконных казахских земель, захваченных ранее джунгарами, побуждало его к активной поддержке Амурсаны. Какими бы соображениями ни руководствовался Аблай, принимая и укрывая Амурсану и его людей, объективно он способствовал продолжению антицинской освободительной борьбы ойрат-

[12] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1755—1757. Д. 4. Л. 182—182 об.

[13] Там же. Л. 182.

ского народа. Если бы Аблай выдал Цинам Амурсану, с восстанием в Джунгарии было бы покончено уже к лету 1756 г.

Судя по некоторым материалам, главной политической целью Аблая в то время было все же возвращение кочевьев. Так, в попавшем в руки наместника Калмыцкого ханства Дондук-Даши письме его хану Младшего жуза Нуралы, он предлагал вместе со всеми подвластными прикочевать к Среднему жузу и совместно идти войной на Джунгарию. «Верхние киргисцы,— сообщал 8 апреля 1756 г. Дондук-Омбо помощнику оренбургского губернатора А. И. Тевкелеву — ... к Нурали-хану с тем объявлением присылали, яко зенгорских калмык отечество ныне приходит в смятение и в несогласие и для того б Нурали-хан с своим отечеством туда откочевал и войско б свое собрав, следовал к тем киргисцам, обещева еще Нурали-хану прежних между ими, киргисцами, несогласии отбросить, в чем утвердится между собою им, киргисцам, присягою... а Зенгорское отечество при нынешних их зенгорских неспокойствах войною их киргискою овладеть и землю их отнять»[14].

Как только цинскому командованию стало известно местопребывание Амурсаны, к Аблаю было направлено новое посольство «требовать о выдаче Амурсаны со угрожением за невыдачу войною»[15]. Получив категорический отказ, цинское правительство отдало приказ армиям северного и южного направлений двинуться двумя колоннами в Казахстан. Аблай собирает ополчение из казахских воинов, людей Амурсаны и выступает навстречу цинским войскам. На помощь своим соплеменникам пришли казахи Младшего жуза под командованием султана Ералы. Между казахскими отрядами и многочисленными и хорошо вооруженными цинскими армиями начались упорные кровопролитные сражения.

Официальные китайские источники, составленные на основе донесений цинских военачальников, стремящихся в выгодном для себя свете представить ход военных действий, сообщают о победах маньчжуро-китайских войск, о взятии в плен значительного числа казахских воинов[16]. Русские источники свидетельствуют, что в ходе

[14] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. Д. 4. Л. 84.

[15] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1756. Д. 1. Л. 58.

[16] Дай Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу (Правдивые записи о деяниях императора Гаоцзуна Чуньхуанди великой династии Цин). Токио, 1937. Цз. 520. Л. 8 об.

летней кампании 1756 г. боевые действия протекали с переменным успехом. Так, по сообщениям сибирского губернатора В. А. Мятлева в Коллегию иностранных дел, войско казахов, насчитывавшее 10 тыс. чел. нанесло Цинам ряд весьма сильных ударов в сражениях при Калмык Тологае и на р. Аягуз[17].

Однако многократное численное превосходство цинских войск, нежелание многих султанов и старшин всех трех жузов воевать с захватчиками заставляли Аблая, Ералы и других руководителей казахского ополчения отступать. Так, посланные в Средний жуз башкиры, возвратившись в Оренбург, сообщили А. И. Тевкелеву, что «зюнгорских калмык на киргисцов для разорения идут многое число, противо-де которых Аблай-салтан в четырех тысячах ходил, но от них калмык разбит... причем-де и он Аблай-салтан ранен и весьма болен и живет в своем улусе и затем-де против их калмык в другой раз уже и не ходил»[18]. Сражение казахских войск с Цинами нашло отражение и в фольклоре[19].

В связи с ухудшением военно-политической обстановки ряд влиятельных казахских старшин обратился к царской администрации с просьбой пропустить принадлежащий им скот, а также семьи за линию русских крепостей[20]. Возвратившись в сентябре 1756 г. в свои кочевья, Аблай оставил Амурсану под охраной в ауле у старшины Байжигита, где и нашел его представитель оренбургской администрации башкирский старшина А. Каскинов. Вскоре Амурсана был направлен навстречу цинским войскам, которые продвигались весьма медленно, с новым отрядом численностью 500 воинов. Разъясняя причины упорной поддержки Амурсаны, приведшей к войне, Аблай рассказал А. Каскинову о своем к нему отношении, заявив, что он будто бы «еще Галдан-Чирину обещался быть доброжелательным, а он-де, Амурсана, по матери ему, Галдан-Черину, свой, то-де ево в свое защищение и принял с тем, чтоб ни зюнгорским калмыкам ево

[17] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1755—1757. Д. 4. Л. 382 об.

[18] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1755—1757. Д. 4. Л. 388. В походе в Казахстан принимали участие многие ойратские феодалы, перешедшие на сторону цинского двора, а также отряды халхаских князей.

[19] *Магауин М.* Кобыз и копье. С. 76.

[20] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1755—1757. Д. 4. Л. 386—387.

не возвращать, ни чурчутцам не отдавать, а хотя бы-де им от них за него и до крайности какой дошло, то-де он и в таком случае ево лутче ея и. в. ... отдаст».

Аблай обещал хойтскому князю со временем «в киргиз-кайсацких улусах учредить так как владельца»[21]. Вторжение цинских войск, гибель людей, горе обездоленных сказались на отношении к Амурсане многих феодалов и широких масс трудового населения. Все были уверены, что виной бедствий, обрушившихся на их кочевья, был Амурсана. Казахи говорили А. Каскинову, что они «от чурчутцов обеспокаиваются не от иного чего, как от него Амурсананя происходит, ибо ежели бы-де он, Амурсанань, к ним не прибежал, то б чурчутцы и знать про них не хотели»[22]. Все это повлияло на отношение населения к ойратам, прибывшим к ним вместе с Амурсаной. Амурсана, замечает А. Каскинов, жил у казахов теперь «не только в неволе, но и в крайней от них опасности и в такой бедности, что киргизцы ему, Амурсананю, ни семейства, ни скота своего, ни же кибитки своей ...завести не допускают... а подвластные ево калмыки и никакого пристанища не имеют, но все так как проезжия, не имея при себе ничего, между киргизцов около ево, Амурсананя, кочуют, да и пропитание токмо ему, Амурсананю, по приказу Аблай-салтана збором от киргизцов поденно столько, чтобы голоду не претерпел, дается, а оныя калмыки по миру нищие кормятся. Их же против чурчутцов и протчих зюнгорских калмык и неволею с собой волочат»[23]. Осенью 1756 г. Амурсана бежал из Среднего жуза и нашел прибежище в кочевьях алтайских урянхайцев[24].

В сентябре 1756 г. вследствие антицинского восстания в Северной Монголии, приближения холодов, трудностей ведения войны против постоянно ускользающего противника цинское командование начало отвод войск из Казахстана. Неудача, постигшая маньчжур в Халхе и казахских степях, дала новый толчок освободительному движению в Джунгарии, позволила казахским отрядам

[21] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1755—1757. Д. 4. Л. 559 об.

[22] Там же. Л. 559 об. (Чурчутами, или чурчутцами, в Казахстане и Средней Азии называли маньчжур).

[23] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1755—1757. Д. 4. Л. 560.

[24] *Моисеев В. А.* Цинская империя... С. 85.

нанести цинским арьергардам ряд чувствительных поражений[25].

Оценивая итоги летней военной кампании цинских армий в Казахстане, следует подчеркнуть, что маньчжурское командование не только не смогло выполнить поставленной перед ним задачи — заставить казахов отказаться от участия в антицинском движении народов Центральной Азии, выдать Амурсану, но и потерпело ряд поражений и с большим трудом осенью отвело свои войска в тыл. Аблай в этот период проявил себя энергичным и способным военачальником, показав при этом личную храбрость и мужество. Под его руководством немногочисленное казахское ополчение, применяя испытанную тактику маневренной войны, наносило неприятелю неожиданные удары с тыла и с флангов и мгновенно исчезало. Несмотря на громадное численное превосходство, цинское командование не сумело нанести решающего удара и заставить противника капитулировать. Недовольное неудачами императорское правительство отзывало главнокомандующих. Сначала был смещен Цэрен, а затем Хадаха и Дардана.

Таким образом, в деле защиты казахских кочевий от маньчжуро-китайских завоевателей султан Аблай сыграл значительную роль, что еще больше укрепило его авторитет и влияние во всех казахских жузах.

Зима 1756—1757 гг. прошла в обоюдной подготовке сторон к новым сражениям. Вновь пройдя огнем и мечом по Джунгарии, цинские войска в июне 1757 г. появились в приграничных районах Казахстана. Армиями Цинской империи командовали полководцы Фу Дэ и Чжао Хой. Положение становилось критическим. Повстанческие отряды в Джунгарии были окончательно разгромлены карательными отрядами, население поголовно вырезано. Уцелевшие искали спасения в соседних странах. «Джунгария была буквально усеяна трупами,— писал сибирский историк С. С. Шашков,— ее воды покраснели от пролитой человеческой крови, а воздух был полон дымом от горевших улусов, лесов и трав...»[26].

Малочисленные гарнизоны сибирских крепостей, не располагавшие к тому же конницей для действий в степях, не могли оказать казахам своевременной поддерж-

[25] АВПР. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1756. Д. 1. Л. 86 об.

[26] *Шашков С. С.* Рабство в Сибири // Дело. 1869. № 3. С. 49.

ки. Многие султаны и старшины откочевали вместе со своими улусами под защиту российских крепостей. Несмотря на это, Аблаю, Кулсары и Куляке батырам удалось собрать 6-тысячное ополчение и в первых числах июня выступить в поход. Во время продвижения навстречу неприятелю Аблаю стало известно, что Амурсана бежал из Джунгарии в Россию. После того как разведка донесла о приближении крупных сил маньчжуро-китайских войск, Аблай устроил совет и предложил попытаться заключить с Цинами мир. Казахские старшины Кабанбай и Утеген в декабре 1757 г. сообщили сибирским властям, что на совете Аблай заявил: «Теперь же время с китайцами помириться, ибо-де чрез такую войну кроме крайнего раззорения ничего не останется... На что все старшины со Аблай-салтаном согласились»[27].

В сложившейся обстановке это было правильное решение. В казахских кочевьях свирепствовал голод, начался массовый падеж скота. Бухарец Дубан Арзывич, побывавший в Казахстане, рассказывал, что казахи, опасаясь цинских войск, «в одно место со всеми улусами совокупились и в великом страхе от китайцов находятца и уповают живыми не быть... и лошадей всех в табунах и протчей скот содержут в совокуплении, а не распускают, от чего великой голод...»[28]. Характеризуя внутриполитическую ситуацию в Среднем жузе, Кулсары-батыр 30 июня 1757 г. сообщал в крепости Святого Петра, что «их киргиские протчие улусы, то есть кирейской, кипчацкой и караулной со оным атагайским улусом против китайцов хотя и заодно стоят, токмо-де на них он, Кулсары, и Аблай не полагаются, затем что оныя три улуса люди самоволныя и весма непостоянны... чего ради оной атагайской улус на вышеописанныя три улуса, не имея надежды, против китайцов устоять не в состоянии. И когда подлинное о китайском войске известие получат, то намерены послать к ним своих посланников и просить о замирении»[29].

Переговоры о перемирии было решено возложить на командовавшего разведывательным отрядом сына хана Абулмамбета султана Абулфеиза. После нескольких стычек с передовыми частями Абулфеиз добрался до

[27] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1758. Д. 4. Л. 32 об.
[28] ЦГАДА. Ф. Сенат. Оп. 113. 1757. Д. 1216. Л. 7. об.—8.
[29] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1755—1757. Д. 4. Л. 610.

ставки командующего цинскими войсками генерала Фу Дэ и передал предложение Аблая о прекращении боевых действий и заключении мира, заявив, что Амурсана ранее действительно находился у них, но сбежал, в подтверждение чего цинскому командованию были переданы плененные казахами ойраты, подтвердившие, что Амурсана действительно скрылся и его местонахождение неизвестно[30].

Не доверяя этим заявлениям и желая удостовериться в подлинных намерениях Аблая, Цины направили в его ставку своих представителей, которые предложили султану послать посольство в Пекин и просить императора о мире[31]. Одновременно цинское командование потребовало в подтверждение мирных намерений казахов оставить при цинской армии заложников, что после некоторых колебаний и споров также было сделано[32]. Это позволило цинскому командованию уже 22 июля того же года заявить русским властям в Усть-Каменогорске, что Аблай якобы «принял протекцию его богдыханского величества... и в залог верности ко двору его богдыханского величества с просительным своим листом послал знатных тринадцать человек киргисцов»[33]. Вскоре после этого командующий войсками на Уйской линии полковник Бахметьев получил коллективное послание от Аблая, Кулсары и Куляки батыров. В этом письме они сообщали, что Аблай «прошлого году против чурчутцов выезжал и бой имел, а ныне со оным помирился и к богдыхану китайскому посланников своих отправил...»[34]. Противоречивый характер известий вызывал недоверие царских властей. В сентябре 1757 г. помощник оренбургского губернатора А. И. Тевкелев, встретившись с ханом Младшего жуза Нуралы, сетовал, что «китайцы говорят, что он (Аблай.— *Авт.*) им поддался, а киргизцы говорят, что миритца»[35].

Осенью 1757 г. казахское посольство прибыло в Китай. «Казачьей орды,— сообщал возвратившийся из

[30] Там же. 1757. Д. 2. Л. 438 об.
[31] *Кузнецов В. С.* Цинская империя на рубежах Центральной Азии. С. 22.
[32] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1757. Д. 2. Л. 455 об.
[33] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. 1755—1757. Д. 4. Л. 245 об.
[34] ГАОРО. Ф. Оренбургская губернская канцелярия. Оп. 1. 1757. Д. 44. Л. 256.
[35] Там же. Л. 177 об.

Халхи толмач Ф. Шарин,— идут в Пекин послы с прошением отпустить им, что незнаючи побито ими китайского войска в два раз немалое число и что наперед сего у них с китайцами никакой ссоры и войны не было»[36]. Прибытие казахского посольства в Пекин и поднесение даров императору — традиционный обряд в дипломатической практике средневековья — расценили в столице Поднебесной как желание Аблая и других казахских владельцев признать над собой власть богдыхана.

В соответствии с господствовавшими во внешней политике императорского Китая китаецентристскими представлениями, даже теоретически не допускавшими равноправных отношений Китая с каким-либо государством, Аблай тут же был причислен маньчжурским двором к новым вассалам императора, а присланные им подарки квалифицированы как «дань», о чем сделана соответствующая запись в исторической хронике императорских деяний «Шилу»[37].

Во время беседы с представителем Аблая Цяньлун спросил его: «Которую сторону они, киргис-кайсаки помогать будут» в случае войны Цинской империи с Россией? Помня наставления Аблая, казахский посол ответил: «Вы-де знатные два монарха между собою иметь будете войну, а нам-де малым людям в то время между вами мешатца не почто, а будем в то время в стороне»[38].

Между тем Аблай в сопровождении нескольких сот воинов прибыл в ставку цинских главнокомандующих (цзянцзюней) Чжао Хоя и Фу Дэ для переговоров о взаимоотношениях Среднего жуза с империей Цин[39]. Цинские военачальники предложили ему заключить с ними договор от имени всех владельцев не только Среднего, но и Младшего, и Среднего казахских жузов. На это, по словам хана Нуралы, Аблай заявил, что он «как там с войском находится, то помирится и назад возвратится договор учинить в состоянии, а чтоб-де всею ордою

[36] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1757. Д. 2. Л. 447.
[37] См.: *Кузнецов В. С.* Цинская империя на рубежах Центральной Азии. С. 24.
[38] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1758. Д. 6. Л. 36 об.
[39] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1755—1757. Д. 4. Л. 428 об.

тот с ними договор учинить и где торг учредить, того он собою учинить не смеет...»[40].

Тем не менее после настойчивых домогательств цинских военачальников Аблай был вынужден дать от себя и от имени султанов и старшин Среднего жуза расписку в том, что они обязуются прекратить военные действия против цинских войск, запретят своим подвластным вторгаться в бывшие джунгарские кочевья и т. д.[41]. Кроме того, Чжао Хой и Фу Дэ обратились к Аблаю и другим старшинам и султанам с просьбой помочь им добиться от русского правительства выдачи Амурсаны. Это требование вызвало серьезную обеспокоенность казахских владельцев. «Как только о требовании из Российской стороны сильною рукой Амурсананя объявление получили,— сообщали позже царским властям казахские старшины Кабанбай и Утеген,— то того ж самого часу двадцать старшин в том числе и Каенбая брат родной к Аблай-салтану поехали и... весьма несогласились и просили, чтоб по оному китайскому требованию о сыскивании Амурсананя из Российской стороны силною рукою как возможно китайцам отказать или продолжением времени медлить»[42].

Собрание феодалов Среднего жуза решительно отвергло требование цинских военачальников о военной помощи. «Между тем от китайского войска два раз с присланными листами на то, от российской стороны сильною рукою Амурсананя требовании резолюции требовано, однако-де чрез то продолжительное время по прежде как первой снег выпал, китайское войско получило от двух российских людей известие, что точно Амурсанай находится в российской стороне и недавно умер»[43]. Таким образом, этот вопрос отпал сам собой и не привел к разрыву установленных контактов и мирных отношений.

[40] Там же. 1757. Д. 3. Л. 183.
Побывавший летом 1758 г. в Среднем жузе толмач М. Шихов сообщал, что Аблай в переговорах с командованием маньчжурских войск выступал от имени 60 владельцев. За это «многие старшины ныне... на него, Аблай-салтана, сетуют и находятся в несогласии...» (АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1758. Д. 6. Л. 36—36 об.).
[41] ГАОРО. Ф. Оренбургская губернская канцелярия. Оп. 1. 1759. Д. 52. Л. 21 об.
[42] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1758. Д. 4. Л. 34 об.
[43] Там же. Л. 33 об.

Казахско-цинские отношения в конце 50-х—60-е гг.

В начале 1758 г. из Пекина возвратилось первое казахское посольство, доставившее Аблаю богатые дары и пожелание императора Цяньлуна поддерживать с домом Аблая и другими знатными казахскими владельцами мирные отношения. «Посланные мои к китайскому хану благополучно возвратились,— сообщал Аблай А. Т. Тевкелеву 22 июля 1758 г.,— которые сказывают, что оной хан желает, дабы я был ему по киргизски называем иным, то есть меньшей брат или племянник, а киргиз-кайсаки мирныи, объявляя при том, что хотя-де сам он от них и во отдалении, однако-де серце ево к нам блиско и благосклонно»[1]. Так, в казахско-цинских взаимоотношениях начался новый этап, характеризующийся, прежде всего, стремлением обеих сторон дипломатическими средствами и методами добиться решения поставленных задач.

Осуществляя широкую внешнеполитическую экспансию против народов и государств Центральной Азии, правившая в Китае маньчжурская династия Цин стремилась разобщить национально-освободительное движение в этом регионе, натравить один народ на другой, военными и дипломатическими средствами упрочить свои позиции в Халхе, Джунгарии, Восточном Туркестане, Тибете, как можно шире распространить сферу своего политического влияния на народы Сибири, Казахстана, Средней Азии.

Со своей стороны Аблай и поддерживавшие его казахские феодалы пытались в условиях наступления на казахские степи двух могущественных империй сохранить максимум самостоятельности, добиться возвращения некогда захваченных у них джунгарскими князьями кочевий, обеспечить право широкой торговли на рынках Синьцзяна[2].

Степному владельцу пришлось столкнуться с изощренной дипломатической тактикой. Дипломатия Цинской империи располагала огромным аппаратом чиновников, колоссальным опытом ведения дел с кочевниками, зафиксированным в династийных историях и других официальных сочинениях, отработанным механизмом решения внешнеполитических проблем. «...Китайская дипломатия,— отмечал В. С. Мясников,— еще на заре нашей эры сформировалась как универсальное оружие внешней политики. Ее мощь была тогда же проверена как в борьбе за формирование единой китайской империи, так и в защите ее от периодически усиливавшихся кочевых племен»[3].

В основе внешней политики Цинской империи лежала идея китаецентризма, возникшая в древности и заимствованная маньчжурскими феодалами, захватившими страну в XVII в. В течение тысячелетий Китай был окружен странами и народами, уступавшими ему по величине территории, численности населения, военному могуществу, нередко отставшими от Китая в экономическом и культурном отношении. Отдаленность от других крупных центров цивилизации и культуры, политика самоизоляции страны, которую порой проводили правящие классы — все это породило концепцию превосходства всего китайского над чужеземным, нашло свое выражение и в теоретическом обосновании «предопределенного» самой природой превосходства.

Возникновению искаженной картины мира способствовало обожествление императора и насаждавшееся веками представление о нем как о посланнике неба на земле —«Сыне Неба», которое возложило на него задачу приобщения всех народов к китайской культуре, включение их в орбиту китайской политической системы. Представление о «Небом избранном» богдыхане освящалось и поддерживалось различными религиозно-этическими учениями и государственным аппаратом[4]. Отно-

---

[1] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1758. Д. 4. Л. 99.

[2] «Новой территорией», или «новой границей» цинское правительство стало называть завоеванные территории Джунгарии и Восточного Туркестана.

[3] *Мясников В. С.* Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980. С. 15.

[4] См. подробно: *Бокшанин А. А.* Особенности внешних отношений империи Мин и вопросы преемственности // Китай: традиции и современность. М., 1976; *Ермаченко И. С.* К вопросу о роли дани в отношениях между Цинской империей и Халхой в 30—50-х годах XVII в. // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии: История, экономика. М., 1970; *Мартынов А. С.* Представление о природе и мироустроительных функциях власти в официальной китайской традиции // Народы Азии и Африки. 1972. № 5; *Он же.* Статус Тибета в XVII—XVIII веках в традиционной китайской системе полити-

шение правителей Китая ко всем соседним народам как к «варварам», которых необходимо «умиротворять» и «просвещать», исключало всякую возможность установления равноправных отношений между Китаем и соседними государствами. В Китае был разработан сложный и в то же время унизительный церемониал приема иностранных послов при императорском дворе. Китайские чиновники тщательно следили за содержанием, тоном и оформлением посланий и грамот, присылаемых Сыну Неба от соседних правителей, вставляя в них при переводе различного рода уничижительные фразы и не скупясь на восхваления и лестные эпитеты императору. Тщательно «отредактированные» в выгодном для правящих кругов Китая духе подобные документы, в том числе и послания Аблая и других казахских и среднеазиатских ханов и султанов, заносились в исторические хроники. Присылаемые ими подарки квалифицировались и записывались как «дань». Повелители Китая, не считаясь зачастую с реальным характером отношений с тем или иным правителем, жаловали им пышные титулы, вручали печати и грамоты на правление. Это, указывал Л. И. Думан, «было, как правило, чисто символическим актом и не имело реального значения, так как одаряемые правители иноземных народов и без грамот китайских императоров владели своей территорией и управляли своим народом[5]». Все эти методы и приемы в той или иной мере нашли конкретное выражение во взаимоотношениях Цинской империи с казахскими ханствами.

В 1758—1759 гг. в период завоевания маньчжуро-китайскими войсками Восточного Туркестана цинское правительство, чтобы обезопасить границы от казахских вторжений и тем самым обеспечить фланг своей армии, а также наладить снабжение войск лошадьми и продовольствием, вынуждено было проводить в отношении казахов политику, получившую название «мягкого отношения к дальним» («жоу юань»)[6]. Так, казахские старшины Кабанбай и Утеген сообщали царским властям, что с первым казахским посольством, возвратившимся из

ческих представлений. М., 1978; *Он же.* Значение приезда послов в императорском Китае // Народы Азии и Африки. 1979. № 1; *Мясников В. С.* Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980.

[5] *Думан Л. И.* Традиции во внешней политике Китая // Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972. С. 207.

[6] *Хафизова К. Ш.* О некоторых методах... С. 181.

Пекина «от богдоханова величества прислано к Аблай-салтану десять вьючных верблюдов с тюками всяких китайских товаров, против чего-де и Аблай-салтан его богдыханскому величеству собранных в улусах тысячу лошадей, в том числе пятьдесят инохотцов, в подарок отправил. А еще-де Аблай-салтан получил от его богдыханского величества лист»[7]. В этом послании цинский император, как уже говорилось выше, называет Аблая своим младшим братом и предлагает ему «кочевать со всеми своими улусами в землице Алтай-Тау»[8], т. е. на исконных казахских землях, утраченных в XVII в. в результате войн с джунгарами. Предложение, конечно, было весьма заманчивым, но какую цену пришлось бы платить за это, никто не знал.

После долгих и бурных споров на собрании феодалов Среднего жуза было решено воздержаться от такой перекочевки. Казахи Среднего жуза, приезжавшие по торговым делам в Оренбург, заявили губернатору И. И. Неплюеву: «хотя китайцы и призывали их, киргис, к кочеванию на Зенгорскую степь, однако ж Аблай-салтан и другие старшины, по бывшему между ими совету за полезное признали при здешних границах кочевать и здешней стороны держаться»[9]. Политика императорского Китая в отношениях с казахскими ханствами, очевидно, преследовала цель помешать укреплению русско-казахских отношений, затормозить процесс присоединения Казахстана к России.

В Пекине предпринимали меры к установлению посольских связей с другими казахскими владельцами и прежде всего с ханом Среднего жуза Абулмамбетом и ханом Младшего жуза Нуралы. Через Аблая император Цяньлун направил послание Нуралы, предлагая ему установить дипломатические и торговые связи, обещая даже заставить царские власти отказаться от института аманатов[10].

Летом 1758 г. цинское посольство появилось в ставке хана Абулмамбета[11]. Цинские власти приглашали казахов торговать в Джунгарии, всячески охаивая при этом торговую политику России. Казахскому посольству во

[7] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1758. Д. 4. Л. 33 об.

[8] Там же. Л. 33 об.

[9] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1758. Д. 3. Л. 7.

[10] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1 1758. Д. 4. Л. 88.

[11] Там же. Д. 6. Л. 38.

главе с Найманом Таймачевым, прибывшему летом 1758 г. в Пекин, маньчжурские сановники говорили, что «богдыхан с стороны своей и мену с ними киргизцами установит и всячески в пользу их старатся не оставит, так что-де и лошадей и другой скот от них, киргисцов, дорогою ценою выменивать прикажет, причем-де и здешний торг всячески осуждал, а свой им весма прибыточным предъявлял, ибо-де у него в государстве всяких для них киргизцов товаров более, нежели в России»[12].

Укрепляя дипломатические и налаживая торговые контакты, Цины преследовали и другие цели, а именно: добиться от казахов выдачи бежавших в Казахстан ойратов, прежде всего руководителей освободительного движения в Джунгарии. Об этом сохранились документальные свидетельства. Толмач Мурзалей Шихов, ездивший летом 1758 г. в Средний жуз, отмечал, что цинские послы, приехавшие к хану Абулмамбету «требуют от киргис-кайсаков Хасак-Сара...»[13]. Ойратский зайсан Хазык-Шары был сторонником Даваци. В 1755 г. его захватили люди Амурсаны и выдали маньчжурским властям. О его дальнейшей судьбе бежавшие в пределы России ойраты, его подвластные, сообщили, что их князь принимал участие в походе цинских войск против Амурсаны в 1756 г., а затем «по прозбе его был отпущен с имевшимися при нем калмыками пятью стами человек к урочищу Богодаю, где его, Хасык-Шары, пред сим были подвластные, с таким намерением, что он, Хазык-Шара, яко по ево уже к ним, китайцам, верной службе имеющихся там зенгорских калмык всех склонить и в китайское подданство привесть». Однако, собрав отряд из 700 воинов, Хазык-Шары направился в район Баркуля, одну из главных опорных баз цинских армий, где разгромил несколько цинских частей, уничтожил склады с продовольствием и снаряжением. В отместку за это Цины весной 1758 г. разорили его кочевье и, преследуемый

[12] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1758. Д. 4. Л. 87 об.

[13] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1758. Д. 6. Л. 38. Предки Хазык-Шары были выходцами из Казахстана. Ойраты говорили русским властям, что «Хазык был породы киргис-кайсацкой, ибо дед ево точно был киргизец, коего звали Аралбаем, и взят от киргизцов зенгорскими калмыками в полон, кой после того уже и пожалован в Зенгорской землице зайсангом». Отец Хазык-Шары Добжур и брат Убуш также имели княжеское достоинство. См.: АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. Л. 143 об.—144.

по пятам карательными отрядами, он вначале бежал к казахам, а затем нашел убежище у кокандского правителя Ирданы-бека[14].

Хотя Аблай и вынужден был отдать Цинам несколько ойратских беглецов и пленных, все большее число джунгар обращалось к нему с просьбой о покровительстве. Казахи сообщали царским властям, что «от находящихся в горах зенгорцов присыланы были к нему, Аблаю, нарочно с такою прозбою чтоб он, Аблай, принял их в свою протекцию и владение, почему он их и обнадежил, чтоб к нему приходили...»[15].

Цинские послы убеждали Абулмамбета признать сюзеренитет богдыхана. Кулсары-батыр, присутствовавший на переговорах 20 июля 1758 г. сообщил в Омск, что цинские посланцы хана Среднего жуза «к их китайскому богдыхану в подданство призывали и стращали. Токмо он им отказал, а объявил им, что-де я китайской стороны не боюсь, а надежду имею на российскую сторону». Приезжал в ставку Абулмамбета и Аблай, и по словам того же Кулсары, в переговорах участия не принимал и мнения своего не высказывал[16]. В это время в Пекине, как уже говорилось выше, находилось второе посольство Аблая. По сведениям, поступившим к сибирской администрации, посольство это во главе со старшинами Н. Таймачевым, Атагаем и Атанашем, было направлено «для учинения между собою вероятного примирения и утвердительной в том присяги»[17]. Посольство было вновь принято императором и с богатыми дарами отправилось обратно.

Несмотря на неоднократные домогательства цинского двора, пытавшегося заставить Аблая принести присягу на подданство Маньчжурской династии, последний не сделал этого. Объясняя причины упорного отказа казахского султана признать себя цинским подданным, А. И. Левшин отмечал, что Аблай «уклонился от исполнения сего требования не по уважению к присяге, им данной России, но потому что находил двусмысленное положение свое выгоднейшим: оно, во-первых, доставляло ему более независимости и уважения от обоих государств; во-вторых, он боялся явно отказаться от

[14] Там же. Л. 144 об.

[15] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1758. Д. 6. Л. 35 об.

[16] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1759. Д. 2. Л. 165.

[17] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1758. Д. 4. Л. 87.

России, потому что значительная часть киргиз-казаков, ему повиновавшихся, кочевала при границах русских в местах весьма выгодных»[18].

Цинское правительство, заинтересованное в окончательной ликвидации остатков ойратских повстанческих отрядов в Джунгарии, накануне нового похода в Восточный Туркестан обратилось к Аблаю с просьбой дать помощь «для поимки и искоренения оставших зенгорских калмык»[19]. Это обращение цинского правительства послужило предлогом для целой серии широких вторжений казахских дружин в кочевья алтайцев и урянхайцев, что привело к резкому обострению взаимоотношений Аблая и с цинским двором, и с царской администрацией. Так, осенью 1758 г. в кочевья урянхайцев, принявших цинское подданство, вторгся с 2-тысячным отрядом батыр Кашкарбай, пленив в общей сложности около 1500 человек[20]. В ходе этих вторжений нападению казахских дружин подверглись и алтайцы, принявшие в 1756 г. подданство России. Казахские отряды, сменяя друг друга, действовали в районе Монгольского и Горного Алтая до лета 1759 г.

Летом 1760 г. в Средний жуз к Аблаю и Абулмамбету прибыли цинские послы во главе с придворным сановником Навангом с требованием прекратить вторжения в Урянхай и возвратить захваченных казахами людей и имущество. Одновременно в ставку Аблая прибыл с такой же задачей представитель царских властей Ф. Гордеев. Писарь Аблая М. Маметов так описал прибытие и прием Аблаем маньчжурского посольства.

Цинских послов «от границ китайских до Аблай-салтанова кочевья довели киргис-кайсаки, блис тех границ кочевавшия, а от Аблая навстречу их никого посылано не было, и по приближении к ево, Аблаеву, улусу, недоезжая версты за две, остановились и ставки свои разставили, и как приехали, то того же дня Аблай-салтан их к себе позвал, которые-де потому к нему Аблаю тот час со всею их свитою и пришли, причем сказывали, что у них начальников было четыре человека, ис которых первой по приближении к Аблаевой ставке, выняв грамоту и взяв на руки, поднял выше головы своей и тако к

[18] *Левшин А. И.* Описание... Спб., 1832. Ч. 2. С. 223—224.
[19] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1758. Д. 4. Л. 146 об. 32 об., 38 об.

Аблаю в кибитку вошел, а за ним следовал второй начальник, которой под левою пазухою нес сверченную трубкою шелковую парчу Аблай-салтану в подарок. Досталныя два начальника шли за оным безо всего, а за ними шли свиты их люди, и как к Аблаю в кибитку все вошли, то Аблай сидел, не вставая с своего места, и, по обычаю, с теми посланниками учиня приветствие, посадил и их по местам каждого по чину от себя несколько в стороне и потом помянутую грамоту тот же посланник, которой ее нес, ...ему, Аблаю, читал, переводя с китайского на калмыцкий язык, которой он, Аблай-салтан, хотя и сам знает, однако ж для бывших тут киргис-кайсацких старшин и киргисцов, коих всего более ста человек при том было, перевожена была оная с того калмыцкого языка чрез знающего тот язык киргисца и на киргиской язык...»[21].

Несколько иную трактовку этим событиям дает переводчик Ф. Гордеев. В рапорте командующему Троицкой крепости полковнику П. А. Родену от 5 июля 1760 г. он отмечал, что когда Аблаю донесли о приезде императорских послов из Китая, тот немедленно отправил к ним навстречу нарочного, чтобы он послов богдыхана остановил и просил их подождать некоторое время «затем, что время у него свадебное и с ним скорости видется времяни не будет»[22]. Султан Абулфеиз сосватав себе в жены одну из дочерей Аблая, прислал выкуп[23]. Однако посол, «не взирая на то, 23-го числа (июня.— *Авт.*) прямо к ево, Аблаевой, ставке в тритцати человеках на пятнатцети верблюдах... в полуверсте остановясь и двенадцать своих полаток разставя, расположился, и в тот же час к нему, Аблаю, прислал нарочного, что он с ним видется сей день желает. Которой при съезде многих киргисцов и приехал к ево Аблаевой ставке без дозволения и вшед в кибитку, посланное от китайского владелца писмо, не подав Аблаю чрез китайского толмача на словах читано». Поскольку переводчик оказался плохим, то «сам Аблай и Юлбарс салтаны, толкуя то писмо на калмыц-

[21] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. Д. 4. Л. 271 об.—272.
[22] ГАОО. Ф. Военно-походная канцелярия... Оп. 1. Д. 121. Св. 88. Л. 246.
[23] ГАОО. Ф. Военно-походная канцелярия... Оп. 1. Д. 121. Св. 88. Л. 247 об.

ком и персидском разговоре, киргисцам сказывали»[24].

Император Цяньлун, угрожая войной, требовал немедленно возвратить захваченных казахами урянхайцев — цинских подданных, и их скот. Через день в ставке Аблая состоялось собрание «лутчих людей» и было решено «июля в первых числах ехать в те киргиские улусы, которые воровали, и требуемых ими, китайцами, уранкайцов и торгоутов, собирая, наличных возвращать»[25].

В середине июля Аблай вместе с цинскими послами выехал на розыск плененных урянхайцев. В общей сложности было отыскано и возвращено Цинам 150 человек[26]. Глава цинского посольства Наванг в последних числах июля в сопровождении отправленного в Пекин султана Юлбарса возвратился в Китай.

Старшина Бегежан-Мурза 23 сентября 1760 г. заявил в Омске, что «Юлбарыс-салтан по отыскании китайского владения Садацкой волости урянхайцов[27], захваченных в полон киргисцами, человек более ста и с китайским послом назад тому шесть недель отправлен в китайскую сторону посланником и при нем, Юлбарысе-салтане, пошло киргисцов человек до пятнадцати, а сверх того Аблай-салтан к китайскому богдыхану отправил собранных с улусов самых лутчих лошадей и инохотцов пятнатцать»[28]. Вскоре после этого к Аблаю за остававшимися еще у казахов урянхайцами прибыло из Китая новое посольство с требованием прислать в Пекин виновников нападения на урянхайцев. Аблай частично выполнил и это требование, отправив в Пекин одного из предводителей казахских дружин, вторгавшихся в Урянхай, Барак-Батура[29].

С первых дней установления дипломатических связей между Аблаем и цинским правительством одним из важ-

[24] ГАОО. Ф. Военно-походная канцелярия... Оп. 122/1. Д. 121. Св. 88. Л. 246.

[25] Там же. Л. 247.

[26] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1760. Д. 4. Л. 379 об.—380.

[27] Урянхайцев, находившихся в ведении зайсана Чадака, отсюда название Садацкая волость.

[28] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1760. Д. 4. Л. 323 об.—324.

[29] АВПР. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. Д. 5. Л. 249 об.; 1760. Д. 6. Л. 24 об. По некоторым данным Барак-Батур по императорскому приказу был в Пекине казнен. См.: АВПР. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. Д. 4. Л. 177 об.—178.

нейших был вопрос об отношении к России. Вплоть до середины 60-х гг. XVIII в. император и его сановники тщетно добивались от Аблая и других казахских владельцев обещания поддержать их в случае войны с Россией. В 1758 г. Цины обратились к нему с просьбой, чтобы он «с ордою своею им, китайцам, чинил вспоможение, токмо-де на то он, Аблай, склонности не показал, а отозвался тем, что как он в подданстве ея и в находится, так на то и поступить ему не можно»[30]. Инструктируя султана Уруса, как вести себя и отвечать на вопросы и предложения цинских министров, Аблай, по свидетельству находившегося в Среднем жузе М. Шихова, подчеркивал, что если император Цяньлун «будет спрашивать о склонении Киргис-кайсацкой орды, то б они объявляли, что их Киргиская орда между Российским и Китайским государствами самая малая и ни на которую сторону предаться не в состоянии... и для того ежели им х которой стороне склонитца, то тем по своему малолюдству могут они все раззоритца»[31]. Эти сведения 8 марта 1759 г. подтвердил прибывший в Оренбург представитель Аблая Мамук Дабазар. Присылаемые из Пекина и от цинского командования послы, показал он, неоднократно «спрашивали Аблай-салтана: ежели иногда у них с Россиею войны быть случится, в таком случае они, киргисцы, которой стороне прилежать будут? Токмо на то от него, Аблай-салтана, сказано, что он с ево ордою в тогдашнем случае ни российской, ни китайской сторонам помогать не будет, но в собственной толко осторожности пребудет...»[32]. Однако присланные вскоре от Аблая в Оренбург казахи Мамук и Дабазар заявили А. И. Тевкелеву и П. И. Рычкову, что «сия-де речь употреблена от него под видом дабы китайцов не озлобить, а в самом деле, когда от стороны ея и. в. употреблены они будут в службу..., то ко отправлению оной приступить и употреблятся они готовы»[33].

В отличие от других посольство, возглавляемое сул-

[30] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1758. Д. 4. Л. 88 об.—89.

[31] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1759. Д. 2. Л. 136—136 об.

[32] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. Д. 4. 1759. Л. 117 об.

[33] ГАОРО. Ф. Оренбургская губернская канцелярия. Оп. 1. 1759. Д. 52. Л. 10 об.

таном Урусом, было отправлено из Пекина без всяких подарков. Наиболее подробные сведения об этом посольстве содержатся в показаниях писаря Аблая Азамата Туиметева. Он сообщал, что посольство состояло из 36 чел., однако в Пекин было пропущено только 28 чел., остальные оставлены на границе. Члены посольства рассказывали что «по прибытии их в Пекин от китайцов приняты были весьма склонно и по подаче от Аблай-салтана китайским начальникам писем определена была им доволная пища и жалованье и сверх того дано им было нимало подарков». Однако после того, как один из членов посольства Дусай-батыр заявил богдыхану, что казахи «состоят в российском подданстве из давних лет», Цины резко изменили тон переговоров и отношение к посольской миссии. «Аблай-де салтан писал к ним,— заявили они,— якоб он со всеми киргисскими людми желает быть в китайском подданстве, а ныне-де объявляете, что уже давно в российском подданстве находитесь» и «после того уже тем киргисским посланцом как жалованья, так и пищи от времени до времени было убавливано, а наконец и ничего давать не стали»[34]. Одна из задач посольства — выяснение отношения цинских властей к перекочевке казахов в опустевшую Джунгарию[35]. К этому времени основные очаги национально-освободительного движения уйгуров Восточного Туркестана были уже подавлены. Перед цинским правительством стояла проблема колонизации Джунгарии, и казахам было решительно отказано в этой просьбе.

Джунгария, на территории которой находились прекрасные пастбища, привлекала кочевников. Аблай и ряд других владельцев Среднего жуза стали настаивать на перекочевке в этот район. Так, весной 1760 г. в Среднем жузе состоялось многолюдное собрание феодалов, решавшее идти ли кочевать в Джунгарию или остаться на прежних местах, вблизи сибирских линий[36]. Ряд влиятельных родоправителей — Кулсары, Куляка и другие выступили против откочевки, их поддержали другие старшины, и Аблай, после некоторых колебаний, также решил остаться кочевать на прежних местах — по р. Тоболу и в горах Кокчетау[37]. Позже однако было решено

[34] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1759. Д. 2. Л. 185 об.
[35] Там же. Д. 39—39 об.
[36] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1760. Д. 4. Л. 73.
[37] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1759. Д. 2. Л. 186.

попытать счастья и идти в Джунгарию на зимовку. Кулсары-батыр, один из участников собрания, сообщал командующему крепости Святого Петра полковнику Линеману, что «киргис-кайсацкие улусы владения Аблай-салтана Кирейской, Увак-Кирейской, Найманской волостей, в коих... до тритцати тысяч человек нынешнего 760 году в летнее время пошли в Калмыцкую землю для зимовья»[38].

Территориальный вопрос с этого времени стал едва ли не самым главным в отношениях Аблая и других казахских владельцев с цинскими властями. Так, в 1761 г. послы Среднего жуза в Пекине султан Юлбарыс и старшина Девлеткерей вновь «просили оставшую от калмык впусте лежащую землицу, дабы их киргиской народ к кочеванию или жительству допустил, ибо-де прежде он, богдоксон, сам ту Калмыцкую землицу киргисцам отдать обещевал». Казахским послам вновь было отказано. Цяньлун, мотивируя решение, заявил, что он «имеет на тое землицу населить оставших той же землицы калмык, кои ныне у него живут з добавкою к ним китайцов, а они-де, киргисцы, на той землице не кочевали»[39]. Цинские войска получили указание не пропускать казахских кочевников. Возвратившиеся из Казахстана осенью 1761 г. башкиры Шукур Абзанов и др. сообщили, что «китайской владелец богдаксон, их, киргисцов, которые роды кочевание имели на раззоренный зенгорских калмык землице, всех згоняют... чего они, киргисцы, устрашась в скором времени, оставя свой рогатый скот, бежали к российской стороне»[40]. Между казахскими скотоводами и цинской пограничной стражей началась упорная борьба, продолжавшаяся несколько лет. Хан Абулмамбет в одном из своих писем жаловался Аблаю, что посланные им к маньчжурским властям представители «для требования и возвращения отбитых в прошлом году при нападении китайцами у киргисцов тысячи лошадей, да пленных их калмык человек до ста и несколько верблюдов... ни одного человека кроме нескольких и то самых худших лошадей не отдано»[41].

[38] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1761. Д. 1. Л. 7 об.
[39] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1762. Д. 6. Л. 14 об.
[40] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1761. Д. 1. Л. 98.
[41] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1762. Д. 6. Л. 105 об.

12 марта 1762 г. переводчик Филат Гордеев, возвратившись от Аблая, докладывал оренбургскому губернатору А. Р. Давыдову о намерении султана направить в Китай очередное посольство во главе со своим племянником Девлеткереем и с купеческим караваном «с прозбою о заключении с ним, Аблаем, вечнаго мира, обязуясь он, Аблай, что с его стороны от киргисцов никаких китайцам озлоблений и шалостей чинено не будет, так же б и с китайской стороны утверждено было»[42]. Аблай пытался уверить императора Цяньлуна и его правительство, что перекочевавшие в пределы бывших джунгарских владений казахи не будут беспокоить цинскую страну. Вскоре из других источников стало известно об отправке этого посольства с просьбой «о уделении им из китайской стороны из бывших зенгорских мест» по Иртышу и другим местам, которые казахские скотоводы уже начинали занимать, не дожидаясь результатов переговоров[43].

Незначительные конфликты между казахскими скотоводами и пограничной стражей перерастали порой в настоящие сражения. Так, в 1761 г. осенью Цины отогнали у батыра Барака тысячу лошадей. «И оной Барак-батырь,— рассказывали казахи представителям царских властей,— собрав киргисцов человек в двести, ездил за теми китайцами в погоню и наехав на китайскую границу, разбили у них построенные на границе четыре редута, причем в тех редутах и лошадей несколько захватил и возвратился в свое ведомство. И оные китайцы приходили к нему, Бараку, пешие и требовали своих лошадей, толко он, Барак, им лошадей не отдал»[44]. В отместку за это летом 1762 г. цинские стражники угнали у найманов свыше двух тысяч лошадей[45].

В 1762—1763 гг. цинские войска жестоко расправлялись с казахским населением, перекочевавшим со стадами на свои бывшие кочевья, угоняли скот, захватывали в плен людей. «Это,— замечает Б. П. Гуревич,— была, по существу, новая необъявленная война цинского Китая против населения Казахстана»[46]. После длительных

[42] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1762. Д. 4. Л. 79 об.

[43] Там же. Оп. 122/2. 1762—1775. Д. 14. Л. 57.

[44] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/2. 1762—1775. Д. 14. Л. 271 об.

[45] Там же. Л. 271 об.—272.

[46] *Гуревич Б. П.* Международные отношения... С. 172.

переговоров цинское правительство вынуждено было сделать определенные уступки. В 1767 г. казахам было «разрешено» зимовать в Тарбагатае и других местах Восточного и Юго-Восточного Казахстана, но при условии выплаты податей — с каждой сотни голов скота одну или же «в соответствии с обстановкой»[47]. Это позже привело к широкому проникновению казахов в пределы Цинской империи — район Монгольского Алтая, Илийский край.

В деле возвращения бывших казахских земель, некогда захваченных джунгарскими феодалами, Аблай сыграл далеко не последнюю роль. Его настойчивые дипломатические усилия, поддержка старшин, которые со своими родами шаг за шагом все дальше продвигались на восток, принесли свои плоды. Слабеющая Цинская империя не смогла остановить это продвижение кочевников и вынуждена была в конце концов уступить.

Не смогло императорское правительство склонить казахских владельцев поддержать их воинственные планы в отношении России и Средней Азии. Наверное, не было ни одной встречи императора Цяньлуна с представителями Аблая, в ходе которой богдыхан не пытался бы очернить политику России и доказать этническую близость и общность происхождения казахов и китайцев. Так, султану Юлбарсу и старшине Девлеткерею Цяньлун говорил, чтобы «киргиской народ жил с ними, китайцами, спокойно и от него, владельца богдоскона, яко государя своего не отлагались, ибо-де они, китайцы, говорил он, с ними киргисцами, единоплеменны от начала прешедших древних лет бывшего Чингисханова поколения, а не так как русские от них племенем или родом совсем отделены»[48]. Султана Девлеткерея «учинил названным сыном»[49]. По мере упрочения позиций на завоеванных территориях Джунгарии, а также в Восточном Туркестане политика маньчжурского двора в отношении казахов начинает принимать все более жесткий

[47] Там же. С. 174—175.

[48] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 133/1. 1761. Д. 1. Л. 97 об.—98.

[49] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1763. Д. 2. Л. 9 об. Критику несостоятельности китаецентристских концепций, в частности утверждений об общности происхождения китайских и тюркских народов см. в статье: *Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А.* Против извращений истории Казахстана // Вестник АН КазССР. 1984. № 4.

характер. Так, в 1762 г. Цины потребовали от Аблая присылки в Пекин заложников. Выполняя это требование, Аблай и Абулмамбет отправили в Китай летом 1763 г. Кинзя-батыра с родственниками. В свое время он находился заложником у Галдан-Цэрена[50]. Посольство это возглавил сын султана Салтамамета Урус. Нуралы-хан и Ералы-султан также послали в Пекин своих людей. Тогда же цинский двор стал все более настойчиво требовать от казахских владельцев выдачи живущих в Казахстане ойратов[51], добиваться содействия казахских феодалов в деле покорения государств Средней Азии. Так, еще осенью 1758 г. Цины потребовали от Аблая посылки войск для взятия Самарканда, Ташкента, Бухары. «Токмо-де,— сообщал возвратившийся из поездки по Среднему жузу М. Арапов,— как Абулмамбет-хан и Аблай-салтан, так и протчие бывшие при этом старшины и киргисцы не только от того отказались, но и то им сказали, что ежели они, китайцы, туда пойдут, то им, киргисцам, несносное от того их походу отягощение и гибель приключиться может... и так-де разве ежели они того намерения не отложат и с ними, киргисцами, неприятельски поступить желают, однако же-де, хотя они, киргисцы, собою противо их, китайцев, и несилны, токмо имеют для себя сильную надежду на защищение с российской стороны...»[52]. Другими словами, нападение цинских войск на Среднюю Азию казахи расценили бы как нападение на казахские кочевья со всеми вытекающими отсюда последствиями. Когда спустя несколько лет Цины вновь подняли вопрос о содействии в военных предприятиях в Средней Азии, казахи не только отказали им в этом, но и направили посольства к среднеазиатским владельцам «с таким требованием: будут ли оные туркустанцы и самарханцы против того китайского войска с ними, киргисцами, обще воевать»[53].

Все новые и новые ограничения вводит цинская администрация Синьцзяна на торговлю с казахским населением в приграничных крепостях. Султан Юлбарс 28 декабря 1761 г. сообщал, что «пред сим киргисцы с китайцами мену производили при урочище Тарбагатае и

[50] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1763. Д. 2. Л. 9 об.
[51] Там же. 1762—1775.
[52] Там же. 1759. Д. 4. Л. 122 об.
[53] Там же. 1762. Д. 2. Л. 3 об.

Ирен-Хабарге и при реке Илле, то ныне... не имеют»[54]. В конечном счете казахам было разрешено торговать только в Чугучаке и Кульдже. При этом торговля разрешалась только с казной, по ценам, назначенным цинскими чиновниками, как правило, более низким, чем в Монголии и в Восточном Туркестане. Приказчик Ношихон Амиров и переводчик Заровкин, побывавшие в 1765 г. с торговым караваном султана Уруса в Чугучаке, сообщали, что торговля там шла «яко под неволею»: казахи вынуждены были продавать пригнанный ими скот по самым дешевым ценам, если же начинали возмущаться, их прогоняли[55]. В обмен на скот представители администрации сбывали залежавшийся товар[56]. В казахско-китайской торговле принимали участие лишь те роды и племена Старшего и Среднего жузов, кочевья которых находились неподалеку от цинских владений. По масштабам, ассортименту, условиям и характеру эта торговля не шла ни в какое сравнение с русско-казахскими торговыми отношениями.

Поиск и возвращение Аблаем урянхайцев, выполнение требования о заложниках, частые приезды казахских посольств в столицу Цинский империи и установление торговых отношений, а главное, стремление маньчжурского правительства укрепить свое влияние в Среднем жузе побудили императора в 1763 г. прислать Аблаю грамоту с официальным признанием его казахским ханом. Служитель Аблая мулла Бабазян весной 1763 г. заявил Ф. Гордееву, что в присланном из Китая послании Цяньлуна написаны «весьма похвальные речи»[57]. Подробнее рассказал об этом султан Салтамамет: «Аблай-салтан в прошлом 762 году в Китайское государство посылал послов для прозбы от богдыхана себе в вечное уверение в награждение и утверждение лист, которой богдыхан ему, Аблай-салтану, и пожаловал, с тем объявлением, что-де по многим временам ты, Аблай-салтан, от меня того хотя и требовал, только я вам за сумнительством не отдавал, а ныне уже вам

[54] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1762. Д. 6. Л. 32.
[55] *Гуревич Б. П.* Международные отношения... С. 176.
[56] См. подробно: *Кузнецов В. С.* Казахско-китайские торговые отношения в конце XVIII века // Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. Алма-Ата, 1962.
[57] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1763. Д. 2. Л. 9 об.

отдаю с таким в том уверением, что вам и потомкам вашим жить со мною в вечном миру и дружбе»[58].

Таким образом, политика Аблая в отношениях с цинской династией Китая претерпевала определенные изменения. Вынужденный в 1757 г. начать мирные переговоры с Пекином, чтобы спасти казахские кочевья от массированного вторжения цинских армий, постепенно султан (а в письмах Цинам он называл себя ханом) сумел добиться установления торговых связей, жизненно необходимых для кочевников, и главное, достиг определенных успехов в деле возвращения казахских кочевий в Семиречье и Тарбагатае. Однако уже в начале 60-х гг. XVIII в. все большее значение в отношениях с цинским двором приобретает стремление к обогащению, за счет получаемых от императора даров, к укреплению своей личной власти в Среднем жузе и за его пределами.

Со своей стороны маньчжуры, несмотря на прилагаемые усилия добились лишь фиктивного признания от Аблая и ряда подчинявшихся ему феодалов сюзеренитета богдыхана да относительного спокойствия своих границ в Синьцзяне.

Близкий к Аблаю султан Юлбарс, неоднократно бывавший с дипломатическими поручениями в Пекине и Петербурге, сообщал представителям сибирской администрации, что «хотя Аблай-салтан посланцев к богдыхану и посылал, то не для чего инаго как толко, во-первых для получения подарков наиболее, во-вторых, опасаясь каких-либо от них нападений и чтоб посланцами более их, китайцов, ласкать, нежели в раздражение приводить. И китайцы тем склоннее к подаркам Аблаю, чтоб ево також спокойным содержать...»[59].

Таким образом, отношения Аблая с Цинским двором не выходили за рамки внешнеполитических связей двух государств[60].

[58] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/2. 1762—1775. Д. 14. Л. 105 об. Вероятно, именно об этой грамоте упоминает Ч. Валиханов в статье «Черновой набросок о древних грамотах» (Собр. соч. Т. 3. Алма-Ата, 1985. С. 303—304).

[59] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/2. 1762—1775. Д. 14. Л. 247 об.—248.

[60] *Гуревич Б. П.* Международные отношения... С. 169.

Взаимоотношения с Россией

Признав в 1740 г. подданство России и принеся клятву верности императрице Анне Иоанновне, Аблай, как впрочем и хан Абулмамбет, не считал себя связанным какими-либо обязательствами в отношении России, за исключением гарантий безопасности сибирских селений, торговых караванов, следующих из Средней Азии в Россию и обратно. Вместе с тем, добиваясь расширения пастбищных территорий, допуска на рынки Сибири, прекращения нападений на казахские земли волжских калмыков, башкир, сибирских и яицких казаков, а также помощи в случае войны с Джунгарским ханством, Аблай поддерживал с сибирскими и оренбургскими властями регулярные контакты, направлял своих представителей и в Петербург. Активная военно-дипломатическая деятельность правительства России и местной оренбургской администрации с целью предотвращения ойратских вторжений в Казахстан и содействия в освобождении Аблая из джунгарского плена привели к дальнейшему укреплению этих контактов, ставших более дружескими.

Оставаясь фактически независимым владельцем, Аблай информировал царскую администрацию главным образом лишь о своих внешнеполитических шагах, представляя события в выгодном для себя свете. Если просьбы и даже требования царских властей не соответствовали его целям, он, под различными благовидными предлогами, не выполнял их. Так, он не отправил Даваци и Амурсану в Оренбург, ничего не сделал, чтобы захватить Карасакала.

Межфеодальные усобицы в Джунгарии, возможность посадить на ойратский трон своего ставленника вновь сделали Аблая более осторожным и даже скрытным в отношениях с царскими чиновниками.

Разгром Джунгарского ханства Цинской империей и установление контактов Аблая с маньчжурским правительством вызвали серьезную тревогу в правительственных кругах России, побудили Петербург активизировать политику в Казахстане. Обосновывая необходимость укрепления русско-казахских связей, А. И. Тевкелев писал в Коллегию иностранных дел, что «ежели китайцы в здешних местах зделаются соседьми и будут над та-

мошними народами усиливатся, то и большая надобность в них будет, потому что в случае войны с китайцами к поискам над ними и над мунгалами, состоящими в их китайском подданстве, к воспрепятствованию им в тех местах утверждатся, они, киргизы, со здешней стороны с немалою ползою употреблены быть могут»[1]. В указе Коллегии иностранных дел от 6 мая 1758 г. оренбургской и сибирской администрации разъяснялось, в чем заключается опасность контактов Аблая и других казахских владельцев с Цинами. По мнению кабинета, это могло привести к разрыву отношений Младшего и Среднего жузов с Россией и переходу их в маньчжурское подданство, что лишило бы сибирские границы защитного заслона.

И хотя последующие события показали всю неосновательность подобных опасений, русское правительство и местная администрация приняли целый ряд мер с целью пресечения попыток маньчжурского двора укрепить свои позиции в Казахстане. Уже в 1756 г., когда в Петербурге стало известно о появлении в казахских степях цинских войск и сражениях казахских ополчений с неприятелем, Сенат предписал Коллегии иностранных дел, Военной коллегии и губернаторам Сибири и Оренбургского края «крайнее старание употребить и о подвижении против того мунгалского войска[2] в помощь Средней орде и Меньшей орде киргиз-кайсак... не допуская мунгал до здешних границ учинить к ним нарочную посылку с надлежащею протестациею, а когда и сие не поможет, то охранение тамошних мест и впускаемых в линию киргис-кайсак, оставлено на тамошнее их распоряжение»[3]. Одновременно царские власти распорядились срочно отправить в ставку Аблая опытного человека с заданием уговорить Амурсану приехать в Оренбург. Однако Аблай держал Амурсану фактически под стражей и не дал возможности посланному И. И. Неплюевым башкирскому старшине А. Каскинову даже встретиться с джунгарским князем.

Оренбургская администрация предпринимала усиленные попытки собрать владельцев Младшего и Среднего жузов в Оренбург и разъяснить им всю опасность

[1] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1759. Д. 4. Л. 34.
[2] В Цинскую армию, действовавшую в Центральной Азии, было мобилизовано около 70 тыс. монголов.
[3] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1757. Д. 3. Л. 184.

сближения с Цинской империей. Однако на свидание с оренбургским губернатором И. И. Неплюевым в сентябре 1757 г. приехал только хан Младшего жуза Нуралы со своими сыновьями в сопровождении группы старшин. Наставляя его в том, как следует вести себя с цинскими властями, помощник губернатора А. И. Тевкелев подчеркивал, что «им с китайцами ни в какие договоры вступать не надлежит, а ежели они, китайцы, будут какое в их Киргис-кайсацкой орде нападение чинить, то противу того и им, киргис-кайсакам, надлежит чинить так как неприятелю отпор», и Россия их в беде не оставит.

К этому времени уже довольно отчетливо определились основные направления политики России в Казахстане в связи с цинской агрессией. Позже в указе Оренбургской губернской канцелярии командующему на Уйской линии полковнику Родену от 8 июля 1759 г. предписывалось в своей деятельности исходить из следующих установок: «...Средней киргис-кайсацкой орды Аблай-салтана и всю ту Среднюю орду отвратить от наклонности и преданности к китайцам... удержать к здешней стороне в непоколебимой е. и. в. верности.

2. ...киргиз-кайсацких владельцев, старшину и народ привести до того, дабы они в потребном случае, а особливо ежели б китайские и мунгальские войска вознамеривались на сибирские крепости и на другие российские места учинить неприятельские нападения, подвигнуть их, киргисцов, ко учинению отпора и поисков над оными войсками.

3. Наблюдать, чтоб оные ж китайские и мунгалские войски не смогли утвердиться городами и селениями своими на оставших после зенгорцов местах... и завоеванием других мест, лежащих поблизости к киргис-кайсакам, следственно и к здешней стороне усилясь, власти своей и далеко в Великой Татарии не распространили»[4].

20 мая 1757 г. русское правительство направило Лифаньюаню послание с протестом против вторжений цинских войск в кочевья Среднего жуза. «Многие из киргиз-кайсак,— говорилось в послании,— находятся в подданстве е. и. в. нашей всемилостивейшей государыни и потому есть ли с вашей стороны на здешних ис того народа подданных производится война, то сие обстоя-

[4] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1759. Д. 1. Л. 307—307 об.

тельство с продолжающейся между обеими государствами доброю дружбою едва ль сходно, а надлежало было вам о всем том предварительно дать знать в здешнюю сторону и поступать с ними по соглашению отсюда»[5]. Одновременно были проведены военно-оборонительные мероприятия на сибирских линиях, в Оренбургском крае[6].

3 декабря 1757 г. в Оренбург было доставлено письмо от Аблая. В нем он уведомлял царские власти о заключении перемирия с командованием цинских армий, вторгшихся в приграничные казахские кочевья. Объясняя причины этого, Аблай писал, что он «такой с китайцами мир учинил в первых числах июня прошлаго (1757) года при урочище, называемом Айгус и Айтансак..., и чтоб при вышеозначенном местечке Ирене-Кабырга между собою и торг производить, на таком основании, какое в Оренбурге. С чем он, Аблай-салтан, к китайскому богдохану тринадцать человек из людей своих отправил. А между тем в декабре месяце и от китайского богдохана еще четыре человека к нему приехали со объявлением, что богдохан желает его, Аблая-солтана, иметь вместо сына, почему бы он, утвердя мир, пребывал в покое»[7].

Гонцы от Аблая рассказали, что маньчжуры предлагают ему перекочевать в Джунгарию, но «Аблай-солтан и другия старшины, по бывшему между ими совету, за полезное признавали при здешних границах кочевать и здешней стороны держатся»[8].

Сообщая в Коллегию иностранных дел о приезде в Оренбург представителей Аблая, Тевкелев и Неплюев указали, что «они» без изъяснения не оставили о происходящей им со здешней стороны пользе и чтоб они с китайцами осторожнее поступали, не слагаясь на употребляемые от них лести, приводя им в пример поступок с китайской стороны с зенгорским... народом учиненной, дабы и над ними, киргис-кайсаками, подобного тому последовать не могло»[9]. Через нарочных Неплюев и Тевкелев просили Аблая приехать в Оренбург на свидание с ними и согласовывать свои действия во внешнеполитической области с ханом Младшего жуза Нуралы[10].

Местные власти Оренбурга и Сибири постоянно направляли в ставки казахских владельцев своих представителей с целью выяснения обстановки в Степи. Необходимо, говорилось в указе Коллегии иностранных дел от 14 октября 1758 г., «сколько возможно киргис-кайсацкой народ ласкать... чтоб они в их требованиях скорое удоволствие получать могли»[11]. Царские власти начали выплачивать жалованье ряду крупных феодалов и старшин Младшего и Среднего казахских жузов, разрешили торговлю казахам в Ямышеве, Усть-Каменогорске, Омске, Звериноголовской, Железенской и Лебяжьей крепостях[12].

Надо сказать, что администрация в центре и на местах несколько преувеличивала степень сближения Аблая с цинским двором, отчасти это происходило под влиянием доносов недружелюбно настроенных к султану казахских феодалов. Находясь в августе-сентябре 1758 г. в Оренбурге, Нуралы, например, уверял А. И. Тевкелева и П. И. Рычкова, что будто бы Аблай «весма наклонен и едва не передается в китайскую сторону, лстясь на многие учиненные ему оттуда богатыи обещании...»[13].

Сообщая в Петербург о встрече с владельцами Младшего жуза, Тевкелев подчеркивал, что они «сами ж от себя вызывались, показуя точно желание свое и ревность. Ежели е. и. в. повелено будет противу их (цинских войск.— *Авт.*) киргис- кайсацкое оружие употребить, то они сие с радостию исполнять будут и готовыми себя к тому представляли»[14].

После того как опасность нападения цинских войск на пограничные укрепления России в Сибири миновала, Сенат 27 августа 1758 г. издает указ, обязывающий не ослаблять усилий по предотвращению сближения Аблая и некоторых других казахских владельцев с Цинами «Со здешней стороны старатца ныне же заблаговременно надобно оных и далее при здешней стороне удерживать...

---

[5] ЦГАДА. Ф. Сенат. Оп. 113. Д. 1223. Л. 20 об.
[6] *Гуревич Б. П.* Указ. соч. С. 148.
[7] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1758. Д. 3. Л. 8—8 об.
[8] Там же. Л. 7—7 об.
[9] Там же. Л. 9 об.
[10] Там же. Л. 10 об.
[11] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1758. Д. 2. Л. 44 об.
[12] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1758. Д. 4. Л. 113—113 об.
[13] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1758. Д. 4. Л. 162.
[14] Там же. Л. 175.

дабы и подлинно они (Цины.— *Авт.*) со многих сторон к здешним границам приближится не могли»[15].

19 мая 1758 г. А. И. Тевкелев и П. И. Рычков предста вили в Коллегию иностранных дел записку о положении дел в Казахстане и свои соображения относительно укрепления позиций России в Среднем и Младшем казахских жузах. Если цинский император захочет закрепить-ся на завоеванных территориях Джунгарии, подчеркивали они, «то будучи в Азии великим и самовластным государем, а притом уведав, что безопасность и прочность сего нового его владения толь много зависит от привлечения на ево сторону киргисцов, то по известной его политике не будет ли и болшее старание прилагать и на то никаких иждивений не жалеть, чтоб киргиских владелцев старшин и народ от времяни до времяни на свою сторону преклонять»[16]. С этой целью они предлагали заставить казахских правителей Нуралы, Аблая препятствовать маньчжурам закрепиться на бывших джунгарских землях. В данном документе обосновывается нецелесообразность лично А. И. Тевкелеву или П. И. Рычкову, при получении известия о нападении цинских войск на сибирские крепости, ехать в казахские кочевья. Все это приведет к значительным потерям времени. Авторы предлагали пригласить казахских владельцев в Оренбург и заранее обо всем договориться, а в случае опасности ограничиться посылкой в жузы офицеров с небольшими командами[17].

Коллегия иностранных дел 31 июля 1758 г. одобрила это и другие предложения А. И. Тевкелева и П. И. Рычкова, но рекомендовала во время встречи с Аблаем «в разговорах с ним в рассуждении китайцев... вящую предосторожность употреблять»[18] и во что бы то ни стало склонить владельцев Среднего жуза препятствовать Цинам укрепиться в Джунгарии. Если Аблай не приедет в Оренбург, А. И. Тевкелев должен был ехать в Троицкую крепость или в ставку султана и искать возможность встретиться с ними для переговоров[19].

[15] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1758. Д. 2. Л. 11 об.
[16] Там же. Д. 3. Л. 36.
[17] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1758. Д. 3. Л. 36 об.—38.
[18] Там же. Л. 28 об.
[19] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1758. Д. 3. Л. 36 об.

Получив указ Коллегии иностранных дел от 6 мая и императорское повеление от 31 июля 1758 г. об «отвращении» султана Аблая от Цинов, оренбургская администрация направила в его кочевья переводчика Матвея Арапова. Восьмого сентября он возвратился вместе с отправленным Аблаем в Петербург султаном Юлбарсом. Сведения, доставленные им, подтвердили полученные ранее известия. Так, он показал, что Аблай «в прошлом годе китайскому хану подлинно себя подданным объявил и обязался писменно, написав с собою реэстр самых лутчих людей человек до шестидесят, в которой реэетр якобы и Нурали-хана сам собою внес, однако ж присяги в том не дал»[20]. В своем рапорте командованию М. Арапов отмечал, что многие казахские владельцы крайне неодобрительно смотрят на заигрывания Аблая с цинским двором. Объясняя представителю Оренбурга свое поведение в отношениях с маньчжуро-китайскими властями и, в частности причины заключения мира, Аблай подчеркивал, что не корыстные мотивы, а объективные обстоятельства вынудили его к этому шагу. По его словам, «он все то делал поневоле, будучи в малолюдстве окружен со всех сторон от китайского войска, без чего-де из рук их избавиться ему было никак невозможно, а от России же он никогда не отстанет»[21]. В доказательство дружественного отношения тем же летом от него ко всем старшинам Среднего жуза посланы строгие указы «чтоб кайсаки с Россиею находились мирно и никаких ссор не имели и не воровали»[22].

Тем не менее Аблай категорически отказался приехать на свидание с А. И. Тевкелевым в Оренбург. «Мне самому,— писал он,— ныне для того ехать к вам невозможно, ибо, с одной стороны, брат мой Абулмамбет-хан к себе зовет, а, с другой, как известие имею, Батыр-салтана сына Бюрю-салтана аральцы убили, то и в том надобно попечение учинить. Сверх того и от китайского богдыхана, как слышу, послы ко мне едут»[23]. В этом же письме Аблай обратился с просьбой платить ему, так же как главным владельцам Младшего жуза, жалованье, разрешить покупать его подвластным хлеб в сибирских

[20] Там же. Л. 200.
[21] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1758. Д. 4. Л. 200 об.—201.
[22] Там же. Д. 6. Л. 35 об.
[23] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 567—568.

крепостях, удовлетворять его жалобы относительно угнанного башкирами у казахов скота и т. д.

В июле 1758 г. он информировал Тевкелева о возвращении своего первого посольства из Пекина. В этом же послании просил оренбургскую администрацию возвратить содержащихся в российских крепостях его людей и отдать угнанных из казахских табунов лошадей[24]. Вскоре Аблай обратился с новой просьбой — разрешить его брату Юлбарсу поездку в Петербург к императрице. Разрешение такое было получено и летом 1758 г. посольство Аблая выехало в столицу Российской империи. Прибыв в Петербург, послы заявили, что «от российской стороны чинятца им многия обиды, утверждая при том себя быть во всероссийском подданстве как и прежде были непоколебимо»[25]. Тем самым Аблай пытался рассеять в правящих кругах империи подозрительность и показать, что установление им связей с цинским двором никак не влияет на его отношения с Россией, он был и остается подданным российской короны.

Говоря о действительных целях отправления посольства в Петербург, А. И. Тевкелев в донесении в Коллегию иностранных дел подчеркивал, что его «существо и намерение в том состоит, чтобы засвидетельствовать е. и. в. подданническую свою верность и спросить е. и. в. высочайшее милосердие, так как оное Абулхаирханская фамилия получает, доволно видно, что все то он, Аблай, учинил желая себя очистить от того порока, в которой он себя подвергнул наклонностию своею имевшуюся к китайской стороне»[26].

Тевкелев предлагал активизировать политику России именно в отношении Среднего казахского ханства. «Ныне,— писал он,— как об оном Аблае-салтане, так и о всей Средней орде, чтоб они в китайскую сторону откочевали и отдались в тамошнее подданство сумнения нет, також и опасностей от нападения на сибирския крепости войск... не настоит»[27]. В донесении подчеркивается необходимость упрочения связей России со Средним ханством.

К мнению А. И. Тевкелева и советника оренбургского

[24] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1758. Д. 3. Л. 99.
[25] Там же. Д. 6. Л. 38.
[26] Там же. Д. 4. Л. 201 об.
[27] Там же. Д. 3. Л. 51—51 об.

губернатора П. И. Рычкова в Петербурге прислушивались. В ответ на это и другие донесения из Сибири и Оренбурга 31 декабря 1758 г. Коллегия иностранных дел предписала: «1-е. ... поколебавшуюся и к китайскому подданству в наклонности уже бывшую Среднюю киргискайсацкую орду на всегдашнее время в верности ея и. в. утвердить... 2-е... На тех местах, где сильной зенгорский народ располагался и которые ныне уже впусте остались, не допустить к пребыванию таких народов, которые со временем опасными для Сибири соседями быть могли бы»[28].

Что касается содержания 2-го пункта, то в этом вопросе политика правительства и администрации и в отношении казахов была весьма противоречивой и непоследовательной. Опасаясь сближения с Цинской империей, царские власти препятствовали перекочевкам казахов в Джунгарию.

Предлагая правительству уделять бóльшее внимание укреплению связей с казахскими ханствами, А. И. Тевкелев и П. И. Рычков исходили прежде всего из того обстоятельства, что после уничтожения Цинской империей Джунгарского ханства казахские ханства усилились, владения их вплотную прилегают к Сибири и Уралу. «По всей оной, толь обширной степи,— писали они в докладе Коллегии иностранных дел от 22 января 1759 г.,— никакого другаго народа кроме их нет... позади ж их находятся в смежности к ним разные народы... трухменцы, хивинцы, нижние каракалпаки, киргизцы называемой Большой орды, Туркестанское, Ташкентское и Зюнгорское владения, из которых смежных к ним народов ныне ни одного такого нет, которой бы людством своим с помянутыми двумя ордами, состоящими в российском подданстве, сравниться мог»[29].

В это время Аблай, продолжая укреплять политические и торговые связи с Цинской империей, одновременно направлял своих представителей в Оренбург с заверениями в верноподданности и вынужденном характере своих отношений с маньчжурами. Так, его представитель Мамук Дабазар 8 марта 1759 г., прибыв в Оренбург, заявил, что султан в 1757 г. «во время приближения китайского войска, например, тысячах в тритцтаци к

[28] Там же. Д. 3. Л. 51—51 об.
[29] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 572.

границе их Киргис-Кайсацкой земли... китайскому богдыхану и представил себя, чтоб быть с ним в миру, токмо-де и то учинил он от страха в разсуждении того, дабы толь немалочисленным войском он киргисцам, яко не возымевшый осторожности, гибели подвержен не был и чтоб чрез то орду свою спокое безмятежно содержать..., а чтоб в подданстве у него быть, о том-де не толко делом, но и в помышлении того не имел и иметь не будет и от подданства высокославной державы ея и. в. отложится не отважится, но во оном вечно и непоколебимо пребывать желает»[30]. Разъясняя причины отправки казахских посольств в Пекин, приема цинских посольств, Аблай заявлял, что он вынужден принимать представителей богдыхана. Так, присланного из Оренбурга переводчика М. Арапова Аблай, Куляка-батыр, Байжигит-Мурза уверяли, что «до присылаемых к ним китайских посланцев принадлежит, то-де они... и сами им не рады, а ласку-де принуждены оказывать они им под видом, чтоб их не озлобить»[30].

Несмотря на все эти заверения Аблая, русское правительство сочло необходимым сделать представление цинскому двору о незаконности его сношений с одним из подданных российской короны, нарушении тем самым русско-китайского Кяхтинского договора 1728 г.

В ответ на лист Сената сановники Лафаньюаня, от имени императора Цяньлуна, писали следующее: «Что же касается до киргис-хасака Абулая-солтана, в листе их упоминается, что их российской подданной нам принимать не надлежит. Сие наипаче же несходно к правде быть... понеже в третьем годе оной Абулай с товарыщи, опасаяся от жестокого состояния нашего великого войска и люблят высочайшую милость его величества великого государя с ыстиннодушным желанием и всепокорнейшим прошением в подданство здешнего государства быть хотят, затем они Абулай, с товарыщи, приняты, а при том случае вы никакого войска отправя за вашим подданцом Абулаем спасение не чинили». Однако, указывали в заключение Цины, мы «не запрещаем им впредь в российском подданстве быть»[31].

Правительство России не согласилось с подобными

[30] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. ОП. 122/1. 1759. Д. 4. Л. 117.

[31] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1759. Д. 4. Л. 123 об.

доводами и настаивало на отказе цинского двора от посягательств на Средний жуз, на прекращении всяких сношений с Абулмамбетом и Аблаем. «Если бы мы,— говорилось далее,— могли без заданной от вас причины поступить на принятие в здешние подданство котораголибо из давних вашего государства подданных народов, всемерно вам сей поступок показался бы с настоящею между обоими государствами соседственною дружбою да и самою справедливостью не сходным, но в таких обстоятельствах вы теперь находитесь в разсуждении Аблай-салтана и Средней киргис-кайсацкой орды, яко давно и действително уже подданной ея и. в. Всероссийской естли и вашим действителным подданным его почитает»[32]. Обвинение в оставлении без помощи своего подданного при вторжении цинских войск в Казахстан правительство Елизаветы Петровны пыталось парировать тем, что «в том самом наиболее наша умеренность и тщание к содержанию соседственной дружбы и оказывается»[33]. Обменявшись несколькими такого рода посланиями, каждая из сторон осталась на своих прежних позициях. Таким образом, дипломатический демарш российского правительства оказался безрезультатным.

Более действенными оказались акции правительства и местной администрации в Казахстане. Летом 1759 г. оренбургская губернская канцелярия констатировала, что «имевшаяся у Аблай-салтана с китайцами и мунгалцами дружественная и обязателная комуникация... пресечена и до того приведено, что киргисцы Средней орды вместо имевшей на китайцов надежды сами имеют от них опасности... и киргисцы китайцам не доверяют и одни на других огорченными уже находятся. Сверх всего того оной Средней орды главнейший ныне Аблай-салтан в засвидетелствование своей подданнической должности, отправил ко двору ея и. в. брата своего двоюродного Елбарис-салтана с некоторыми тоя орды старшинами»[34]. И все же утверждения И. И. Неплюева и А. И. Тевкелева относительно пресечения «коммуникации» Аблая с цинским двором были весьма далеки от реальности.

Стремясь заставить Аблая порвать связи с импера-

[32] АВПР. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1759. Д. 1. Л. 28 об.—30 об.

[33] Там же. Л. 31—31 об.

[34] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1759. Д. 1. Л. 307 об.—308.

торским Китаем, оренбургская администрация вынашивает план возвести его в ханы Среднего жуза. Царские чиновники полагали, что получив из их рук ханское достоинство, султан, обязанный этим исключительно России, будет ориентироваться только на ее поддержку. Обязательным условием осуществления данного плана явилось соблюдение требования о посылке аманатов в знак подданства. Посланный в кочевья Среднего жуза поручик Пензенского полка князь И. Ураков лично уведомил об этом Аблая. Инструкция предписывала ему действовать осторожно, вести переговоры только как частное лицо, якобы от себя лично, чтобы не ухудшить отношений с ханом Абулмамбетом[35].

Аблай, однако, категорически отказался от этого предложения оренбургской администрации. Не желая связывать себе руки институтом аманатства и множить число своих противников принятием подобного предложения, он заявил русским эмиссарам следующее: «...Сие дело не малое, то-де и зделать ево скоро не можно, ибо де хотя Нурали-хан аманатов и дает, но тою же дорогу проложил ему еще отец ево Нуралиев Абулхаир-хан... и тако-де и он, Аблай-салтан, без согласия дяди своего Абулмамет-хана, коего-де он себе вместо отца почитает, поступить на то собою и им на то никакого ответа учинить не может»[36]. Возвратившись в апреле 1760 г. в Оренбург, И. Ураков и переводчик его Я. Гуляев подробно донесли губернатору А. Р. Давыдову о своих переговорах, сделав вывод, что Аблай к возведению его в ханское достоинство царскими властями «склонности не имеет»[37].

Коллегия иностранных дел не одобрила этот шаг. Оренбургской администрации приказано делать все возможное чтобы «удерживать тамошней народ при здешней стороне». Указом предписывалось поддерживать с Аблаем нормальные отношения, выплачивать положенное ему жалованье в размере 300 руб. и 212 пудов хлеба в год, до тех пор «пока он какой-нибудь явной и такой противности к здешней стороне не учинит, чтобы оная напротив того касалась к явной услуге к китайской

[35] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1759. Д. 4. Л. 450—450 об.

[36] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1760. Д. 4. Л. 68 об.

[37] Там же. Л. 69.

стороне и которая больше стерпима быть не могла...»[38].

По нашему мнению, Аблай проявил политическую дальновидность, решив не форсировать события, не связывать себе руки и не противопоставлять себя другим султанам Среднего жуза. К этому времени отношения его с царской администрацией серьезно ухудшились. В 1758—1759 гг. казахские дружины, как уже говорилось выше, совершили несколько вторжений в Урянхай, разграбили кочевья урянхайцев и алтайцев, подданных России.

В мае 1759 г. в ставку Аблая был направлен переводчик М. Арапов, уполномоченный требовать от Аблая и других султанов и старшин Среднего жуза «дабы они ис тех урянхайцов, кои объявлять о себе будут, что они российские подданные, не раззоряли и не грабили, но еще б и защищали б их как подданных российских, а кои по незнанию попались к ним в плен, тех бы всех освободили»[39].

Прибыв в июне месяце в кочевья Аблая и передав ему письмо губернатора с предложением приехать в Оренбург и присланную из Петербурга золотую саблю, М. Арапов потребовал именем губернатора возвратить захваченных алтайцев и урянхайцев, что вызвало сильное раздражение у Аблая и привело к стычке. «Аблай,— доносил после возвращения русский эмиссар,— ему, Арапову, с великим азартом и криком говорил: известно-де ему, Арапову, что у них киргис-кайсак калмыками Шеаренова кошу[40] отогнано лощадей многое число» и когда казахи хотели догнать конокрадов, Арапов «в тогдашнюю ево у него, Аблая, бытность от того их уговорил, обнадежа, что те их лощади и без драки им, когда они от российских командиров требовать будут, возвращены быть имеют, коих-де они, хотя неоднократно и требовали, толко-де и поныне не получили», потому и он урянхайцев возвратить не может. Не отказываясь в принципе от встречи с А. И. Тевкелевым, он просил устроить ее не в Оренбурге, а в Троицкой крепости[41].

[38] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 609.

[39] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1760. Д. 4. Л. 68 об.

[40] Речь идет о джунгарском нойоне Шерене, бежавшем со своими подвластными через Казахстан и Сибирь к волжским калмыкам в 1757 г.

[41] АВПР. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1759. Д. 3. Л. 40—40 об.; Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1759. Д. 4. Л. 123 об.

В более резком тоне проходили переговоры с другим посланцем Оренбурга, Ф. Гордеевым, отправленным по указанию оренбургского губернатора А. Р. Давыдова комендантом Троицкой крепости полковником П. А. Роденом в октябре 1759 г. с заданием вручить Аблаю грамоту императрицы и письма от губернатора и самого П. А. Родена, а также потребовать от Аблая возвращения угнанных казахами Среднего жуза лошадей из-под сибирских крепостей и селений. 20 октября Ф. Гордеев вручил Аблаю императорскую грамоту. Султан, доносил после возвращения Ф. Гордеев, «при собрании лутших Средней орды владения ево человеках при тритцети киргисцах чрез меня слушал и оказал себя довольным. Которую по прочете взяв, оборотя гербом к киргисцам, говорил, что он чрез оную грамоту себя уверяет и подлинно всемилостивейшая государыня ево, Аблая, жалует и он несумненно верит, что от самой всемилостивейшей государыни пожалована и весма был весел»[42]. Однако, когда Ф. Гордеев подал Аблаю письмо от полковника П. А. Родена, в котором говорилось о возвращении угнанных из-под сибирских селений лошадей, Аблай вновь пришел в состояние сильного гнева, поносил пограничное начальство и заявил: «егда-де такие наглости — отъем и неотдача наших лошадей еще продолжаться будет, то он возьмет уже по нестерпеливости другие меры, степь-де у нас весьма широка, а ныне и еще более прибыла, есть где пребывать и покой себе иметь». Однако скоро успокоившись, доверительно сказал Ф. Гордееву, что он говорил это «не для того, чтоб от всемилостивейшей государыни отпадшим себя учинить, толко-де понужден будет от российских жительств далее кочевать и тем от воров отбывать»[43]. Ф. Гордеев возвратившись, жаловался, что Аблай не допустил его в свою ставку[44].

Возможно, что столь холодный прием Аблаем представителя оренбургского губернатора был вызван распространившимися в степи слухами об оставлении султана Юлбарса в качестве заложника в Петербурге.

Через несколько месяцев Ф. Гордеев был вновь направлен А. Р. Давыдовым, П. А. Роденом к Аблаю с повторным предложением приехать на личную встречу.

[42] Там же. Л. 234.
[43] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1759. Д. 4. Л. 234 об.
[44] Там же. Л. 235.

Ф. Гордеев прибыл в кочевья Аблая, располагавшиеся тогда на р. Кылчакле (неподалеку от р. Ишима) 20 июня 1760 г. Прием представителя Оренбурга происходил вечером при довольно многолюдном собрании батыров, старшин. Согласившись искать в улусах российских урянхайцев, Аблай вновь не дал твердого обещания приехать для встречи в Оренбург[45].

Несмотря на возникающие во взаимоотношениях Аблая с оренбургской и сибирской администрацией трения, он постоянно подчеркивал свою верность присяге на подданство Российской империи, пресекал попытки казахских феодалов нападать на сибирские селения. Тот же Ф. Гордеев, возвратившись в Оренбург, сообщил, что когда султан Младшего жуза Ералы намеревался организовать вторжения и силой возвратить угнанных русскими у казахского населения лощадей, Аблай «весьма ему оное чинить возбранил и ко удержанию от такой глупости сам ехать к нему был намерен, толко-де время не допустило, и сказал: «Разве-де тогда ему он, Аблай, помощь даст, когда русские оружием ево прогонят и он, Аблай, ево тогда оружием же встретит»[46].

Выражая мнение значительной части старшин Среднего жуза, старшина Байжигит-Мурза 1 января 1761 г., приехав в Омск, заявил, что они «той своей присяги ни для чего нарушить и от российского подданства отстать не хотят... А хотя китайской богдыхан к ним в писмах своих чрез присылаемых послов Аблай-салтана с Киргисскою ордою и почитает за настоящих своих подданных и того Аблай-салтана называет меншим братом, оное у них за верность не почитаетца, да и намерения такова, чтоб быть в китайском подданстве никогда не было и не будет. А что же Аблай-салтан послал брата Юлбарис-салтана с несколькими человеки ко оному китайскому богдыхану и то (по) причине той, что оной Средней орды Барык-батыр с киргисцами нечаянно захватили вместо зенгорских калмыков их китайского владения, подклонившихся в подданство Садацкой волости урянхайцов, коих сколко могли для отдачи их и помянутой Юлбарис-салтан и повел»[47].

[45] ГАОО. Ф. Военно-походная канцелярия... Оп. 1. Д. 121. Св. 88. Л. 245 об.
[46] Там же. Л. 248 об.
[47] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1762. Д. 1. Л. 22 об.

30 декабря 1761 г. Коллегия иностранных дел предписала Оренбургской администрации, в связи с кончиной императрицы Елизаветы Петровны и восшествием на престол нового самодержца Петра II, побудить ханов и султанов Младшего и Среднего казахских жузов направить в Петербург своих представителей и привести к присяге население. В составе казахской делегации на торжественную коронацию в Петербург Аблай отправил своего родственника султана Батыра. 4 марта 1762 г. Аблай и его старшины принесли присягу на верность новому императору Петру II[48]. В то же время Аблай готовил очередное посольство в Китай.

Вопрос о пастбищах занимал важное место не только в сношениях Аблая с цинскими властями, но и с Российской пограничной администрацией. Причем именно в этом вопросе наиболее отчетливо проявилась тактика Аблая: он запугивал партнеров по переговорам сближением с противной стороной. В этом плане весьма показательно письмо, отправленное им осенью 1763 г. сибирским властям. В нем он обратился к пограничному сибирскому начальству с просьбой разрешить перегонять скот на внутреннюю сторону сибирских военных линий, так как в его кочевьях степь выгорела. При этом он подчеркивал, что «киргис-кайсаки просят о том, не желая от границ здешних отлучаться, хотя в китайской стороне непогорелых степей еще довольно есть. Но ежели, однако, пропуск табунов их внутрь линий не дозволится, принуждены уже будут отогнать оныя и к китайской стороне, да и сами вдаль откочевать». Царские власти под неуклюжим предлогом, будто бы в Сибири травы тоже выгорели, отказали Аблаю в пропуске скота, но однако разрешили это сделать его подвластному старшине Кулсары[49]. Последний не одобрял связи Аблая с цинским двором и, пользуясь тем, что в Атагайском роде «все его, Кулсары, родственники» нередко выступал против Аблая и добивался отмены его решений, так как родственники «без его, Кулсарина, совета и делать ничего не могут»[50].

В середине 60-х гг. отношения между ними еще более обострились. В основе конфликта по всей вероятности

[48] Там же. Д. 6. Л. 82.
[49] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 659.
[50] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1762—1775 г., Д. 14.

лежали различные подходы сторон к взаимоотношениям с Россией и Китаем, другими соседними народами и государствами, а также недовольство старшин внутренней политикой Аблая, все меньше считавшегося с мнением родовой знати. Так, в июне 1765 г., приехав в крепость Кабанью, батыр Кулсары заявил командующему на сибирских линиях генерал-поручику И. И. Шпрингеру, совершавшему тогда инспекционный объезд вверенных ему крепостей, что он «на владельца своего Аблай-салтана немалое сумнение (имеет.— *Авт.*), да и подлинно знает, что он, Аблай, российской стороне гораздо неверен, и назат уже лет с шесть чрез разные увещания склонился к подданству китайского хана и с собой обещал весть в таковое ж из лутчих своей орды знатных восемьдесят старшин, и притом обнадеживал того хана... все от сего противного намерения отказались и общества с ним держать не хотели». Далее Кулсары сообщил, что Аблай отправил в подарок богдыхану Цяньлуну шестьдесят белых лощадей в сопровождении «своих подлых киргизцов, а больше числом при пленниках, в их улусах живших зенгорских калмыках». Однако местные цинские власти Синьцзяна, узнав об этом, подарок не приняли и все были «со гневом ханским назад отосланы, и так-де остался он, Аблай, от той стороны под немалым сумнением и видя свое неблагополучие, принужден доказывать свою доверенность ныне больше к российской стороне...»[51].

Одним из самых влиятельных феодалов Среднего жуза был Казбек-бий, которому в 1762 г. исполнилось уже 96 лет. Он принимал участие в составлении «Законов Тауке», решал многие сложные тяжбы между племенами и родами, прославился как блестящий оратор, знаток обычного права казахов. Аблай, не выступая открыто против него, тем не менее старался всеми способами ограничить его влияние на положение дел в ханстве. С этой целью он всячески мешал установлению контактов Казбек-бия с царской администрацией, в годы войны с джунгарами оставлял его один на один с неприятелем и т. д. В 1762 г., объясняя представителям сибирских властей, почему Казбек-бий не принял российское поданство и не ездил вместе с Аблаем в Оренбург в 1740 г., старшины его говорили, что он не приехал

[51] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1762—1775. Д. 14.

из-за нападения джунгарских войск. Однако, как выяснилось позже, он отправлял с Аблаем и Абулмамбетом своих старшин с письмом, которые «ни от Абулмамет-хана, ни же от Аблай-салтана по их завистному обхождению к... Неплюеву недопущены, да и ево письма совсем утаены были, дабы... он, Казбек-бий, с Каракисецким улусом в российской стороне в знании не был»[52]. Ни о каких своих контактах с царскими властями Аблай и Абулмамбет не сообщали Казбек-бию и впоследствии. Со своей стороны Казбек-бий препятствовал контактам Аблая с Цинами[53].

Хорошо знающий внутриполитическую обстановку в Среднем жузе Уразмамет-тархан, старшина ведомства султана Салтымамета (Султанмухаммеда) рассказывал командующему на сибирских линиях генерал-майору К. Л. Фрауендорфу, что Аблай «пред протчими преимущества в их орде, кроме в своем Атагайском роде, совершенно не имеет и никакой власти в других родах распространить не может...»[54].

Стремившиеся изолировать Казбек-бия от участия во внешнеполитических делах Аблай, Абулмамбет и другие султаны все же постоянно обращались к нему за советами по внутренним делам. В 1761 г. в результате конфликта с сыном хана Самеке Ишимом из-за господства над Туркестаном и округой Абулмамбет был вынужден уехать в кочевья сына Абулфеиза. Весной 1762 г. в Каракисецком роду в ставке Казбек-бия и при его содействии состоялось примирение Ишима и Абулмамбета, «на таком основании, чтоб в городе Туркестане и с уездными ведомства оного городками быть им обоим... ханами»[55].

Царское правительство и местная администрация стремились в своих взаимоотношениях с Аблаем и другими владельцами учитывать эти обстоятельства. В целом отношения Аблая с местными властями Оренбурга и Сибири были вполне лояльными, они ухудшались порой из-за пастбищного вопроса, бегства пленных, торговых ограничений.

[52] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 648.

[53] *Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии... С. 172.

[54] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 646.

[55] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1766—1769. Д. 18. Л. 381—381 об.

Нежелание администрации удовлетворять просьбы Аблая о возвращении казахам угнанных башкирами или русскими казаками и крестьянами лошадей, притеснения в торговле усугубляли конфликты. В 1769 г. Аблай жаловался приехавшему к нему от оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа К. Казанбаеву на командующего сибирскими линиями генерал-майора Девица, не принимающего никаких мер по жалобам казахов, на самоуправство царских чиновников. «Нынешним годом,— говорил он,— сорок человек киргисцов плетьми пересечено ис коих один до смерти прибит, а другой по приезде в кош от тех побоев помер». Видя, что все его жалобы остаются втуне, Аблай «послал четырнадцать человек киргисцов, коим велел со стороны российской захватить людей, ис коих бы некоторых, не чиня убивства, высечь плетьми и отпустить по-прежнему, а дву к нему привести, почему теми посланными то и исполнено»[56].

Царские власти начали настойчиво требовать от Аблая присылки в Троицкую крепость в качестве заложника одного из его сыновей. В ответ на это требование Аблай заявил, что он согласен прислать своего сына в аманаты, но при следующих условиях: 1. Находиться в заложниках его сын будет не в Троицкой, а в Петропавловской крепости; 2. Срок пребывания в заложниках не должен превышать трех лет; 3. Царские власти за это должны будут прислать в его ставку войска[57]. Сибирский губернатор и Коллегия иностранных дел не приняли этих условий.

В конце 60-х гг., несмотря на возникавшие трения и разногласия, царская администрация пришла к выводу, что Аблай, хотя и поддерживает с цинским двором отношения, остается верен присяге о подданстве Российской империи.

Хорошо знавший истинные мотивы поведения Аблая в сношениях с цинским двором его писарь мещеряк Мунасип Маметев в июне 1768 г. в Оренбургской канцелярии по заграничным делам говорил, что он не видел, чтобы Аблай «с ево ордою, конечно отстав от здешнего подданства, предался в китайскую сторону, кроме того толко, что по разновидным с той стороны ласкателствам как степной и к получению корысти склонной оказывает

[56] Там же. Л. 290.

[57] *Аполлова Н. Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII— начале XIX в. М., 1960. С. 420—421.

себя всегда лицемерно усердным, а в разсуждении существительной своей ползы непоколебимо здешней стороны пребывает»[58].

В антицинском союзе мусульманских правителей Азии

Намерения цинского правительства организовать военное вторжение в Среднюю Азию побудили правителей казахских ханств и среднеазиатских владений, позабыв свои распри, попытаться создать нечто подобное мусульманской коалиции для отражения нового наступления Цинской империи. Уже в начале 60-х гг. XVIII в. Аблай разослал ряду среднеазиатских правителей послания с предложением заключить антицинский союз[1]. Он был одним из инициаторов обращения к афганскому шаху Ахмаду. Этот шаг был вызван стремлением укрепить коалицию, неуверенностью в возможности отразить неприятеля собственнами силами[2].

Основатель Дурранийской державы[3] Ахмад-шах, получив послания казахских, среднеазиатских и уйгурских феодалов, решил направить посольство в Пекин и одновременно приступить к подготовке похода в Китай. С этой целью ко всем правителям Средней Азии и Казахстана он разослал письма с призывом готовиться к борьбе с «неверными», отправил под Ташкент часть своих войск.

Писарь хана Абулмамбета Бабазян доставил письмо Ахмад-шаха Аблаю. Содержание его стало известно Ф. Гордееву. Он сообщал следующее: «...по жалобе ево (Аблая.— *Авт.*) и всех мусульман от себя он, Ахмет-шах, к непокорному и бога не знающему китайскому владельцу знатного своего везира в сороки человеках послал с объявлением, чтоб он, богдоскон, яко не их мусульманской веры владелец, во владении своем кашкарских и аркентских мусульман отнюдь не имел и других бы

[58] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1766—1769. Д. 18. Л. 290.

[1] *Гуревич Б. П.* Международные отношения... С. 183.

[2] Там же. С. 184.

[3] См.: *Ганковский Ю. В.* Империя Дуррани. М., 1958.

мусульман не привлекал», угрожая в противном случае войной[4]. Ахмад-шах извещал Аблая о том, что намерен отправить свои войска к границам Цинской империи.

В начале 1763 г. посольство Ахмад-шаха прибыло в Пекин. Оно было встречено очень торжественно. Послов принял император Цяньлун. Глава посольства Худшемир и члены посольства щедро награждены. Подарки же, доставленные от Ахмад-шаха Цяньлуну — четыре коня и меч — были квалифицированы как «подношение дани» от нового вассала императора[5]. Выслушав объяснения цинских министров о причинах военных походов цинских войск в Джунгарию и Восточный Туркестан и о политике в отношении соседних с империей мусульманских народов, посольство выехало в обратный путь. Несмотря на то, что дипломатическая миссия носила ознакомительный характер, сам факт ее направления в Пекин с протестом против завоевательной политики Цинской империи в северо-западной части Центральной Азии стал широко известен в Казахстане и Средней Азии и получил широкое одобрение[6].

После возвращения афганского посольства из Китая весной 1763 г. Ахмад-шах вновь отправил послания к Аблаю и другим владельцам, призывающие «к защищению своих единоверных» и помощи ему Ахмад-шаху. Повелитель Дурранийской державы просил Аблая и других казахских феодалов, чтобы они «в китайскую сторону склонности и никакого ни под каким видом снабдения не делали»[7]. Эти сведения подтвердил казахский старшина Уразмамет, показавший 13 февраля 1764 г. в Ямышевской комендантской канцелярии, что «от оных авганцов тем киргисцам запрещаетца, чтоб они с китайцами никакого соединения и мены на товары не имели, а только б оную производили с российскими людми, да с ними, авганцами, а при том-де уже несколько ис тех авганцов в разные киргиские улусы послали людей, чтоб оные киргисцы вели в их афганское войско для промену лошадей»[8].

[4] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1763. Д. 2. Л. 8 об.—9.

[5] *Кузнецов В. С.* Цинская империя на рубежах Центральной Азии. С. 69.

[6] *Гуревич Б. П.* Указ. соч. С. 185.

[7] АВПР. Ф. Афганские дела. Оп. 27/1. 1763—1766. Д. 1. Л. 27.

[8] ГАОО. Ф. Военно-походная канцелярия... Оп. 1. Д. 121. Св. 88. Л. 137.

Начали проявлять активность и среднеазиатские феодалы и прежде всего кокандский владетель Ирдана-бий. Между ним и Аблаем завязалась переписка, касающаяся их взаимоотношений, а также отношений к Цинской империи и афганскому шаху Ахмаду. Приведем фрагмент текста одного из посланий Ирданы-бия к Аблаю:

«Почтеннейшему, властительному, храброму Аблай-хану поздравление... Из писанного ныне письма Вашего содержание нам разумно учинилось, а именно: изволите объявлять о чинимых чурчутцами калмыкам благостях, то изрядно учинить изволили, причем и нам собственно предлагают, буде и мы таковым их, китайцов, благостям приобщится пожелаем, с тем бы людей наших послали.

А понеже Вы уповательно слышали, что в здешней стороне православной государь Ахмед-шах афганской подымается, которой и нарочных к нам своих послов присылал. По каковой присылке и по оказанной нам от него благости, мы и присягу учинили в том: ежели неприятель на нас наступит, то оной нам помогать будет, а буде неприятель над ним усилится, то б мы ему помочь подали. И тако по учинении сего ежели инаково поступить, то надобно быть богу лжецом...

Я Вас властительного братски прилежно прошу: какое бы у Вас известие ни было, о том к нам сообщать. О протчем же о всем Вам словесно донесет человек Ваш»[9].

О росте антицинских настроений в Средней Азии и стремлении не допустить маньчжуро-китайские войска в свои города свидетельствуют и показания купцов г. Ходжента властям Оренбурга. «Народ их,— говорили они,— с крайним того чаянием находится и к тому войску (Ахмад-шаха.— *Авт.*), ежели б оно действительно поход возымело, приобщится готовы»[10].

В связи с приготовлениями Ахмад-шаха к войне с Цинской империей перед казахскими владельцами встал вопрос — какую занять позицию в надвигающихся событиях. В этой связи хан Среднего жуза Абулмамбет, Аблай и другие владетели решили созвать собрание представителей всех трех жузов. Батыр Кулсара в сентябре 1763 г. заявил, что вскоре он «обще с их владельцом Аблай-салтаном и призываетца в Туркестант к Абулмамет-хану на совет: что будут ли они, Аблай-салтан и Кулсара, согласны объявленному хану Агаметцу (Ахмад-шаху) помогать противу китайцов воевать»[11]. Он предполагал, что на это собрание съедется около шести тысяч человек[12]. К сожалению, мы не располагаем данными о ходе заседания этого собрания, но о принятых на нем решениях и позиции, занятой Аблаем, можно узнать из сообщений близкого к Аблаю человека — султана Уруса. Он сообщил русским чиновникам, что если между империей Дуррани и цинским Китаем начнется война, то казахи вступят в войну как союзники Ахмад-шаха[13]. Старшина Кулсара 21 января 1765 г. рассказал, что для организации похода против Цинской империи «от Аблай-салтана во все те места частые чинятся посылки»[14].

Русское правительство также весьма интересовалось афгано-цинскими отношениями. Оно направило в Афганистан специального представителя капитана Богдана Асланова[15], который пришел к выводу, что воевать с Цинской империей Ахмад-шах не собирается, так как ведет упорную и кровопролитную борьбу с сикхами. Он сообщал, что афганские войска совершили поход и разгромили Бадахшан, правитель которого Мир Султаншах выдал кашгарских ходжей цинским властям в 1759 г.

Нам представляется, что Ахмад-шах и не намеревался воевать с Цинской империей, но стремился демонстрацией военных приготовлений к походу в Китай заставить цинское правительство отказаться от своих планов дальнейшего продвижения в Среднюю Азию. В этой сложной обстановке Аблай, не порывая связей с Цинами и не прекращая торговлю, тем не менее поддержал его и более того был одним из инициаторов и организаторов создания антицинской коалиции мусульманских народов Средней Азии во главе с афганским шахом Ахмадом. Попытка эта, хотя и не увенчалась успехом, свидетельст-

[9] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/2. 1762—1775. Д. 14. Л. 188—188 об.

[10] АВПР. Ф. Афганские дела. Оп. 27/1. 1763—1766. Д. 1. Л. 85 об.

[11] Там же. Л. 1—1 об.

[12] Там же. Л. 2 об.

[13] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/2. 1762—1775. Д. 14. Л. 198.

[14] Там же. Л. 210.

[15] См.: *Ганковский Ю. В.* Миссия Богдана Асланова в Афганистан в 1764 году // Советское востоковедение. 1958. № 2.

вовала о росте антицинских настроений в Средней Азии и Казахстане и, возможно, оказала соответствующее воздействие на политику цинского правительства. Во всяком случае в дальнейшем о своих планах покорения Средней Азии оно не заявляло.

Завоевательные походы Аблая в Киргизию и борьба с Кокандом

Непросто складывались отношения Старшего и Среднего казахских жузов со своими кочевыми соседями на юге — киргизами. Многовековое соседство родственных по происхождению, имеющих много общих черт в экономике, культуре, образе жизни народов, привело к довольно широким и разнообразным связям между ними.

Нередко в годы опустошительных нашествий чужеземных завоевателей эти народы объединялись и совместными усилиями отстаивали свои земли. Однако, как только опасность исчезала, между ними вновь вспыхивали столкновения. Так было и на этот раз. Как только угроза цинского вторжения миновала, между отдельными казахскими и киргизскими родоплеменными объединениями начались столкновения. Известно, что уже в 1759 г. султаны Среднего жуза Абулфеиз и Ханбаба с довольно значительными силами вторглись на территорию Киргизии. Причиной военного конфликта, как сообщали казахи царским пограничным властям, было то, что киргизы «у них, киргис-кайсаков, отгоняют лошадей и производят другие разные обиды и, чтоб их привесть к себе в подданство или ради верности взять у них аманатов»[1]. Кроме того, киргизы препятствовали торговле казахов с Цинской империей и среднеазиатскими владениями[2].

Тогда же осложнились отношения с Кокандским ханством. В июне 1760 г. Абулмамбет писал Аблаю, что им нужно увидеться и решить вопрос «что чинить будет владение ево Абулмаметя с кураминским народом, которой-де никаких никуда для торгу караванов, також

[1] *Сапаргалиев Д. Б.* Из истории киргизско-казахских взаимоотношений (вторая половина XVIII в.) // Советский Киргизстан: Страницы истории и современность. Фрунзе, 1984. С. 154.

[2] Там же.

и никаких посланцев не пропускают, грабят и убивают и великий всегдашней разбой имеют, что унять их стало быть не можно»[3].

В 1764—1765 гг. вновь отношения обострились. Как сообщал в Коллегию иностранных дел командующий на сибирских линиях И. И. Шпрингер 19 апреля 1765 г., казахский султан Абулфеиз ходил с войском против Карабуты-бия, «откуда и прибыл благополучно и с собою завоеванного всего богатства и с пленными получил на двадцать тысяч»[4].

Отдельные столкновения в середине 60-х гг. переросли в настоящую войну из-за бывших джунгарских кочевий в Семиречье, на которые претендовали обе стороны.

«Основной причиной большинства крупных столкновений того времени между киргизскими и казахскими феодалами,— указывают киргизские историки,— видимо, являлись попытки тех и других установить свое влияние в приграничных кочевьях с целью легкого обогащения за счет других. В этих столкновениях больше всего, естественно, страдали рядовые кочевники — как киргизы, так и казахи»[5].

Башкирский старшина Шукур Абзанов 24 октября 1764 г., возвратившись из ставки Аблая, сообщил, что «в нынешнем году киргис-кайсаки Большой и Средней орды разных родов кочевья свои имели близ китайской границы, подле разоренной Калмыцкой земли, по речке Иле, и от троекратного киргисцами нападения..., разбитые были, отчего пришли в крайнее разорение»[6].

Хан Среднего жуза Абулмамбет отправил к Аблаю письмо с предложением совместного выступления «вооруженною рукою... на киргизов»[7]. Окончательное решение Аблай принял после личной встречи и совещания с Абулмамбетом. Постановили предварительно известить о своем намерении командование цинских войск в

[3] Курамой назывался район, находившийся по левому берегу р. Сырдарьи между Ташкентом и Туркестаном. См.: Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году // Вестник РГО. Ч. 1. Кн. 1. 1851. С. 53—54; Государственный архив Омской области. Ф. Военно-походная канцелярия. Оп. 1. Д. 121. Св. 88. Л. 249.

[4] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 680.

[5] Взаимосвязи киргизского народа с народами России, Средней Азии и Казахстана (конец XVIII—XIX вв.). Фрунзе, 1985. С. 27.

[6] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 668.

[7] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/2. 1762—1775. Д. 14. Л. 263.

Синьцзяне, чтобы не вызвать с их стороны подозрений.

Предлогом для военного выступления послужил плохой прием гонцов Аблая. Старшина сванского рода Балдыбек разорвал в их присутствии письмо, в котором Аблай просил «не задерживать торговые караваны, не чинить всякие обиды и грабежи»[8]. В ответ на это Аблай в октябре 1765 г. двинул войска.

Многие старшины предлагали попытаться мирно решить с киргизами спорные вопросы и не начинать войны со столь сильным противником. Башкирский старшина Казаккул Казанбаев, возвратившись от Аблая 2 ноября 1765 г., в Троицке сообщил, что «многие киргис-кайсаки ис сего похода ево, Аблай-солтана, отвратить стараются, намерены вскоре послать из улусов солтанских вслед нарочных, уговорить ево, Аблая, к возвращению. Но в случае, когда он с пути возвратиться не похочет, в помощь ему пойдет брат ево, Даутбай-тархан»[9].

Аблай принудил ряд киргизских родоправителей к миру, в залог чего взял от них аманатов. Башкиры К. Казанбаев и У. Азлаев, возвратившись из Среднего жуза 3 августа 1766 г., сообщили, что Аблай находится в кочевьях Старшего жуза вместе со своими сыновьями, и киргизский бий Карабута «ему, Аблай-солтану дал в аманаты сына своего родного... и сем семей со всем экипажем и скотом... причем и захваченных оными кыргызами ево, Аблаева, владения киргисцов из плену возвратил»[10].

В это время киргизы вели борьбу с кокандским правителем Ирданой-беком. Воспользовавшись этим, Аблай напал на кочевья киргизского феодала, фигурирующего в русских источниках под именем Балдыбека. По показаниям в Омске казахского старшины Уразмамета в октябре 1766 г. Аблай, нанеся поражение Карабуте, воспользовался уходом главных сил Балдыбека против Ирданы-бия, «захватил в полон оставших тут мужеска и женска пол болших и малолетних якобы до пяти сот человек»[11]. Киргизский родоправитель спешно направил

[8] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/2. 1762—1775. Д. 14. Л. 247.
[9] Там же. Л. 263.
[10] Там же. Л. 269—269 об.
[11] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/2. 1762—1775. Д. 14. Л. 263—262 об.

к Аблаю посольство с богатыми дарами просить мира. Предложение было принято[12].

Вскоре Аблай перенес военные действия против своего бывшего союзника — кокандского бека Ирданы. Причиной послужило стремление обеих сторон к господству над торговыми путями. Докладывая о подготовке Аблая к походу на Коканд, командующий сибирскими военными линиями генерал-поручик И. И. Шпрингер сообщал 16 ноября 1765 г. в Военную коллегию, что «збираетца, он, султан, со многими старшинами и войском на старшину — Ирдане-бека, поставляя ево, бутто большие от них ево подвластным обиды, озорничества и препятствие следуемых из бухарских городов туда и к ним в улусы купецких корованов чинитца во отмщение итти войною»[13]. Аблай обратился с просьбой к царской администрации дать ему для войны с Кокандом пушки, но получил отказ[14].

Заключив мир с киргизским феодалом Балдыбеком, Аблай направил к Ирдане посольство с предложением мира. Однако, как показал казахский старшина Уразмамет, правитель Коканда, «не склоняясь на то с теми ж посланцами на знак ополчения к войне, прислал к нему пять знамен с копьями и семь сабель»[15]. Аблай отправил на разведку своего приемного сына Бурю-султана во главе отряда из 300 воинов. Превосходящие силы кокандцев окружили отряд и взяли его в плен[16]. Аблай не смог выручить своих воинов. В его стане произошел разлад из-за дележа захваченной добычи.

Казахи позже рассказывали царским чиновникам, что Аблай не двинулся на выручку Буре-султану, так как «у него войска нисколько не осталось, затем, что он ис полученных от Балдыбека подарков бывшим с ним киргисцам ничего в награждение не дал, то они, почитая за огорчение, разобрав оставшуюся часть пленных, разъехались по своим улусам и оставили ево почти безлюдна»[17]. По другим сведениям, это было вызвано тем, что казахи опасались отрицательных последствий войны с

[12] Там же.
[13] Там же. Л. 252.
[14] Там же. Л. 252 об.
[15] Там же. Л. 263 об.
[16] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 685.
[17] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/2. 1762—1775. Д. 14. Л. 263 об.

Кокандом, которые отразились бы на торговле со Средней Азией. Многие участвовавшие в походе на киргизов старшины, говорили казахские воины, «к тому с ним (Аблаем.— *Авт.*) не согласились и силы ни сколько не дали, со объявлением: естли будут ходить войною, то ташкенцы на мену приезжать не станут...»[18].

Оказавшись в столь трудном положении, Аблай не прекратил борьбу. Перебравшись в кочевья казахов, расположенные в районе Ташкента, он набрал там несколько сот воинов и двинулся навстречу войскам Ирданы-бия. Сражение было проиграно, Аблай тяжело ранен, «ис турки в бок и спину был бы убит, но только за одеждою колчужною и стежника получил чувствительныя контузии и затем, видя свое изнеможение, оттоле отступил и остановился близ Туркестанта и урочища камня, называемого Каратау»[19].

Потерпев поражение в бою, Аблай прибегает к дипломатическому маневру. Обосновавшись на Каратау, он вступил в тайные переговоры с «Ирданябековыми подвластными знатными старшинами ташкентского владения», уверяя их, что он готов заключить с ними мирное соглашение. Последние, как показывал в Омске старшина Уразмамет-тархан, не зная, что Аблай потерпел поражение от Ирданы, направили к Аблаю посольство с богатыми дарами[20]. Захватив послов, Аблай двинулся со своей дружиной в их владения и разорил их. Добычу он отправил в свои кочевья под охраной сына Вали[21].

Аблай добивался от Ирданы-бия выдачи одного из владельцев — Баястана, видимо, отказавшегося платить ему дань и скрывшегося в Ташкенте. Ташкентский наместник Мулла Самси помог ему бежать из города. Аблай казнил Муллу Самси и захватил членов его семьи[22] и вторично послал послов к Ирдане-бию. Получив отказ, не дожидаясь возвращения третьего посольства, Аблай вновь напал на киргизов и нанес им поражение[24].

[18] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1766—1769. Д. 3. Л. 64.
[19] Там же. Л. 264.
[20] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1766—1769. Д. 3. Л. 264 об.
[21] Там же. Л. 264 об.
[22] Там же. Оп. 122/2. 1762—1775. Д. 14. Л. 270.
[23] Там же. Л. 270 об.
[24] Там же. Л. 271—271 об.

Крупных сражений между силами кокандского бекства и дружиной Аблая не было. Как свидетельствуют источники, правители городов старались откупиться от нападавших. Аблай, рассказывал Уразмамет, «когда еще следовал вперед и прибыв к первым городкам того Ирданебека владения, называемым Кухан, Саркон, Катагаш, Салтан, Рабат, живущих в них старшин стращал разорением и смертной гибелью, што видя они и спасая свой живот, склонясь дарили ево, султана, золотом, серебром и протчими вещми. Почему он без всякого им повреждения оставя, следовал к городку Ташкенту, от которого, также и от протчих городков, получал таковые ж подарки, штоб только им раззорения не учинил»[25].

Получив дань с Ташкента, Аблай направил посольство в Коканд к Ирдане-бию, чтоб последний «завладевшия прежде усилием городки подданы старшине Базылбеку три, а ево, Аблай-сулатана, четыре возвратил, почему и ссоры никакой последовать не может, а для примирения и сам прибыл к нему, Аблай-султану»[26]. Кокандский правитель отверг эти предложения. Он предложил самому приехать в Коканд для переговоров или прислать своего сына и султана Абулфеиза в аманаты. Только тогда Ирдана соглашался поехать к Аблаю в Ташкент[27].

Естественно, Аблай не принял этих требований. Между тем обстановка в его дружине осложнилась. Причиной этого явилось нежелание Аблая делиться захваченной добычей со своими старшинами. «Бывшие с ним, Аблай-султаном, подвластные лутчие люди,— рассказывал Уразмамет,— уведав, што получал он немалые з городов подарки, намерены из них и себе получить каждой часть и пришед того требовали. И как он не стал давать, то все сказали ему, што ест ли он вступит с тем Ирданебеком в войну, будут не помощники, и стали збиратся возвратно по своим улусам»[28].

Летом 1766 г. в Средний жуз из-под Ташкента приехал сын Аблая султан Вали для сбора военных под-

[25] Там же. Л. 298.
[26] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/2. 1762—1775. Д. 14. Л. 298.
[27] Там же. Л. 298 об.
[28] Там же.

креплений[29]. Богатая добыча, успехи Аблая под Ташкентом побудили ряд султанов и старшин выполнить его просьбу и направить войска[30]. Военная помощь позволила Аблаю покорить Ташкент[31].

Неожиданно Аблай нашел союзника — влиятельного бухарского феодала Фазыл-бия. Он отправил к Аблаю и Абулмамбету послов с просьбой, или, точнее, предложением «дабы они обще устремились против Ирдяня-бека производить войну на три года»[32]. Ирдана-бий, узнав об этом, направил послание хану Абулмамбету с предложением прекратить военные действия, заставить Аблая увести свои войска из кокандских владений. Хан Среднего жуза заявил кокандским послам, что он не может этого сделать[33].

Наступление зимы заставило Аблая отступить. С пути он отправил сына Толе-бия Батик-батыра во главе посольства из шести человек, как сообщал в октябре 1766 г. в Петропавловске Кулсара-батыр, «в Китайскую землю с прозбою от их державы на вспоможение ему войска для войны противу того старшины Ирденбека...»[34]. По словам же самого султана, он отправил в Китай Девлеткерея в сопровождении 19 человек[35]. Цинский двор отказал в помощи.

Возвратившись в свои родовые кочевья под Кокчетавом, Аблай сообщил царским властям, что он воевал против Кокандского бекства «для выручки завладевших усилно Ирденебеком у старшины Базылбека трех, а ево, Аблаевых, четырех городков, но Ирденебек на то не склонился, а ташкенцы, бухарцы, самарканцы и протчия живущия в тамошних других городках... подклонились под ево, Аблаеву, власть с тем, чтобы жить в тихости и обходится как детям с отцом»[36].

В 1767 г. Аблай с войсками возобновил военные действия против Коканда. Судя по показаниям казахов

[29] Там же. Л. 271—271 об.
[30] Там же. Л. 264 об.
[31] Там же. Л. 270—270 об.
[32] Там же. Л. 265 об.
[33] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/2. 1762—1775. Д. 14. Л. 265 об.
[34] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/2. 1762—1775. Д. 14. Л. 265 об.
[35] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 685.
[36] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1766—1769. Д. 3. Л. 64.

Б. Тураева и С. Мамбетова в Троицкой крепости в марте 1768 г., жители города Ташкента и округа без боя согласились признать власть Аблая и уплатить дань. «Ташкенцы все теперь состоят подвластными Аблаю и всем киргисцам»[37].

Летом 1767 г. в ставку Аблая прибыл посланец от наместника кокандского Ирданы-бия Фазыл-бий с изъявлением покорности[38]. Не довольствуясь этим, Аблай решил добиваться подчинения Ирданы-бия своей власти. С этой целью осенью 1767 г. в Пекин был вновь отправлен султан Девлеткерей с просьбой о военной помощи. Люди Аблая распространяли повсюду слухи о согласии богдыхана[39]. Весной 1768 г. казахи объявили омским властям, будто бы цинский отряд уже направляется к Ташкенту[40]. Однако возвратившееся в апреле из Китая посольство опровергло эти слухи. Как докладывал посланный оренбургской администрацией в Средний жуз Кунгур Юсупов, «от силы ему, Аблаю-солтану, и случившемуся с его послом у богдыхана быть куканского городка владельца Ирданя-бия послу от него богдыхана отказано, а толко советывал он, богдыхан, что они как есть одного закона, ежели хотят, помирились». Правда, Цяньлун якобы пообещал дать Аблаю войска, но при условии, если он пришлет в Пекин в качестве аманата своего сына[41].

В 1768 г. осенью в Пекин был отправлен старший сын Аблая султан Вали. Как выяснил побывавший в Среднем жузе переводчик оренбургской губернской канцелярии М. Арапов, перед ним была поставлена сложная задача «исходатайствования помощнаго войска против ташкентцов и туркестанцов, которые по требованию его, Аблаеву, не только какой дани ему не дали, но с болшим бесчествием возвратили»[42].

Впоследствии стало известно, что Аблай в послании императору Цяньлуну заявил, будто он посылает султана Вали в Пекин в качестве аманата. На что из столицы

[37] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. С. 688.
[38] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1766—1769. Д. 18. Л. 382 об.
[39] Там же. Оп. 122/2. 1762—1775. Д. 14. Л. 315 об.
[40] Там же. Л. 316—316 об.
[41] Там же. Л. 315 об.
[42] Там же. Оп. 122/1. 1766—1769. Д. 18. Л. 338.

империи последовал ответ, что Аблай присылает людей «для славы и предпочитания... а не для аманатства»[43].

Оставались напряженными и отношения с киргизскими племенами, периодически возникали военные конфликты. Весной 1768 г. на территорию, занимаемую этими племенами, вторглись войска под командованием Даутбай-тархана и батыра Худайменды. Возвратившиеся из поездки в Средний жуз Кунгур Юсупов, Такай Каипов и Исергап Илкебаев сообщали 8 июля 1768 г., что вышеупомянутые казахские владельцы «отправились в тысяче двухстах пятидесяти человеках... на киргисцов, кочующих по Сырдарье реке для отмщения за убитого команды их Кудайменды-солтана и Даутбай-тархана одного киргизца, отвоз одной девки и угон до пяти тысяч скота»[44].

В 1770 г. Аблай совершил новое нападение на киргизские кочевья. Битва, получившая название «Джаилын кыргыны»—«Джаилово побоище», считал Ч. Валиханов, стала решающей в казахско-киргизских отношениях того времени. Произошла она в долине р. Чу при впадении в нее р. Аксу и Кызтуган. Разбив аулы киргизских родов солту и саяков, Аблай возвращался со своим войском обратно и встретился с многочисленным ополчением киргизов. «Кайсаки остались победителями,— пишет Чокан Валиханов,— хотя киргизы дрались насмерть, чтобы освободить своих пленных... киргизы понесли ужасный урон: из рода чонбагыш остались только два аула, а из отделения чонтолкан только 40 человек»[45].

После этого сражения киргизы направили к Аблаю посольство с предложением заключить мир, установить границу, обменяться пленными. В знак верности знатные родоправители манапы отдали в заложники своих сыновей. Условия эти были приняты Аблаем, и на некоторое время между казахами и киргизами воцарился мир.

[43] Там же. Л. 382 об.

[44] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1766—1769. Д. 18. Л. 282 об.

[45] *Валиханов Ч. Ч.* Записки о киргизах // Собр. соч. Алма-Ата, 1985. Т. 2. С. 77—79.

Нападения на волжских калмыков

В начале 1771 г. Аблай получил известия от хана Младшего жуза Нуралы о бегстве большей части волжских калмыков в Джунгарию. Официальное уведомление с просьбой задержать их и возвратить было послано и царскими властями. Причины бегства довольно хорошо изучены в советской историографии, поэтому нет необходимости говорить о них подробно. Оно связано с общим усилением колонизации калмыцких степей царизмом, приведшей к значительному сокращению кочевьев, усилению феодальной эксплуатации, росту и обострению межфеодальной вражды. Стремление царского правительства ослабить значение калмыцких ханов, превратить наследственную калмыцкую знать в чиновников, активная христианизация населения и все более частое привлечение калмыков к военной службе в рядах русской армии побудили часть калмыцкой знати во главе с наместником Убаши перекочевать в Джунгарию. Убаши и его единомышленники полагали, что территория Джунгарии осталась не занятой[1]. Активную пропаганду в этом направлении вели бывшие джунгарские князья (Шерен (Цэрен) и другие), бежавшие из Джунгарии на Волгу в период завоевания ойратского государства Цинской империей, и ламаистское духовенство[2]. «Нет сомнения в том,— писал Н. Я. Бичурин,— что Убаши и Сэрын предприняли возвратиться на родину по предварительному сношению с алтайскими своими единоплеменниками, исполненными ненависти к Китаю. Они, вероятно, думали и то, что сия держава по покорении Чжуньгарии, вызвала оттуда свои войска обратно, а в Или и Тарбагатае оставила слабые гарнизоны, которые соединенными силами легко будет вытеснить»[3].

В конце 1770 г. Убаши, под предлогом отражения нападения казахов Младшего жуза, перекочевал с торгоутами на левый берег Волги между Черным Яром и

[1] Очерки истории Калмыцкой АССР: Дооктябрьский период. М., 1967. С. 212, 215.

[2] *Чернышев А. И.* О перекочевке волжских калмыков в Джунгарию в 1771 г. //XV научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы докладов. М., 1984. С. 156—157.

[3] *Бичурин Н. Я.* Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени. Спб., 1834. С. 231—232.

Астраханью. В первых числах января следующего года приблизительно до 170 тыс. чел.[4] двинулись в путь. Переправившись через р. Эмбу, беглецы направились в Джунгарию через кочевья Младшего и Среднего жузов. Вооруженные отряды феодалов насильно гнали людей. Позже калмыки, приезжавшие в Пекин, рассказывали изучавшим в Пекине китайский и маньчжурский языки А. Владыкину и А. Попову, что Убаши и другие феодалы «соглащали к побегу», а рядовые «тому весьма противоречили, отчего многие из нас претерпели жестокие наказания» и были уведены под страхом смерти[5].

Царские власти проявили беспечность и нерасторопность в организации преследования бежавших, к тому же отказались выступить в погоню яицкие казаки, и время было упущено. Лишь Нуралы, а затем и присоединившийся к нему со своими отрядами Айчувак следовали за беглецами и наносили им значительные потери.

7 апреля 1771 г. оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп получил письмо от хана Младшего жуза Нуралы, в котором тот сообщал о ходе преследования бежавших с Волги калмыков[6]. Получив чувствительный удар, Убаши и его приверженцы отправили к Нуралы зайсана Тойлугу с предложением прекратить нападения и разрешить его подвластным калмыкам жить среди казахов. Однако Нуралы потребовал от калмыцких владельцев возвращения их на прежние кочевья. Сообщая о подходе к нему основных сил из своего ханства, Нуралы отмечал, что «калмыцкий скот худ, а лошадей нет и все идут пешие, причем престарелых своих людей бросают и передние их чрез Мугальярские (Мугоджары.— *Авт.*) горы пошли, а последние при тех горах находятся». В преданиях казахского народа это преследование волжских калмыков получило название «пыльного похода»[7].

На р. Муинты калмыки, остановившиеся на отдых, были окружены отрядами казахских феодалов — Нуралы, Аблая, Уруса, Адиля и др. В такой обстановке Убаши направил к Аблаю послов с просьбой принять его со всеми его подвластными в подданство и отвести земли для кочевьев. Было заключено трехдневное соглашение о перемирии и размене пленных.

Чокан Валиханов, основываясь на казахских преданиях, так описал это событие. Окруженные казахами калмыки «послали семь человек послов во главе которых высокий черный калмык в огромной как котел, лисьей шапке, сошед с лошади за несколько сажен, подошел к хану (Аблаю.— *Авт.*) и приветствовал: Алла джар (бог помощник)! Уса (Убаши.— *Авт.*) и Серен (Цэрэн.— *Авт.*) послали меня: калмыки и казахи братья, будем же и теперь ими, примите белые юрты — дань и будем мирны!». Казахи устроили совет, на котором Аблай заявил, что «белые юрты надо взять, обнадежить и потом уже разграбить». Ряд батыров, указывает Ч. Валиханов, и прежде всего Баян не соглашались[8]. Мирные предложения Убаши были всего лишь маневром, рассчитанным на снижение бдительности противника, на короткую передышку, восстановление сил. На исходе третьих суток внезапным ударом беглецы прорвали фронт окружения и двинулись вдоль западного берега оз. Балхаш, оставляя позади сотни уставших и обессилевших людей, павших животных.

Когда калмыки пришли в Джунгарию, их встретили во всеоружии цинские войска. Цинская администрация заявила Убаши, что они будут пропущены в Синьцзян лишь при условии принятия подданства маньчжурского императора. Измученные трудной дорогой, потеряв в пути около половины людей и 9/10 скота, калмыки совещались семь дней, неся при этом новые потери от беспрерывных нападений казахских и киргизских отрядов. Положение было безвыходным, и калмыцкие феодалы решили признать цинское подданство[9].

Они были расселены в различные районы Синьцзяна.

---

[4] Очерки истории Калмыцкой АССР: Дооктябрьский период. С. 216.

[5] Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Ф. 273. Собрание К. А. Скачкова. Карт. 27. Д. 2. № 4262. Л. 230 об.

[6] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1769—1773. Д. 19. Л. 269 об.

[7] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1769—1773. Д. 19. Л. 270 об.; *Валиханов Ч. Ч.* Исторические предания о батырах XVIII в. // Собр. соч. Алма-Ата, 1984. Т. 1. С. 221—222.

[8] Баян, указывал Ч. Валиханов, был «любимец Аблая и первый храбрец того времени. Родом был из рода уак-кирей и был убит в одном из набегов на калмыков с братом своим батыром Сары: отчего часто называют их вместе Сары-Баян» (*Валиханов Ч. Ч.* Исторические предания о батырах. С. 216). *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. В 5 т. Алма-Ата, 1984. Т. 1. С. 222.

[9] *Санчиров В. П.* Приволжские калмыки в составе Цинской империи в конце XVIII века // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1983. С. 61—64.

Ездивший в июне 1771 г. в ставку Аблая по заданию оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа башкирский старшина Казаккул Казанбаев сообщил, что калмыки «китайцами в предверие всяких их покушений, по малым частям разделены и в тех местах поселены, кои прежде калмыкам принадлежали, и тем удалили их от охоты, которую они, пришед в раскаяние, крайне имели опять в Россию возвратится. И так теперь весма кленут возмутителей своих владельцов»[10]. Однако все попытки возвратиться в Россию пресекались цинскими властями самым жестоким образом. Калмыки говорили находившимся в Пекине русским представителям, что «не токмо мы, но и ханы наши теперь о том много сожалеют, что лишились во всем для нас изобильной России». Цинские чиновники «с наших ханов почти грабежом собирают скот и всякие вещи... и от тех их нападков и грабительств ныне пришли мы в великое раззорение»[11].

Нападение отрядов Аблая на калмыков во время их перехода в Джунгарию осложнило его взаимоотношения с цинскими властями. Тот же К. Казанбаев сообщал, что в начале июня в кочевья Аблая прибыло цинское посольство из 50 чел. с требованием, «чтоб киргисцы ожидаемых в китайскую сторону из России... калмык безбедно пропустили и в потребном случае оным всякое вспоможение учинили, а о сем бы самом и Нурали-хан от него, Аблая, уведомлен был. Взятых киргисцами при преследовании калмык, собрав, немедленно возвратили, а в противном случае наказан он будет мечом»[12]. Ответ Аблая был весьма уклончивым. Он заявил цинским послам, что «есть ли те, оставшие калмыки, спокойно чрез орду их пойдут, то и он с киргисцами касаться до них не будет, а о взятых в плен калмыках тогда обстоятельный ответ даст, когда с народом об них выправится»[13].

Угрозы цинских властей, начавшиеся ответные нападения калмыков, угнавших только в том же 1771 г. из Старшего и Среднего жузов до 70 тыс. лошадей, заставили Аблая прикочевать к сибирской крепости Святого Петра[14].

Российское правительство вскоре потребовало от казахских владельцев возвращения захваченных ими калмыков. Аблай, собрав пленных из других улусов, не выдал их однако царским властям, а оставил у себя, что вызвало озлобление части казахских феодалов.

В последующие годы между казахами и калмыками, признавшими цинское подданство, отношения были натянутыми. Как видно из рапорта в Коллегию иностранных дел командующего в Омской крепости генерал-майора А. Скалона от 31 января 1777 г., калмыки «приезжающих для торгу киргисцов в улусы свои не отпускают благополучно, а отбирают как товары, так и что бы при них, киргисцах, не было силною рукою... и сверх тово начинают у близ кочующих к ним киргисцев отнимать жен и детей и протчее имение разными нападениями»[15]. Последние также в долгу не оставались, что создавало напряженную обстановку в этом районе Центральной Азии.

Внутренняя и внешняя политика Аблая после избрания его ханом

В 1771 г. умер престарелый хан Среднего жуза Абулмамбет. Несмотря на то, что у него остались сыновья (султан Абулфеиз и др.), пользовались авторитетом в степи дети султана Барака, двух мнений относительно преемника Абулмамбета не было. Ханом должен был стать именно султан Аблай. Власть и влияние его уже в 60-е гг. XVIII столетия превосходили власть хана Абулмамбета. В одном из толгау Бухар-Жырау встречаются такие слова, адресованные Аблаю:

> В пятьдесят твоих лет
> Сделал привязь громадную ты, привязав к ней
> Всех трех наших жузов коней [1].

Султан Аблай, указывал А. И. Левшин, «превосходя

---

[10] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1772. Д. 3. Л. 81.

[11] Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Ф. 273. Собр. К. А. Скачкова. Карт. 27. Д. 2. № 4262. Л. 231.

[12] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1772. Д. 3. Л. 81 об.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] АПВР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1777. Д. 2. Л. 3—3 об.

[1] *Магауин М.* Указ. соч. С. 85.

всех современных владельцев киргизских летами, хитростию и опытностию, известный умом, сильный числом подвластного ему народа и славный в ордах сношениями своими с императрицею российскою и китайским богдо ханом... соединял в себе все права на сан повелителя Средней орды»[2].

Избрание Аблая в ханы состоялось в том же 1771 г. в Туркестане в мечети Ходжа Ахмета Ясави. Позже Аблай так рассказывал об этом приехавшему к нему капитану Брехову: «...ханское титло приобрел еще прошлого 1771 года во время преследования бежавших из протекции е. и. в. волжских калмык через трех орд ханов, солтанов, старшин, киргисцов, также ташкенцев и туркестанцев самолутчих людей с общего согласия с тем, чтобы ему, солтану, быть над всеми ханами главным, будучи в городе Туркестане при гробе Святого Ходжи Ахмета. Причем-де по обычаю их и по образу прежде возведенных ханов прочтена утвердительная молитва, а по ней-де и действительно на ханство возведен поднятием пред всем собранием на белой кошме»[3].

Известный знаток жизни и обычаев казахов А. И. Левшин так описывал выборы ханов в Казахстане. «Для избрания хана назначается определенное время и место, куда начинает собираться народ..., открываются частные совещания..., составляются маленькие круги для решения, кого избрать себе головою и кому поручить быть представителем каждой толпы в верховном совете знатнейших представителей народных. Когда число прибывших на выборы считается довольно велико, назначают решительное собрание»[4]. Перед началом народного собрания расстилают ковры, цветные войлоки, на которых по старшинству рассаживаются все участники собрания. Представители наиболее сильных и многочисленных родов задавали на собрании тон и в значительной степени определяли его решения. После избрания кого-либо из султанов ханом, его поднимали на белой кошме, затем одежда избранника разрывалась на части и уносилась участниками собрания с собой, нового хана одевали в ханскую одежду.

[2] *Левшин А. И.* Описание... Ч. 2. Спб., 1832. С. 264—265.
[3] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1776. Д. 1. Л. 52 об.—53.
[4] *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Спб., 1832. Ч. III. С. 126—127.

Спустя пять лет Аблай, уступая настойчивым просьбам оренбургской администрации, обратился к российской императрице Екатерине II с просьбой утвердить его в звании хана всех трех казахских жузов. Впервые эту просьбу он изложил приехавшему к нему представителю оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа капитану Брехову, заявив, что он намерен отправить в Петербург своего сына Тогума в сопровождении старшин Даты Карабатырова и Тевеккеля Минглибаева. В феврале 1776 г. посольство Аблая тронулось в путь[5].

Во время аудиенции Тогум передал Екатерине II прошение Аблая об утверждении его в ханском достоинстве. «Всеподданнейше прошу,— обращался к Екатерине II Аблай,— то мое ханское звание пожалованием из благословенных рук вашего величества за золотою печатью высочайшей грамоты всемилостивейше подтвердить»[6].

Царское правительство, давно уже присвоившее себе право утверждать, точнее, санкционировать выборы ханов в Младшем жузе, с удовлетворением восприняло это обращение. Однако в его расчеты не входило содействовать чрезмерному усилению ханской власти. Так, препровождая послание Аблая императрице, Коллегия иностранных дел не преминула указать, что хан, мол, присваивает себе «больше преимущества, нежели сколько в самом деле ему принадлежать может» и советовала объявить его ханом только одного Среднего жуза[7].

Императорским указом от 24 мая 1778 года Аблай был утвержден ханом Среднего жуза[8]. Однако грамоту и знаки ханского достоинства предписывалось вручить ему в Оренбурге или Троицке.

Но Аблай отказался приехать в Оренбург и Троицк, расположенный в нескольких днях езды от его кочевий, что вызвало раздражение царских властей и усилило их подозрительность по отношению к хану. Оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп зашел так далеко в своих подозрениях, что увидел в этом происки цинского двора, который «старается его со истощением немалого иждевения в свое подданство преклонить»[9].

Впоследствии стало известно, что Аблай был согла-

[5] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1776. Д. 1. Л. 54.
[6] Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках. С. 87.
[7] Там же. С. 88.
[8] Там же. С. 88—89.
[9] Казахско-русские отношения в XVIII—XIX вв. С. 99.

сен принять знаки ханского достоинства, но обязательно «в присутствии господина оренбургского губернатора по близости его кочевки на Сибирских линиях в Петропавловской крепости, к чему для великолепного ознаменования сего возлагаемого на него достоинства намерен взять с собою Средней и Большой Орды знатных солтанов, биев и лутчих старшин, причем и присяги учинить не отрекается. А на Оренбургскую линию ехать хотя совсем и не отрекается, но поставляет за тягость дальней путь по старости лет ево несносным, а притом не надеится, чтоб протчие солтаны и знатные бии ехать с ним склонились»[10].

В конце концов царские власти вынуждены были сами доставить в ставку Аблая грамоту об утверждении Аблая ханом Среднего жуза. Знаки же ханского достоинства — соболья шуба, шапка, сабля так и остались в Петропавловской крепости[11].

Официальное признание Аблая ханом правителями Российской и Цинской империй, которые считали его своим подданным, на практике не имело существенного значения. Источники единодушно свидетельствуют, что Аблай, особенно после избрания его ханом, добился почти неограниченной власти в Среднем жузе, с его мнением вынуждены были считаться султаны и старшины Старшего и даже Младшего жузов. «Ни один киргизский хан,— писал Ч. Валиханов,— не имел такой неограниченной власти, как Аблай. Он первый предоставил своему произволу смертную казнь, что производилось прежде не иначе, как по положению народного сейма, и усмирил своеволие сильных родоначальников и султанов, которые ограничивали советом власть хана»[12]. Примером тому может служить столкновение Аблая с родовой знатью кыпчаков в 1772 г. Недовольные правлением хана решили отделиться от него и уйти в Младший жуз. Однако Аблай, «собрав до тысячи пятисот человек своего войска для усмирения и себе покорения...», решительно пресек эту попытку вырваться из-под его власти[13].

[10] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1779—1780. Д. 1. Л. 246 об.

[11] *Левшин А. И.* Указ. соч. С. 267.

[12] *Валиханов Ч. Ч.* Аблай // Собр. соч. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 116.

[13] ГАОРО. Ф. Оренбургская губернская канцелярия. Оп. 1. 1772. Д. 129. Л. 127—127 об.

Власть Аблая в последние годы его жизни признавали владельцы не только Среднего, но и Старшего казахских жузов. «Как Средней, так и Большой орд солтаны и бии,— показывал в Оренбурге в январе 1780 г. его писарь мещеряк Ягуда Усманов,— все в Аблаевом послушании и его почитают сколько по знатности ево в орде, а наипаче, что все они почти его ближние родственники и свойственники...»[14]. Аблай, по сведениям, собранным Ч. Валихановым, имел двенадцать жен.

В общей сложности от всех своих жен и наложниц Аблай имел 40 дочерей и 30 сыновей[15]. И, несмотря на то, что еще при жизни Аблай разделил свое владение на уделы, выделив каждому из сыновей по улусу, власть и влияние его при решении общих вопросов оставались непререкаемы. Анализируя специфику развития казахской государственности, С. З. Зиманов указывал, что «захват ханской власти рассматривался как успех всего ханского дома», ибо это «создавало условия для активного участия других членов в политической жизни общества». А определение ближайших своих родственников султанами или старшинами в те или иные родовые объединения было одной из главных задач внутренней политики любого хана. «Этим он достигал по крайней мере двух целей: с одной стороны, умерял тенденцию обособления местных феодалов — старшин и удерживал их в рамках вассальных отношений, с другой — облегчал себе задачу управления подданными, имея во главе родовых объединений верного вассала»[16]. Политика Аблая подтверждает правоту этого положения. Таким образом, государственный аппарат замещали лица, кровно связанные с Аблаем, обязанные ему своим возвышением и потому беспрекословно исполнявшие его волю. В тех исторических обстоятельствах это был единственно возможный способ укрепления власти и прекращения межфеодальных усобиц.

После 60-х гг., когда власть Аблая окрепла и внешнеполитическое положение Среднего жуза улучшилось, он правил, по существу, единолично, не прислушиваясь к мнению старшин, почти не созывая советов и собраний.

[14] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1779—1780. Д. 1. Л. 247.

[15] *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Т. 4. С. 175.

[16] *Зиманов С. З.* Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата, 1960. С. 111.

Характеризуя окружение Аблая и его отношение к близким к нему людям, писарь Ягуда Усманов говорил, что «у него первые любимцы и во всех делах верные советники» сыновья Вали и Чингис, а также старшина Дат-батыр. Старший сын Вали «против прочих гораздо хороших свойств и разумный человек, коего всею ордою почитают и в случае Аблаевой смерти на ханство его прочат. Он теперь всею ордою управляет...»[17].

Известны случаи жестоких расправ Аблая с противившимися ему батырами и рядовыми воинами. По преданиям, казаха из племени аргын за ничтожную провинность Аблай приказал заживо закопать в могилу. Тогда еще малоизвестный акын Кутеш открыто обвинил Аблая в жестокости:

Ты Ботакана, Аблай, убил,
Честного мужа зачем убил?
В спор недостойный ввязавшись с нами,
Ты о достоинстве хана забыл[18].

Родственники убитого заставили Аблая выплатить кун. Однако в большинстве случаев попытки родоначальников отстоять свои права и привилегии заканчивались плачевно, они «были разбиты Аблаевыми «теленгутами» (рабами) и должны были подчиниться его железной воле»[19]. Уступая Аблаю в открытом столкновении, некоторые старшины тем не менее пытались оказывать скрытое сопротивление, отказываясь выплачивать подати и чрезмерные поборы.

Активно поддерживали Аблая в борьбе с сепаратистскими настроениями султанов и родоправителей придворные акыны и жырау, особенно Бухар-жырау Калкаманов. Бухар-жырау (1693—1789), живший в свое время при дворе хана Тауке, был выразителем интересов части феодальной верхушки, сторонником сильного централизованного казахского государства, противником родовых смут и усобиц[20].

Безусловно, поддержка таких жырау и акынов как Бухар Калкаманов, Умбетей, Татикара, имевших огромный авторитет и влияние в Степи, способствовала укреплению власти Аблая, ограничению прав родоправителей, усилению централизованных начал в казахских ханствах.

[17] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1779—1780. Д. 1. Л. 246.
[18] *Магауин М.* Указ. соч. С. 102.
[19] *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Т. 4. С. 116.
[20] *Смирнова Н. С.* Казахские певцы XVIII века — акыны и жырау // КСИВ. М., 1952. Т. IV. С. 43—44.

Если в сказаниях придворных певцов и сказителей Аблай предстает как герой, объединивший казахский народ, щедрый и благородный торе, то в народной памяти он запечатлелся как жадный, ненасытный богач, грабивший и обиравший простой народ. Вот весьма характерный отрывок из народной песни об Аблае:

Мой таксыр, повелитель! Спустись ты с высот.
В кровь я ноги разбил и на лбу моем пот.
В трудном деле всю душу ты вывернул мне.
Как мне жить? Почему отобрал ты мой скот?

В нетерпении жадном нарушаешь ты мир,
нас, разрозненных, ты выбиваешь, таксыр,
Мы без хлеба, когда справедливости нет.
Скот отобран — в слезах я, и беден, и сир!
Ай, таксыр! Промелькнут времена этих бед!
И делам твоим темным отыщется след.
Бедняки совершат справедливый свой суд,
Взвесим мы твой грабеж на весах у побед[21].

Внутренняя и внешняя политика Аблая носила ярко выраженный классовый характер, выражала интересы тех групп феодалов, которые стояли за создание сильного централизованного казахского государства, способного эффективно пресекать любой социальный протест, обеспечивать им господство над трудящимися массами, ориентировались в области внешней политики на поддержание дружественных отношений как с Россией, так и с Цинской империей, оставаясь, по существу, независимыми правителями.

Выбор правящих кругов казахского общества остановился именно на Аблае, прежде всего, потому, что он обладал необходимыми качествами для решения тех задач, которые стояли перед страной. Аблай показал себя храбрым воином в юности, решительным и способным военачальником в зрелые годы, искусным дипломатом, жестоким правителем.

Время и обстоятельства потребовали от него качеств воина и дипломата, которыми он, безусловно, обладал.

[21] Цит. по: *Алтынсарин И.* Собр. соч. Алма-Ата, 1975. Т. 1. С. 185.

«Управляет малым народом, но достоин большого народа»,— отозвался о нем джунгарский хан Галдан-Цэрен.

Анализируя причины усиления тех или иных казахских племен и ханств, А. И. Тевкелев и П. И. Рычков в одном из донесений в Коллегию иностранных дел писали: «Всех здешних азиатских народов усилование тогда и от тех происходило, когда где случались над ними владетели по обыкновению их в народном правлении пред другими хитрые и отважнейшия, чрез то усиливаясь, они сперва над своими самовластно, потом и другия смежныя с ними народы под власть свою иногда ласканиями, а иногда и силою покоряли»[22].

По мере упрочения и распространения своей власти на другие владения Среднего и Старшего жузов Аблай все менее считался с традиционным в казахских ханствах институтом — судом биев. «Он сам судил «виновных»,— указывает Н. Г. Аполлова,— в непокорных аулах и сам со своими тюленгутами чинил расправу над ними»[23]. Грабежу и разорению подвергались аулы, пытавшиеся вырваться из его власти[24].

Аблай — человек своего времени. Для него как представителя феодальной знати были характерны и жестокость, и жажда власти, и жадность, стремление к обогащению. Как уже отмечалось, в первое время всю захваченную в походах добычу Аблай отдавал своим воинам, завоевывая тем самым их поддержку. А. И. Тевкелев и П. И. Рычков в донесении в Коллегию иностранных дел от 19 мая 1758 г. указывали, что Аблай «в воинских случаях... ни себя, ни же иждивения своего не жалеет и что где в добычь достанет, то ничего себе не оставлял, в народ раздает и тем у них весьма властительным учинился»[25].

Однако, когда в этом миновала нужда, он стал оставлять всю добычу себе, изменил тактику. Так было, например, во время походов в Киргизию и военных выступлений против Кокандского бекства, в ходе преследования калмыков.

Этот эпизод дает представления не только о негативных чертах личности, но и об основных тактических приемах Аблая-политика, умении маневрировать, верно оценивать и использовать обстоятельства.

Его сила была в предприимчивости, дальновидности, отваге. Поражает дипломатическое искусство, с которым он вел переговоры с изощренными дипломатами Китая, предвидение неизбежного дальнейшего сближения России и Казахстана. Вот весьма, на наш взглад, характерный пример тактики Аблая во взаимоотношениях с царскими властями. Аблай добивается военной помощи от России и пишет письмо оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу следующего содержания:

«Высокопочтенному и высокодостойному господину генерал-порутчику кавалеру и губернатору Ивану Андреевичу Рейнсдорпу от меня Аблай-хана поздравление.

Затем вам, господину генералу, доношу, что орда наша не так как ваша Россия в пределах, но рассеянно находится, так что продерзатели и воры киргис-кайсаки не скоро в руки мои попадаются, ибо земля наша пространна, следовательно где кто кочует знать почти не можно.

С китайским богдыханом зделал я условие в такой силе: буде бы с которой стороны и какой бы ни был государь причинил нам неприятельское действо или наглость, то против его стоять и есть ли б я от него, богдыхана, силы потребовал, то б ему по тому моему требованию воинских людей хотя тысяч до десяти или до двадцати дать. И так в какое б время я с китайской стороны воинских людей не потребовал, всегда мне готовы.

Вследствие сего я вас господина генерала прошу: когда с какой стороны на нашу Киргис-кайсацкую орду неприятель возстанет и когда я, будучи в сообществе е. и. в., против того неприятеля силы просить буду, тогда ея величество силы мне дать изволит? И на сей конец прошу вас ея императорскому величеству донести и что от ея величества воспоследует меня чрез письмо ваше уведомить.

А между тем вас господина генерала прошу, есть ли можно, то с тысячу или с пять сот, а по последней мере триста человек для воздержания Средней моей орды злодействующих киргис-кайсак ко мне прислать, ибо когда мы с Российским государством соединимся и

---

[22] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 552—553.
[23] *Аполлова Н. Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—XIX вв. М., 1960. С. 424.
[24] ГАОРО. Ф. Оренбургская губернская канцелярия. Оп. 1. 1772. Д. 129. Л. 127—127 об.
[25] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 557.

воров киргис-кайсак в страх приведем, то б ни в нашей орде, ни в вашем государстве воровства и насильства делать они не стали, и я б с находящимися на границах ея величества генералитетом находился в согласии, следовательно между двумя жилищами и никакого б худа быть не могло. Ради того я от вас пяти сот человек требую с тем, в который день они вознадобятся мне дать прикажите, и я тех ваших воинских людей вдаль не поведу, как только на пять дней, где воры киргис-кайсаки находятся, и с теми воинскими людьми я вместе быть имею, а буде не я, то сын мой с ними будет. Почему и не может им приключится никакого вреда, но возвращены будут со всем их оружием и одежею, как и с запасом в целости.

И так по содержанию сего моего или пять сот или триста человек со всем их воинским оружием во время требования моего конечно дать прошу. И сие мое последнее требование е. и. в. доносить не изволите, ибо мы такое малое дело между собой знать можем. И буде тех воинских людей дадите или не дадите, прошу через крепость Святого Петра меня уведомить немедленно.

В заключение сего желаю вам со всеми лутчими при вас находящимися многолетнего здравия пребываю Аблай-хан и во уверение печать мою приложил»[26]. Таким образом, Аблай, добиваясь присылки царских войск для расправы с непокорными кипчаками, стремится представить дело так, будто от этого зависит состояние русско-казахских отношений, давая при этом понять, что в противном случае он получит эту помощь от Цинской империи.

Аблай был остроумен[27], умел ценить это качество в других, отличался находчивостью, в то же время был упрям и злопамятен, не прощал даже мелких обид. Так, однажды во время пира у Қазбек-бия джигиты решили подшутить над ним и один из них палкой сбросил с Аблая шапку. Последний, не подняв шапки, молча удалился. Спустя некоторое время во время ярмарки в Қзылжаре по приказу Аблая были схвачены родственники обидчиков, в том числе младший брат Қазбек-бия

[26] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1769—1773. Д. 19. Л. 363—364 об.

[27] *Валиханов Ч. Ч.* Исторические предания о батырах XVIII в. // Собр. соч. Алма-Ата, 1985. Т. 1. С. 218.

Ботакан, которого живым закопали в землю. С большим трудом кровопролитие было предотвращено[28].

В судебных тяжбах Аблай, выступая в качестве арбитра, всегда брал сторону сильного, не гнушался отбирать у бедняков в качестве платы за посредничество последнее имущество, в том числе детей. Жестокость Аблая вызывала ненависть со стороны угнетенных масс казахских шаруа.

Одним из первых казахских феодалов Аблай оценил выгоды распространения в степи собственного земледелия, создания очагов оседлости. В начале 60-х гг. он неоднократно обращается к царским властям с просьбами о строительстве дома в его кочевьях в Қокчетаве, о присылке к нему «хлебопашцев с инструментами», «для обучения тому киргис-кайсак», рыболовных сетей и т. д.[29].

Последние годы жизни Аблая

После возвращения из Петербурга султана Тогума, сообщившего Аблаю об утверждении его Екатериной II в ханском звании, он обратился с письмом к оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу. Он поблагодарил его за содействие в деле отправки и возвращения из столицы своего сына и положительном решении просьбы об утверждении в ханском звании.

Основным вопросом в его взаимоотношениях с царскими властями вплоть до отъезда в 1779 г. в Туркестан был вопрос о присылке ему оружия и войск и о приезде его для получения знаков ханского достоинства в одну из сибирских крепостей. Настаивая на присылке ему военного отряда, Аблай гарантировал солдатам сохранение жизни и имущества, возмещения всех понесенных убытков и т. д. Но все это было напрасно. Тогда прибывшему к нему капитану Г. Лилингрейну Аблай откровенно заявил, что он поехал бы в Оренбург или другой город при условии «ест ли бы даны были просимыя им войска, а бес того не только присяги, но и знаков при-

[28] Абылай аспас сары бел // ЦНБ АН КазССР. Ф. Ж. Копеева. № 953.

[29] ГАОРО. Ф. Оренбургская губернская канцелярия. Оп. 1. 1763. Д. 71. Л. 14—19 об.

нять не хочет»[1]. Официально он объяснил невозможность прибытия для церемонии военными приготовлениями к походу против киргизов[2].

Подчинение своему влиянию киргизских племен была одна из основных стратегических целей хана Среднего жуза. В 1779 г. царским властям от его писаря муллы Ягуды Усманова стало известно, что Аблай намерен, «собрав всех своих подчиненных киргис-кайсаков, ехать для усмирения вышедших ис послушания ево, Аблай-хана, киргисцов, где и пробыть хочет года с три или по усмирении их остатся и вовсе на житье»[3].

Аблай настойчиво добивался от царской администрации и цинского правительства военной помощи, так как война с киргизами была непопулярна в казахском народе. Большинство султанов, биев и батыров не поддержали воинственные планы Аблая. Тот же Ягуда Усманов, хорошо осведомленный о всех делах хана, сообщал 27 января в Оренбургской губернской канцелярии, что после возвращения из Петербурга сына Аблая Тогума и отказа царских властей оказать военную помощь в войне с киргизами, Аблай «призвав своих детей, биев и главных старшин положили совет, чтобы собрав орды их, киргис-кайсаков, зделать на киргизов нападение и привести к себе в подданство, куда он, Аблай, тогда ж, то есть в 1779 г. весною с немалым числом людства (коего щитают до двенадцати тысячь) отправился. А между тем за три дни своего движения послал к китайскому двору сына своего Садык-солтана с двенадцатью человеками служителей для того, что между ними, Аблаем с китайским ханом, отдавна положено через четыре года обсылатся посланниками с извещением о здоровье их, причем Аблай к китайскому хану писал на китайском диалекте для чего особенного из калмык писаря при себе содержит, и просил при том о присылке вспомогательного войска на покорение означенных киргизов»[4].

Собрав своих единомышленников, весной 1779 г. Аблай двинулся в Туркестан. Побывавший в конце того же года в его кочевьях башкирский старшина К. Казанбаев доносил в Петербург, что Аблай «4000 человеках киргис-кайсаков с пятью своими сыновьями и с двумя женами отправился под народ кочующий в горах, лежащих в Малой Бухарии, называемой киргиз — ... а хотел пребывание свое учредить в городе Туркестане...»[5]. Аблай всячески запугивал не поддерживающих его родоправителей местью за его уход со стороны царских властей[6]. Несмотря на это, семью он оставил в родовых кочевьях, в доме, построенном ему царскими властями.

Как сообщали в начале октября 1779 г. сыновья Аблая Чингиз и Ишим, «Аблай-хан, расположась между Туркестаном и границею диких киргизов, согласясь Большой орды с Булат-ханом, в Туркестане живущим, делал на киргизов нападении: сперва посылал детей своих Чингиз-солтана, да племянника Абулфеиз-солтана со старшинами, но как по двум опытам те посланные возвращались бесплодно, то собрался сам Аблай-хан с солтанами и немалым числом людей, делал сильное и нечаянное на киргизов наступление, причем удалось ему захватить знатных киргизов биевских детей с семейством пятнадцать кибиток и разделил их по частям: пять семей Аблай при себе содержит, три семьи Чингис-солтан привез в орду и поручил в смотрение Барак-хана сыну Букею, да Тяукею-солтану, три семьи отправлены в Туркестан к Булат-хану, да две Абулфеис-солтану отданы, однако не на таком положении, чтоб их зделать ясырами, но содержут до точного всех покорения в аманатах на хорошем трактаменте»[7].

Угроза гибели семейств заставила многих знатных киргизских родоправителей (манапов) сложить оружие и признать зависимость от казахского хана Аблая.

Султаны Чингиз и Ишим объявили в кочевьях Среднего жуза, что «из тех диких киргизов большая часть сим захватом аманата в послушание Аблая приведена, а остался только один Садык-бий со всей ево волостью, за чем и Аблай не отступает от теперешнего его места пребывания, старается всячески взять и от сего последнего аманата. Ежели добровольно не согласится, то

[1] Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках. С. 96.
[2] Там же. С. 100.
[3] Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках. Алма-Ата, 1964. С. 96.
[4] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1779—1780. Д. 1 Л. 244 об., 245.
[5] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1779—1780. Д. 1. Л. 263 об.—264.
[6] Там же. Л. 264—264 об.
[7] Там же. Л. 245.

намерен зделать на него нападение, к чему и покоренные им киргизы помогать обещались»[8].

Объясняя царской администрации причины военных успехов Аблая в борьбе против киргизов, которые, по словам самих казахов, «гораздо многолюдны и в воинском действии и во всех поступках против орды киргис-кайсак острее и проворнее», Ягуда Усманов указал на следующие обстоятельства. Во-первых, неожиданность нападения и захват «биевских детей», во-вторых, Аблай, по его словам, прибег к запугиванию киргизов поддержкой его действий со стороны России и Цинской империи. Так, в 1778 г. из Петропавловской крепости в кочевья Аблая бежал русский солдат Яков, принявший участие в этом походе. «И когда Аблай по некотором сражении посылал от себя к киргизам для увещевания своих теленгутов, то с ними отправлен был и означенный беглой солдат, одетой в аммуниции, с таким устращиванием, якобы он, Аблай, имеет у себя на помощь немалочисленное и сильное российское войско с оружием и доказывал тем самым солдатом». Наконец, указывая киргизским военачальникам на расположенный на китайской границе цинский отряд в 500 человек «для обыкновенной по границе стражи» Аблай уверял их «будто и то китайское войско, также в помощь ему, Аблаю, тут прислано, отчего киргизы и пришли в немалую робость...»[9].

Весной 1780 г. Аблай перекочевал со своими аулами под Ташкент. Приезжающие по торговым делам в Семипалатинск сообщали, что хан Аблай «расположился в шестидневной езде от города Ташкении по выпавшей из гор речке Таласе... для покорения под свое владение диких киргизов, в горах кочующих... при коем находится и войска не более дву сот человек, да и то большею частью из пленных трухменцов, калмык и протчих пленных народов и на том месте производит хлебопашество...»[10].

Осенью 1780 г. Аблай тяжело заболел и вскоре скончался. Точную дату смерти Аблая установить пока не удалось. Скончался он осенью 1780 г. под Ташкентом.

[8] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1779—1780. Д. 1. Л. 245.

[9] Там же. Л. 245 об.

[10] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1777—1785. Дело без номера. Л. 54 об. — 55 об.

Прах его был доставлен и с большими почестями захоронен в Туркестане в мавзолее Ходжа Ахмета-Ясави.

Оплакивая смерть Аблая, Бухар-жырау говорил:

Ты многочисленных калмыков
Подчиняться себе заставлял.
Ты боевой свой верный топор
Золотом украшал.
Рожью откармливал коней,
Силы ты их поднимал,
И надо всей огромной степью
Дух твой грозой бушевал[11].

Сообщая о кончине отца в письме к командующему Отдельным Сибирским корпусом генерал-майору Н. Г. Огареву султан Вали писал: «Отец мой, будучи в походе, от приключившейся ему болезни помер на шездесят девятом году и был российской стороне верен и служил назад тому лет пятьдесят»[12].

Коллегия иностранных дел, получив с мест известия о смерти Аблая, предписала оренбургскому губернатору Хвабулову и Огареву направить в Средний жуз опытного офицера, чтобы подготовить почву для избрания старшинами и султанами в ханы сына покойного хана Абулмамбета Абулфеиза. Эмиссару царских властей предписывалось «стараться», чтобы выбор казахской знати «пал на благонамеренного к здешней стороне и имеющего силу в народе солтана, к чему здесь способным признается по прежним делам родственник Аблай-хана Абулфеиз-солтан», не настаивая категорически на его кандидатуре, если сам Абулфеиз будет против или если бы он «большему числу киргисцов неприятен был». Основная цель — добиться присылки от казахских владельцев просьбы к российскому двору об утверждении выбранного ими хана[13].

Выполняя указание Коллегии иностранных дел, Уфимский и Симбирский генерал-губернатор генерал-поручик Якоби направил в Средний жуз директора Троицкой пограничной таможни Чучалова с заданием объявить казахским владельцам императорскую волю «о выборе на место умершего Аблай-хана со общаго

[11] *Магауин М.* Указ. соч. С. 94.

[12] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1781—1784. Д. 2. Л. 284.

[13] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1781—1784. Д. 2. Л. 298.

всех согласия другаго достойнаго человека и ково они изберут, то о утверждении ево в сим достоинстве прислали бы от того общества к высочайшему е. и. в двору нарочных посланников с приличным случаю прошением»[14].

Однако, когда Чучалов прибыл в Средний жуз, то узнал, что выборы нового хана там уже состоялись. Старшины ему сообщили: «у них со общаго всех Средней орды солтанов, старшин и всего народа согласия прежде, нежели вышеупомянутая высочайшая грамота получена избрание на ханство достойного по их национальному обыкновению уже учинено, для тех резонов, что в народе их без начальника не произошло смятения и злополучия и чтоб оной непоколебимо довольствовался настоящим спокойствием и тишиною, причем выбран на то ханское достоинство реченной Вали-солтан, в разсуждении того, что он большей сын умершего Аблай-хана и что он, находясь всегда при отце его мог по его хорошему понятию довольно перенять — как наилутче киргис-кайсацким народом управлять»[15].

На поминки Аблая собралось свыше пяти тысяч человек[16]. Тогда же состоялись и выборы нового хана. «В день пятнишной вышли они, солтаны, старшины и киргис-кайсаки, на степное пространное место, где по повторении того своего выбора, исполняя национальной свой древний обычай, по прочтении чрез привезеннаго из Ташкента ахуна и других духовных их людей молитв и приличного к тому из курана песнословия, тотчас воздвигнули его, Вали-солтана, на белой кошме вверх и потом, опустя вниз, бывшую на нем одежду, кроме рубашки сняли, и для памяти того знаменитого произшествия верхнюю взяли себе солтаны, а нижнюю, раздробя на мелкие части, разобрали старшины и киргисцы, вместо которой облекли его Валия, в новую, ханскому достоинству приличную, нарочно для того приготовленную. И так, посадя его на коня, при общем радостном восклицании, отвезли в убранную для него особливо кибитку и во оной посадя, приносили ему поздравления, для чего и продолжили торжество свое седмь дней, веселясь обыкновенною игрою в дутки, в кобзы и скачкою на лошадях, употребляя при том в пищу приведенной с собою скот и в питье кумыз»[17]. Во время выборов было принято решение отправить послом к цинскому двору брата нового хана султана Чингиза.

Цинские власти, узнав о смерти Аблая и избрании казахской знатью ханом султана Вали, поспешили сами прислать богатые дары на тридцати верблюдах, послы, доставившие их казахам, совершили в степи пышную тризну по Аблаю. К российскому двору для официального извещения о возведении султана Вали в ханы был направлен султан Ишим.

Конечно, и помимо султана Вали были в степи претенденты на ханство в Среднем жузе, это и сын Абулмамбета Абулфеиз, сын султана Барака Даир, султана Салтамамета — Урус и другие. Однако все они, как свидетельствуют источники, «от принятия ханского достоинства отреклись».

16 августа 1781 г. в Царском Селе императрица Екатерина Вторая утвердила прошение старшего сына Аблая Вали об утверждении его ханом Среднего жуза[19]. Не обладавший авторитетом, новый хан не смог противостоять усилению феодальных усобиц в государстве, которое фактически через несколько лет после смерти Аблая вновь распалось на отдельные феодальные владения. Ослабление центральной ханской власти и усиление влияния султанов и старшин дали основание царизму в 20-е гг. XIX в. отменить ханскую власть в Среднем жузе.

---

[14] Там же. Л. 35 об.—36.

[15] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1781—1784. Д. 2. Л. 35 об.

[16] Там же. Л. 36.

[17] АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. 1781—1784. Д. 2. Л. 36—36 об.

[18] Там же. Л. 37 об. 38.

[19] Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках. С. 104.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

XVIII столетие, резко изменившее судьбы казахского и других народов Центральной Азии, было не только эпохой горьких невзгод, тяжких поражений, но и временем героических подвигов в борьбе с джунгарскими и другими завоевателями. Слабость государственной власти, неспособность и нежелание феодальной верхушки, занятой внутренними распрями, организовать защиту страны, побуждали наиболее энергичных, патриотически настроенных представителей казахского народа организовывать отпор врагу. В борьбе с джунгарскими, а затем и маньчжуро-китайскими завоевателями выдвигается целая плеяда отважных батыров, искусных военачальников: Богембай, Кабанбай, Малайсары, Джаныбек, Баян, Исет, Байгозы, Джанатай, Уразумбет, Турсунбай и многие другие.

Среди прославленных батыров Аблай выделялся талантом организатора, дипломатическим искусством, предприимчивостью, в определенной мере историческим предвидением. Анализируя жизненный путь этого государственного деятеля, можно выделить несколько периодов. Первый — это время скитаний и борьбы за признание наследственных прав султана. Условно его можно датировать 20-ми гг. Затем началась его длительная борьба за верховную власть в ханстве, которой он фактически добился в конце 50-х — начале 60-х гг. «Аблай,— доносили в Коллегию иностранных дел 22 января 1759 г. А. И. Тевкелев и П. И. Рычков,— ныне во всей Средней орде за главного владельца почитается...»[1].

[1] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 582.

В этой борьбе, стремлении к неограниченной власти Аблай не гнушался ничем. Он сталкивал между собой роды и поколения, безжалостно уничтожал непокорных, пытался использовать в своих интересах связи с царским правительством и Цинской династией. Именно в эти годы он выдвигается в ряды наиболее активных сторонников борьбы за национальную независимость страны, за создание сильного централизованного казахского государства. Наконец, третий, последний период его жизни и деятельности можно датировать временем избрания его на ханский престол.

Аблай был сыном своего класса, интересы которого он отстаивал более энергично и умело, что и позволило ему занять ведущее положение среди других феодалов Среднего и Старшего жузов. В области внутренней политики он боролся против засилья родоплеменных вождей, за создание единого централизованного государства конечно, под своей властью. «Эта сторона деятельности Аблая,— отмечал в свое время известный казахстанский историк М. П. Вяткин,— несомненно, заключала в себе прогрессивные моменты»[2]. На непродолжительное время ему удалось упрочить государственную власть в Среднем жузе, однако, низкий уровень развития производительных сил, отсутствие прочных экономических связей между различными феодальными уделами, устойчивые родовые традиции тормозили процесс централизации власти. Невозможность вследствие особенностей кочевого образа жизни и других обстоятельств обложения населения постоянным налогом и регулярного сбора его не позволяла содержать аппарат управления и регулярную армию. Аблай добился власти благодаря аристократическому происхождению, поддержке обширного клана, личным достоинствам. Социальной опорой Аблая являлись по-преимуществу батыры, та часть феодалов, которая выступала за единое сильное казахское государство.

Объективно положительную роль сыграл Аблай в защите казахов от внешних завоевателей, в организации освободительного движения против джунгарских и цинских завоевателей. Его дальновидность проявилась в том, что он одним из первых связал свою судьбу с Россией.

Негативные и даже реакционные черты во внутрен-

[2] *Вяткин М. П.* Батыр Срым. М.; Л., 1947. С. 167.

ней и внешней политике Аблая начинают отчетливо проявляться в конце 50-х — начале 60-х гг. Связано это с улучшением внешнеполитического положения казахских ханств: Джунгарское ханство пало, Цинская империя изменяет тактику, добиваясь вассального подчинения казахских владельцев путем постепенного усиления влияния, поддержания посольских и торговых связей. В Средней Азии не затихают междоусобные войны. Внутри ханства положение Аблая в это время как никогда прочное. Его авторитет высок. В такой обстановке Аблай и поддерживавшие его феодалы становятся на путь военных захватов, совершая грабительские походы против населения Алтая, в Киргизию, Среднюю Азию, участвуя совместно с царскими властями в преследовании бежавших с Волги калмыков, жестоко расправляясь с недовольными его политикой рядовыми членами казахского общества.

Исходя из вышеизложенного нельзя полностью согласиться с распространенной в советской историографии оценкой его взаимоотношений с Российской империей и цинским Китаем как политики «лавирования»[3]. Внешнеполитический курс Аблая строился на реальных исторических посылках. Низкий уровень развития государственности, отсутствие регулярной армии делали абсолютно невозможной политику конфронтации с любой из этих сторон. События 1740—1741 гг., связанные с нападением Джунгарии, показали, что на помощь царского правительства казахам рассчитывать трудно. Вторжения цинских войск в приграничные районы Казахстана подтвердили это еще раз. В такой ситуации единственно возможной была политика поддержания нормальных межгосударственных отношений с обеими сторонами. Не последнюю роль при этом играли и расчеты Аблая выйти на рынки сибирских городов и завязать торговлю с Синьцзяном, возвратить некогда захваченные джунгарами земли. Таким образом, только глубокое изучение всех исторических обстоятельств, в которых жил и действовал Аблай, может привести к правильной оценке его внешней и внутренней политики.

[3] *Аполлова Н. Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX вв. С. 421.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Труды основоположников марксизма-ленинизма

Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2.

Архивные фонды

Архив внешней политики России. Фонд Афганские дела.

Архив внешней политики России. Фонд Библиотека Азиатского департамента.

Архив внешней политики России. Фонд Зюнгорские дела.

Архив внешней политики России. Фонд Киргиз-кайсацкие дела.

Архив внешней политики России. Фонд Сношения России с Китаем.

Государственный архив Омской области. Фонд Военно-походная канцелярия командующего Отдельным Сибирским корпусом.

Государственный архив Оренбургской области. Фонд Оренбургская губернская канцелярия.

Центральный государственный архив древних актов. Фонд Правительствующий Сенат.

Центральный государственный архив древних актов. Фонд Первый департамент Сената.

Центральный государственный архив древних актов. Фонд Черепановская летопись.

Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Ф. 273. Собрание К. А. Скачкова.

Отдел редких книг и рукописей Центральной научной библиотеки АН КазССР. Фонд Жусупа Копеева. Т. 1—4.

Документы и материалы

Архивные материалы о русско-джунгарских и китайских отношениях // *Ч. Ч. Валиханов.* Собр. соч. Алма-Ата, 1985. Т. 4.

Вяткин М. П. Материалы по истории Казахской ССР. Алма-Ата, 1948. Т. II. Ч. 2.

Вяткин М. «Сказки» XVIII века как источник для истории Казахстана // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940.

Добросмыслов А. И. Материалы по истории России. Оренбург, 1900. Т. 1.

Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. (Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1961.

Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках. (Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1964.

Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.

Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2. 1713—1724 гг. СПб., 1885.

Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году: С примечаниями Я. В. Ханыкова // Вестник РГО. Ч. 1. Кн. 1. 1851.

Потанин Г. Н. Материалы для истории Сибири // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 2. 1866.

Рычков Н. П. Дневные записки путешествия капитана Н. Рычкова в Киргиз-кайсацкие степи в 1771 году. СПб., 1772.

Да Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу (Правдивые записи о деяниях императора Гаоцзуна Чуньхуанди великой династии Цин). Токио, 1937.

Литература

Алдабекова Н. А., Моисеев В. А. Джунгарское ханство в период правления Ламы-Доржи (1750—1752) // Семнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы докладов. М., 1986. Ч. II.

Алтынсарин И. Собр. соч. Алма-Ата, 1975. Т. 1.

Аполлова Н. Г. Особенности возникновения и развития городов Оренбургского края в XVIII в. // Города феодальной России. М., 1966.

Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х гг. XVIII века. Алма-Ата, 1948.

Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М., 1960.

Афанасьев Ю. Прошлое и мы // Коммунист. 1985. № 4.

Байбулов Б. Заметки по истории и этнографии киргиз. Семипалатинск, 1900. В. В. Бартольду — туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927.

Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов // Соч. М., 1968. Т. V.

Басин В. Я. Некоторые аспекты политики России в Казахстане в конце 40-х — начале 50-х годов XVIII века // Известия АН КазССР. Серия общ. наук. 1966. № 5.

Басин В. Я. О взаимоотношениях царской администрации с казахскими владетелями в 40-х гг. XVIII века // Известия АН КазССР. Серия общ. наук. 1967. № 3.

Басин В. Я. О сущности и формах взаимоотношений царской России и Казахстана в XVIII в. // Известия АН КазССР. Серия общественная. 1968. № 5.

Басин В. Я. Политика России в Младшем и Среднем жузах в конце 50-х и 60-х годах XVIII века // Известия АН КазССР. Серия общ. наук. 1965.

Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1971.

Батраков В. С. Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем. Ташкент, 1950.

Бекмаханов Е. К вопросу о социальной природе батыров (XIX в.) // Вестник Академии наук Казахской ССР. 1947. № 8.

Бекмаханов Е. Б. К истории взаимоотношений Казахстана со среднеазиатскими ханствами // Большевик Казахстана. 1947. № 5.

Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1967.

Бернштам А. Н. Из истории международных и военных отношений киргизского народа // Известия Киргизского филиала Академии наук СССР. Вып. 1. 1945.

Бичурин Н. Я. (О. Иакинф) Историческое обозрение ойратов, или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Спб., 1834.

Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. В пяти томах. Алма-Ата. 1985.

Взаимосвязи киргизского народа с народами России, Средней Азии и Казахстана (конец XVIII—XIX в.). Фрунзе, 1985.

Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1889—1896.

Вяткин М. П. Батыр Срым. М.; Л., 1947.

Вяткин М. Казахское общество в середине XVIII века // Известия Казахского филиала АН СССР. Серия историческая. 1940. Вып. 1.

Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР. Л., 1941. Т. 1.

Ганковский Ю. В. Империя Дуррани. М., 1958.

Ганковский Ю. В. Миссия Богдана Асланова в Афганистан в 1764 году // Советское востоковедение. 1958. № 2.

Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII— первой половине XIX в. М., 1983.

Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л., 1946. Т. 1.

Думан Л. И. Традиции во внешней политики Китая // Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972.

Есенберлин И. Кочевники: Историческая трилогия. Алма-Ата, 1986. Кн. 1—3.

Зиманов С. З. Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1968.

Зиманов С. З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата, 1960.

Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1983.

Из истории Казахстана XVIII в. // Красный архив. 1938. № 2.

Исмаилов Е. Акыны. Алма-Ата, 1957.

История казахской литературы: Дореволюционный период. Алма-Ата, 1979. Т. 2.

История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1979. Т. 2—3.

История народов Узбекистана. Ташкент, 1947.

Касымбаев Ж. К. Под надежную защиту России. Алма-Ата, 1986.

Китай: традиции и современность. М., 1976.

Кузнецов В. С. Амурсана. Новосибирск, 1981.

Кузнецов В. С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1983.

Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Спб., 1832. Ч. 1—3.

Магауин М. Кобыз и копье. Алма-Ата, 1970.

Мартынов А. С. Значение приезда послов в императорском Китае // Народы Азии и Африки. 1979. № 1.

Масанов Э. А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966.

Моисеев В. А. Дело Шоно-Лоузана // Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады. М., 1983. Ч. 2.

Моисеев В. А. К вопросу об ойрато-казахских отношениях в 30—40-х гг. XVIII в. // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1983.

Моисеев В. А. Русские архивные материалы о положении Джунгарского ханства в 1745—1749 гг. // Пятнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы докладов. М., 1984. Ч. 2.

Моисеев В. А. Степной самозванец // Простор. 1984. № 6.

Моисеев В. А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М., 1983.

Муканов М. С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974.

Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980 // Навеки вместе: К 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1982.

Очерки истории Калмыцкой АССР: Дооктябрьский период. М., 1967.

Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории // Избранные философские произведения. Т. II. М., 1956.

Румянцев П. П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. Спб., 1910.

Рычков П. И. История Оренбургской губернии // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. Спб., 1759.

Рычков П. И. История Оренбургская. Спб., 1896.

Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.

Сабырханов А. Из истории казахско-русских посольских отношений во второй половине XVIII века // Известия АН КазССР. Серия общ. наук. 1965. № 2.

Сабырханов А. Некоторые вопросы формирования этнической территории казахского народа (XVIIIв.) // Вестник АН КазССР. 1977. № 3.

Сапаралиев Д. Зарождение дружественных взаимоотношений киргизов с народами Средней Азии, Казахстана и России // История и современность. Фрунзе, 1982.

Сапаралиев Д. Б. Из истории киргизско-казахских взаимоотношений (вторая половина XVIII в.) // Советский Киргизстан: страницы истории и современность. Фрунзе, 1984.

Садвакасов Г. С., Шалекенов У. Х. Вопреки исторической правде // Вестник АН КазССР. 1983. № 4.

Смирнова Н. С. Казахские певцы XVIII века — акыны и жырау // Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. 1952. Т. IV.

Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе России в XVIII — начале XX века. Алма-Ата, 1981.

Сулейменов Р. Б. Внешнеполитические связи Казахстана XVI—XVIII вв. в советской историографии // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1983.

Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А. Против извращений истории Казахстана // Вестник АН КазССР. 1984. № 4.

Тимченко С. В. О характере казахско-кокандских отношений в 50—60 гг. XVIII в. // Известия АН КазССР. Серия общ. наук. 1986. № 4.

Хафизова К. Ш. Из истории казахско-китайских отношений в 60-х годах XVIII в. («Урянхайское дело») // Восьмая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады. М., 1977. Ч. 1.

Хафизова К. Ш. К характеристике политики цинского Китая в отношении казахов / вторая пол. XVIII в. // Пятая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады. М., 1974. Ч. 2.

Хафизова К. Ш. О некоторых методах цинской дипломатии в XVIII в. // Шестая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады. М., 1975. Ч. 1.

Хромов С. С. Школа гражданственности: об идейно-воспитательной роли исторических знаний // Правда. 1981. 4 сентября.

Чернышев А. И. К характеристике административного управления в Джунгарском ханстве // Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады. М., 1983. Ч. 2.

Чехович О. Д. О некоторых вопросах истории Средней Азии XVIII—XIX вв. // Вопросы истории. 1956. № 3.

Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII—XVIII вв. М., 1979.

Шашков С. С. Рабство в Сибири // Дело. 1869. № 3.

Шоиньаев Т. Ж. Добровольное вхождение казахских земель в состав России. Алма-Ата, 1982.

Мирзахан А. Хасакэ цзу инсюн Кабанбай (Герой казахского народа Кабанбай) // Синьцзян лиши жэньу (Исторические деятели Синьцзяна). Урумчи, 1984.

Синьцзян дицюй юй цзуго нэйди (Синьцзян и внутренние районы родины). Пекин, 1980.

Су Бэйхай. Шаэ дуй Чжунго хасакэ цзу чжунчжан ды циньлюе (Агрессия царской России против Среднего жуза казахов Китая) // Синьцзян дасюе сюебао. 1983. № 2.

Ша э цинь Хуа ши (История агрессии царской России в Китае) // Пекин, 1981.

Хэ Цютао. Шофан бэйчен. (Полное описание северных областей). Пекин, 1881.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Казахстан на рубеже XVIII века 11
В начале пути 23
Под сюзеренитет России 26
Казахско-ойратские отношения в 30-е — 40-е гг. 32
Феодальные усобицы в Джунгарии. 1745—1754 гг. 40
Разгром Цинской империей Джунгарии и вторжение в Казахстан 53
Казахско-цинские отношения в конце 50- — 60-е гг. 66
Взаимоотношения с Россией 83
В антицинском союзе мусульманских правителей Азии . . 102
Завоевательные походы Аблая в Киргизию и борьба с Кокандом 106
Нападение на волжских калмыков 115
Внутренняя и внешняя политика Аблая после избрания ханом 119
Последние годы жизни Аблая 129
Заключение 136
Список источников и литературы 140

Рамазан Бимашевич Сулейменов, Владимир Анисимович Моисеев

ИЗ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА XVIII ВЕКА

(о внешней и внутренней политике Аблая)

Утверждено к печати Ученым советом Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР

Рецензенты: доктора исторических наук *Б. Г. Гуревич, В. С. Мясников, Г. С. Сапаргалиев.*

Зав. редакцией *Л. И. Дробжева.* Редактор *Т. В. Сергеенко.* Художественный редактор *В. М. Грущаков.* Оформление художника *Г. Л. Цоя.* Технический редактор *Л. Ю. Уляницкая.* Корректор *С. Ю. Вайдман.*

ИБ № 2749. Монография

Сдано в набор 23.02.88. Подписано в печать 13.07.88. УГ13433. Формат 84×108 1/32. Бум. тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. п. л. 7,56. Усл. кр.-отт. 7,67. Уч.-изд. л. 8,34. Тираж 2400. Заказ 89. Цена 85 коп.

Издательство «Наука» Казахской ССР
480100, Алма-Ата, ул. Пушкина, 111/113
Типография издательства «Наука» Казахской ССР
480021, Алма-Ата, ул. Шевченко, 28